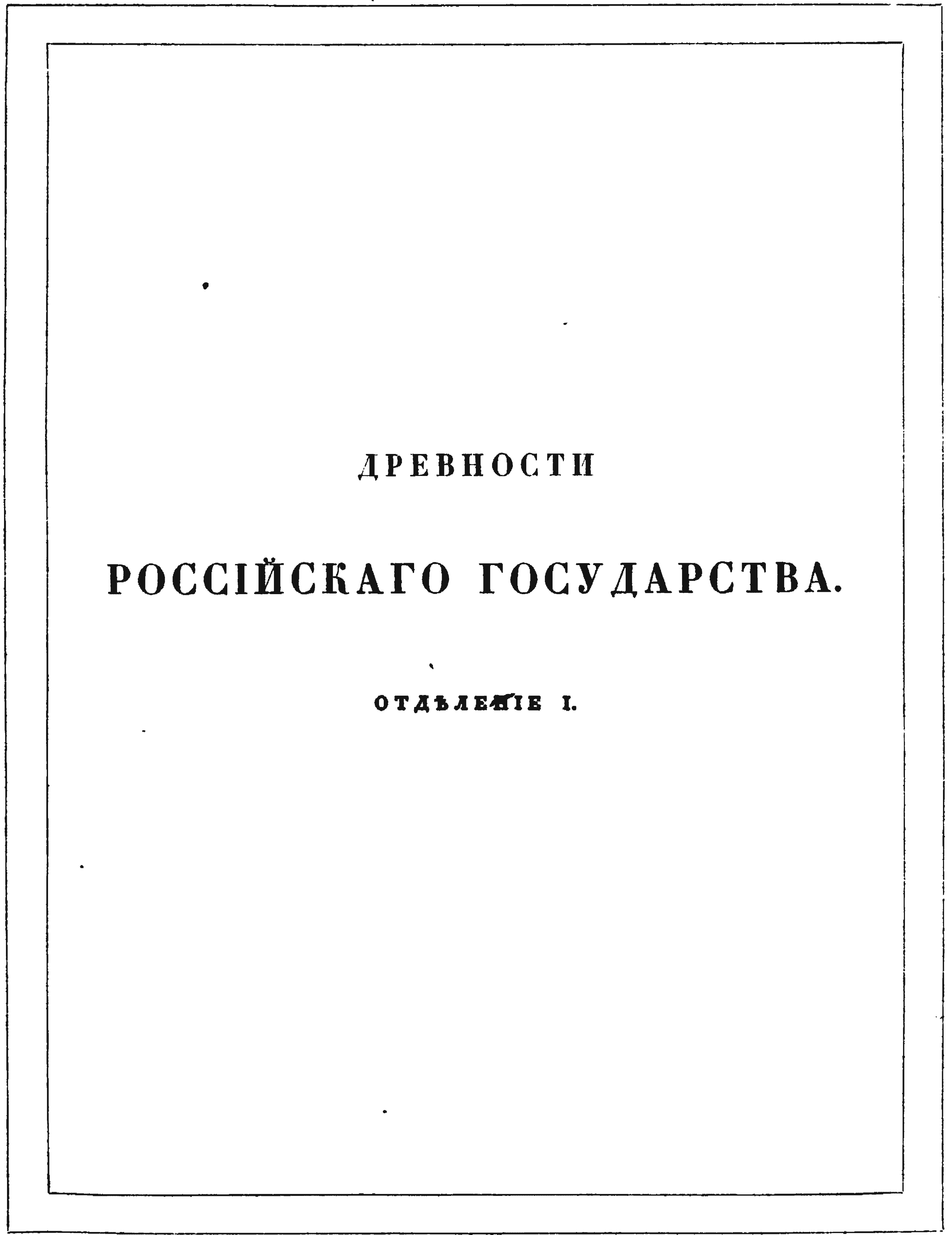

ДРЕВНОСТИ

РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ДРЕВНОСТИ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,

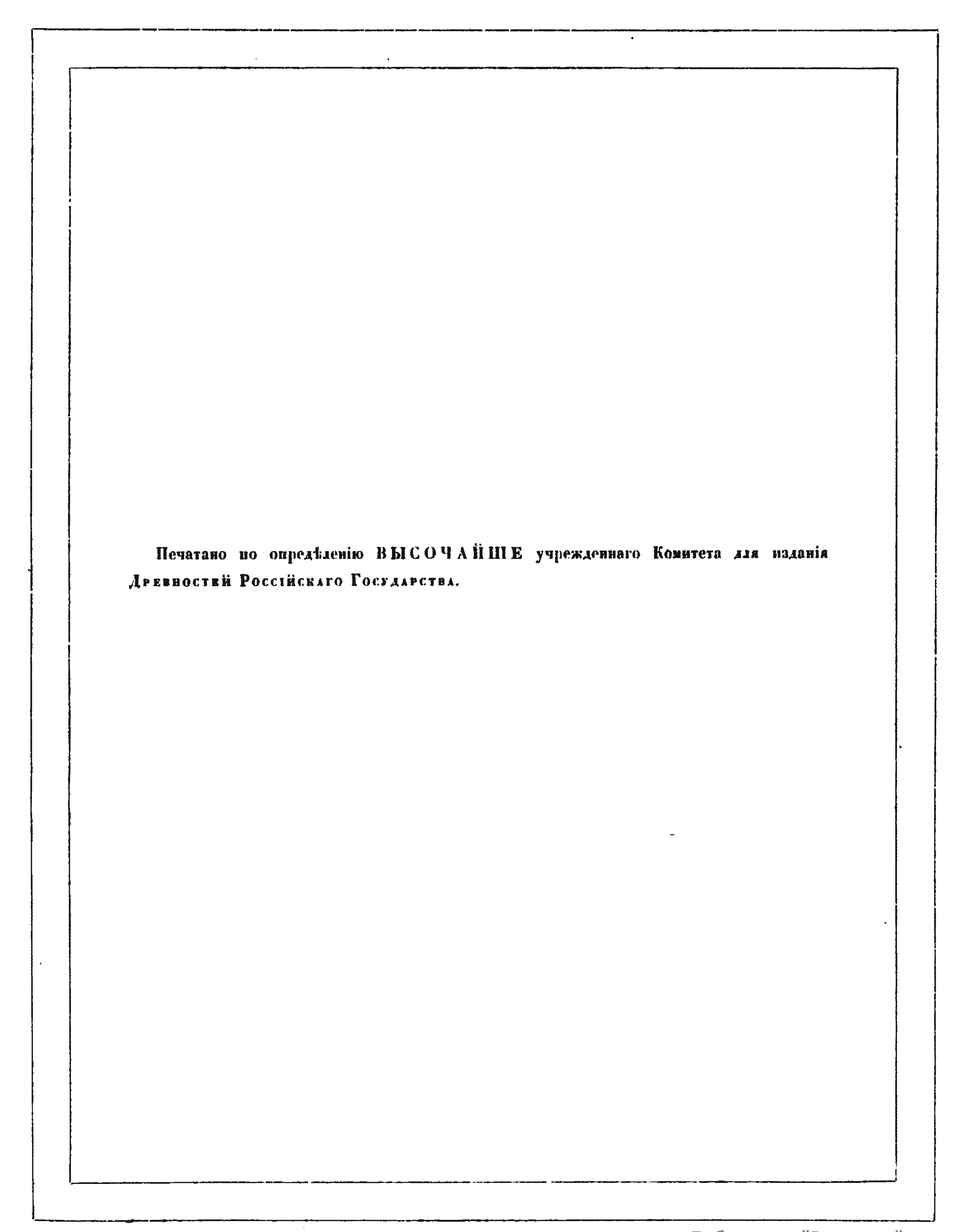
ИЗДАННЫЯ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ НОВЕЛѢНІЮ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

СВ. ИКОНЫ, КРЕСТЫ, УТВАРЬ ХРАМОВАЯ И ОБЛАЧЕНІЕ САНА ДУХОВНАГО.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СЕМЕНА.
1849.

Печатано по опредѣленію ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Комитета для изданія Древностей Россійскаго Государства.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

СВ. ИКОНЫ.

КРЕСТЫ.

УТВАРЬ ХРАМОВАЯ.

ОБЛАЧЕНІЕ САНА ДУХОВНАГО.

Сохраненіе памяти о временахъ прошедшихъ проявляется искони въ обычаѣ Русскихъ Святителей, Великихъ князей, Бояръ и всего народа полагать въ храмы, на вѣчную память себѣ, иконы, одежды, утварь и различные взносы на украшеніе церквей. Въ лѣтописи, въ годъ нашествія Монголовъ на Владиміръ, упоминается объ одеждахъ первыхъ Великихъ Князей «еже бяху повѣшали въ Церквахъ на память собѣ.» Храмы и были первыя хранилища сокровищь Русской древности.

Гражданская Археологія, какъ наука, образовалась въ Россіи вмѣстѣ съ водвореніемъ понятія объ отечествѣ, со временъ Петра Великаго, какъ основателя существеннаго единства Царства и единства духа народнаго. При Императрицѣ Екатеринѣ положено начало своду лѣтописей; но Археологія, въ то время, занималась еще изученіемъ памятниковъ Греціи и Рима. Мысль объ образованіи отечественнаго хранилища древностей принадлежитъ Императору Александру; по его повелѣнію, основана Оружейная Палата, для помѣщенія и охраненія остатковъ древней Царской Большой Казны, которая нѣкогда приводила въ изумленіе пословъ Европейскихъ, горами золота, жемчугу и драгоцѣнныхъ камней въ одеждахъ и утваряхъ царскихъ.

Но кромѣ этого богатства, сокровища древности разсѣяны были по всей Россіи, въ ризницахъ храмовъ и монастырей, въ развалинахъ, въ забвеніи, подъ спудомъ новой жизни, истребляясь, изтлѣвая и постепенно теряя свое

значеніе въ преданіяхъ. Время охраненія памятниковъ Россіи настало со вступленіемъ на престолъ и всеобъемлющею заботливостію благополучно Царствующаго Государя Императора Николая Павловича.

Повелѣвая свято хранить памятники и остатки древностей Русскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ Государь Императоръ соизволилъ, чтобъ все, что заслуживаетъ вниманіе и составляетъ матеріалъ Исторіи или предметъ археологической любознательности ученыхъ и художниковъ, было срисовано со всею отчетливостію, описано и издано въ свѣтъ. Исполненіе этого Высочайше возложено было на Г. Президента Императорской Академіи Художествъ, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Оленина, а изображеніе памятниковъ Русской старины поручено Г. Академику Солнцеву.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, совершая ежегодныя поѣздки по Россіи, Г. Солнцевъ срисовалъ значительное количество Русскихъ древностей — храмовыхъ, великокняжескихъ и царскихъ, ратныхъ и вообще напоминающихъ старину быта Русскаго и древняго Русскаго искусства.

Начатые многотрудные опыты изданія этихъ рисунковъ посредствомъ раскрашиванія гравированныхъ и литографическихъ очерковъ, были прерваны смертію ученаго и трудолюбиваго руководителя этого археографическаго изданія, Г. Президента Оленина. Государь Императоръ, съ благотворною попечительностію, соблаговолилъ принять подъ личную заботу собраніе драгоцѣнныхъ рисунковъ древностей и непрерывную дѣятельность по этому предмету, и повелѣлъ учредить въ Москвѣ Комитетъ изданія Древностей Россійскаго Государства.

Предположенія и начала изданія Древностей Россійскаго Государства А. Н. Оленина, составляли личный его трудъ и опыты этнографическаго описанія Славяно-Руссовъ со временъ историческихъ. « Главная цѣль со-
« чиненія Древностей Россійскаго Государства, говоритъ Г. Оленинъ въ
« очеркѣ предисловія, будетъ состоять въ точнѣйшемъ изслѣдованіи нра-
« вовъ, обычаевъ и одежды или костюма Русскаго народа отъ VI до XVIII
« вѣка по Р. Х., особенно для художниковъ.... Въ этомъ собраніи самыхъ
« отчетливыхъ рисунковъ показаны будутъ настоящіе виды одѣяній, оружія,
« первобытныхъ жилищъ, храмовъ, зданій, скарба, однимъ словомъ, всѣхъ
« предметовъ, которые могутъ входить въ составъ этнографическихъ описа-
« ній племенъ Славянскихъ и особенно Русскаго народа. Къ сему своду
« историческихъ доказательствъ въ лицахъ, присовокуплено будетъ все, что

« у насъ въ Россіи имѣется изъ числа произведеній другихъ народовъ и все, « что можетъ служить яснымъ доводомъ къ подтвержденію сказаннаго о « многолюдныхъ племенахъ Славянъ въ письменныхъ преданіяхъ древнихъ « и новѣйшихъ авторовъ. »

Обширность этого предположенія и сравнительная метода описанія, имѣя свое великое значеніе для науки, какъ плодъ долговременнаго труда изыскателя, не могли быть приняты Комитетомъ въ основаніе; ибо главной, предназначенной цѣлью его было собственно изданіе собранныхъ рисунковъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древности Русской, съ соотвѣтственнымъ описаніемъ; но не ученыя изысканія и не сравнительный, чисто этнографическій сводъ древностей Славянскихъ племенъ въ соприкосновеніи съ прочими народами.

Основываясь на этомъ, и приступая къ исполненію Высочайшей воли, Комитетъ распорядился о составленіи новаго проэкта изданія и опыта о возможности печатанія акварельныхъ рисунковъ Г. Академика Солнцева посредствомъ литохроміи или печатанія масляными красками, въ Москвѣ.

Получивъ Высочайшее утвержденіе на проэктъ изданія, а равно дарованныя щедротами Государя Императора средства къ безотлагательному и успѣшному исполненію, Комитетъ приступилъ къ изданію.

Первый отдѣлъ огромнаго и великолѣпнаго изданія « Древностей Россійскаго Государства » состоитъ изъ 500 большаго формата рисунковъ, распредѣленныхъ, по содержанію своему, на 6 отдѣленій, съ соотвѣтственнымъ описаніемъ.

Первое отдѣленіе Древностей Россійскаго Государства заключаетъ въ себѣ священные памятники: а) Образа и кресты, замѣчательные какъ по историческому значенію въ отношеніи отечественныхъ событій, такъ и въ художественномъ отношеніи разныхъ родовъ и школъ священной живописи. б) Утварь храмовую разныхъ временъ, избранную по древности, красотѣ формъ, драгоцѣнности, или сродству съ священными преданіями. в) Облаченіе сана духовнаго — одежды древнихъ Всероссійскихъ Митрополитовъ, Патріарховъ и Святыхъ Отцовъ — сакосы, фелони, митры и проч.

Второе отдѣленіе заключаетъ въ себѣ древній Царскій чинъ, или священное облаченіе Русскихъ Великихъ Князей и Царей при поставленіи на царство: наслѣдственный вѣнецъ Россіи, св. бармы, скипетръ, державу, наперсный крестъ, присланные въ даръ Греческимъ Императоромъ, и из-

вѣстные подъ названіемъ Мономаховыхъ. Царскія шапки большаго и меньшаго наряда, шапки алмазныя, короны, державы, бармы, скипетры, жезлы и посохи, цѣпи, становые кафтаны и троны.

Третье отдѣленіе заключаетъ въ себѣ древнюю броню, и оружіе: шлемы, шишаки, или ерихонскія шапки, между которыми первое мѣсто занимаютъ шлемы Ярослава Всеволодовича и Александра Невскаго; мисюрки, или оглавія съ кольчужными полами, бахтерцы, зерцалы, кольчуги, наручи, бутурлыки, юшманы; древнія знамена, щиты, торчи, шестоперы, пернаты и булавы; сабли, палаши, кончары, мечи, кинжалы, сѣкиры, чеканы, рогатины, протазаны, пищали, самострѣлы, налучи и колчаны; древніе экипажи и конскую сбрую.

Четвертое отдѣленіе составляютъ древнія Великокняжескія, Царскія, Боярскія и мѣстныя народныя одежды въ изображеніяхъ и портретахъ, въ числѣ которыхъ изображеніе семейства Святослава Ярославича, портреты Филарета Никитича, Царя Θеодора Алексѣевича и проч и проч.

Пятое отдѣленіе заключаетъ въ себѣ древнюю Царскую столовую утварь: блюды, братины, кубки, чаши, ковши, кружки, рога, чарки, стопы, сулеи, воронки, крошни, рукомойники и лохани, серебряныя бочки и ведры, росольники, стоянцы и проч.

Шестое отдѣленіе состоитъ изъ памятниковъ древняго Русскаго Зодчества.

Предсѣдатель Комитета Генералъ Адьютантъ Графъ Сергій Строгановъ.

Членъ Комитета Д. С. С. Михаилъ Загоскинъ.

Членъ Комитета С. С. Иванъ Снегиревъ.

Членъ Комитета Н. С. Александръ Вельтманъ.

Москва,
Декабря 1848 года.

ВВЕДЕНІЕ

КЪ

ОПИСАНІЮ ХУДОЖНИЧЕСКИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ

ЦЕРКОВНОЙ ДРЕВНОСТИ

ВЪ РОССІИ.

Представляя въ этомъ отдѣлѣ описаніе разныхъ предметовъ церковной Археологіи, преимущественно Ангіографіи т. е. описанія сосудовъ, и иконографіи, (1) почитаемъ за необходимое представить въ краткомъ очеркѣ художническую дѣятельность старобытной Руси. Въ ней древнѣйшіе и драгоцѣннѣйшіе памятники иконописи и торевтики, или чеканной работы обязаны своимъ происхожденіемъ Религіи, которая, давая имъ направленіе, сообразно духу своему и цѣли, опредѣляла не только ихъ форму и назначеніе, но и самое вещество. Освященныя ею художества сдѣлались служебными для Церкви, а произведенія ихъ были столько же памятниками благочестія, сколько искусства.

(1) Памятники церковнаго зодчества не вошли въ составъ сего изданія.

И такъ однимъ изъ главныхъ проводниковъ искусства на Русь, единственнымъ его началомъ и средоточіемъ была Христіанская Вѣра. Оживотворяя явленія художествъ, развивая художественную силу въ народѣ, она употребила зодчество для сооруженія святолѣпныхъ храмовъ, торевтику и живопись для украшенія ихъ св. утварями и образами. Хотя, согласно съ правилами своими, Церковь отвергла ваяніе, какъ изконное и обычное орудіе идолопоклонства; но допускала рѣзьбу, изображавшую обронно (рельефно) на деревѣ, кости и камнѣ, кресты, панагіи и св. иконы, дозволяла изваянія на внѣшности храмовъ, каковы во Владимирѣ Клязьемскомъ и Юрьевѣ Польскомъ.

Какъ первымъ разсадникомъ Христіанства, такъ и церковныхъ художествъ, былъ Кіевъ, потомъ Новгородъ, откуда онѣ проникли на сѣверо-востокъ Руси. Въ стольномъ городѣ Византійскіе Греки сооружали церкви, украшали ихъ иконописью, стѣнописью и Цареградскою мусіею, произведеніями чеканной работы и литейнаго искусства. Перенесенный ими Византійскій церковный стиль усвоенъ былъ подражавшими имъ Русскими художниками. Отъ него произошелъ стиль *Корсунскій*, въ какомъ производили художники и ремесленники Корсуни Таврической и Корсуни Кіевской. (2) Въ послѣдствіи, слова *Греческій* и *Корсунскій* обратились въ нарицательныя, въ значеніи *отличный* и *превосходный;* онѣ даже придавались и произведеніямъ Русскихъ художниковъ, подражавшихъ этому стилю. Лѣтописи наши не рѣдко упоминаютъ о *Корсунскихъ колоколахъ, иконахъ и утваряхъ.* Художники въ Россіи, такъ какъ въ Греціи, Италіи, Германіи и Англіи, составляли товарищества или братства; почему лѣтописи наши, упоминая объ ихъ произведеніяхъ, прибавляютъ, что такой-то работалъ съ *други*, съ *братіею,* съ *товарищи,* съ *ученики.* Такъ какъ нерѣдко художество съ его тайнами передавалось отъ отца къ сыновьямъ и внучатамъ: то и у Русскихъ, встрѣчаемъ нѣчто подобное такъ называемымъ у Нѣмцевъ Künstlerfamilien.

(2) Гор. Корсунь въ Кіевской гб. въ Богуславскомъ уѣздѣ при рѣкѣ Росѣ, вѣроятно, заселенный въ древности выходцами изъ Херсона Таврическаго. см. *Книга, глаголемая Большой Чертежъ*, М. 1846, въ 8.

Не соединяя съ художествомъ высокаго понятія о творчествѣ, а съ ремесломъ или *ремествомъ* унизительнаго, Русскіе въ древности еще не различали свободнаго художества отъ служебнаго, раболѣпнаго ремесла (3); но въ смыслѣ, отчасти близкомъ къ тому какой нынѣ даемъ художнику, они называли его *хитрецомъ*, *мастеромъ*, а художественность—*хитростію*. Вся хитрость состояла не столько въ изобрѣтеніи, сколько въ исполненіи, отдѣлкѣ.

Послѣ стольких разгромовъ, уцѣлѣвшіе остатки памятниковъ искусства видимъ въ открытыхъ недавно фрескахъ и мозаическихъ образахъ Софійскаго Кіевскаго собора и Десятинной церкви. Сохранившіяся въ церквахъ Кіева и время отъ времени выкапываемыя изъ земли разныя древнія утвари и узорочья свидѣтельствуютъ намъ о состояніи иконописи и торевтики до-Монгольскаго періода. (3) Золото и серебро, добываемое войною и торговлею, посвящалось на украшеніе св. иконъ и на устроеніе св. утварей. Торевтика выдѣлывала изъ серебра и золота рѣзные, чеканные и сканные вѣнцы, ризы, оплечья, гривны и дробницы на св. иконы, къ коимъ присоединялись украшенія изъ мусіи, финифти и черни. По видимому, съ особенною роскошью убранства *испещряемъ* былъ образъ Богоматери, которую псалмопѣвецъ такъ предъизображаетъ: «рясны златыми одѣяну и преиспещренну.» (4) На ея иконахъ, прославленныхъ чудесами, были въ числѣ привѣсокъ рясны, серги, ожерелья, цаты, гривны. Такъ изъ описанія образа Владимирскія Богоматери мы уже видѣли, сколько золота, серебра, жемчугу и дорогихъ камней употребилъ на ея убранство В. К. Андрей Боголюбскій. Какъ одно изъ главныхъ украшеній не только въ церквахъ, но и въ теремахъ, гридняхъ, хоромахъ и палатахъ составляли св. иконы; то благоговѣйное усердіе Князей, бояръ и богатыхъ купцовъ облекало ихъ драгоцѣнными окладами.

Издревле также главнымъ предметомъ художнической дѣятельности на Руси были и *утвари* (utensilia) церковныя, кои не только значатъ сосуды и орудія, но и самыя одежды. По правиламъ Церкви, утвари сіи должны быть, сколько

(3) Въ Русской Правдѣ за голову ремественника взималось 12 гривенъ, вдвое противъ холопа.
(4) Очеркъ исторіи города Кіева, *Н. Закревскаго*. Ревель, 1836, въ 8.
(5) *Псал*. XLIV. 14.

возможно, « правильнаго устройства и лучшаго вещества. » (6) Всѣ сосуды и орудія, употребительныя при Богослуженіи, въ юридическомъ языкѣ res sacræ, вещи священныя, для церковнаго употребленія были благословенныя и освященныя. (7) Между ними первое мѣсто занимаютъ, какъ въ высшей степени священныя: *потиръ съ дискосомъ, звѣздицею и лжицею, ковчегъ* или кивотъ для храненія божественныхъ даровъ, потомъ *напрестольные крестъ и Евангеліе, рипиды, митры, наперсные кресты* и *панагіи* артосныя, трапезныя и столовыя, и прочая утварь, необходимая при богослуженіи, *водосвятныя чаши, укропники,* или *ковши* для теплоты, *сосудцы виноводные,* (кукумы) *достоканы, анафорныя блюда* и пр. Наконецъ священныя облаченія, покровы, судари, (8) убрусы и пелены, кои торевтика нерѣдко украшала чеканными, сканными и рѣзными дробницами и плащами. Въ нашей церковной древности встрѣчаются утвари, нынѣ или мало употребительныя, или уже вышедшія изъ употребленія. Таковы: *Іерусалимы,* или *Сіоны, кацеи,* или ручныя кадильницы, *артосныя панагіи, чаши Пречистыя, кратиры, фелони,* коихъ знаменованіе объяснено нами въ отдѣльныхъ статьяхъ. Утвари сіи составляютъ предметъ священной Агіографіи.

Сколь важно историческое и догматико-символическое ихъ значеніе, столь занимательно ихъ отношеніе къ художествамъ, къ вѣку и мѣстности художниковъ. Проявляя въ нихъ свое *замышленіе, преизмечтанность* и искусство, они нерѣдко присоединяли свое имя къ имени доброохотнаго дателя въ подписи на утвари. Иногда въ этихъ памятникахъ церковной древности поражаетъ насъ переходъ отъ скудости и простоты къ богатству и великолѣпію матеріаловъ, отъ деревянныхъ сосудовъ Препод. Сергія и Никона къ золотымъ потирамъ Патріарховъ Филарета и Никона. Бывали случаи, что древнія сіи утвари представлялись на отечественныхъ соборахъ въ утвержденіе православія и въ улику раскола. Такъ въ Москвѣ 1682 г. Патріархъ Іоа-

(6) Записки по церковному Законовѣдѣнію. Кіевъ, 1848, въ 8.

(7) Требникъ М. Петра Могилы, ч. II, о различныхъ освященіяхъ о благословеніяхъ церковныхъ.

(8) Такъ читаемъ о сударяхъ (sudaria) въ описи Московск. Усп. собора, въ началѣ XVII вѣка. « Сударь, на немъ шиты святые золотомъ и серебромъ по зеленой камкѣ, подложенъ тафтою « красною. »

кимъ на соборѣ предложилъ въ свидѣтельство четвероконечнаго креста Корсунскій крестъ и Антоніевъ потиръ.

Такъ какъ св. иконы и утвари составляли необходимую принадлежность и святыню церквей: то Греческіе, Корсунскіе и вмѣстѣ съ ними Русскіе художники и ремесленники трудились надъ украшеніемъ первыхъ и надъ выдѣлкою послѣднихъ. Сего требовало множество церквей въ Кіевѣ, особенное усердіе Князей и сановниковъ къ ихъ благолѣпію. Если справедливо сказаніе Епископа Мерзебургскаго Дитмара: то около 1018 г. въ Кіевѣ было болѣе 400 церквей; а Лаврентьевская и Новгородская лѣтописи свидѣтельствуютъ, что 1124 года, тамъ сгорѣло однѣхъ церквей до шести сотъ. (9)

На сооруженіе великолѣпнѣйшей Софійской церкви Ярославъ I призвалъ почти всѣ образовательныя художества, зодчество, ваяніе, торевтику, также мозаику и живопись, коихъ остатки пережили до нашего времени всѣ опустошенія и расхищенія. Кромѣ Греческихъ художниковъ, украшавшихъ своими произведеніями, какъ этотъ, такъ и другіе храмы Кіевскіе, были и Русскіе, замѣчательнѣйшій изъ нихъ св. Алимпій Печерскій, мозаистъ и иконописецъ, о которомъ скажемъ еще въ своемъ мѣстѣ. (10) Внутренность святилищъ блистала серебромъ и золотомъ, искусно отработаннымъ, красовалась мозаикой и мраморомъ, которые покрывали стѣны и помостъ: здѣсь соединялись хитрости Іерусалимскія и мудрости Цареградскія; а инокъ Ѳеодоръ видѣлъ въ Варяжской пещерѣ множество сосудовъ Латинскихъ. Батый послѣ себя оставилъ въ Кіевѣ однѣ пожарища и развалины, гдѣ уцѣлѣли скудные остатки древняго великолѣпія. Но, кажется, неистощимы были церковныя сокровища Русскаго Іерусалима, какими надѣляло его святилища благочестивое усердіе богомольцевъ, стекавшихся туда изо всей Россіи на поклоненіе; ибо св. Фотій Митрополитъ вывезъ оттуда въ Москву «все узорочіе церковное и сосуды» а Менгли-Гирей въ 1482 году, по взятіи сего священнаго града, прислалъ къ союзнику своему Іоанну III, похищенный тамъ золотой сосудъ съ дискосомъ.

(9) Очеркъ Исторіи города Кіева, сост. *Н. Закревскимъ*. Ревель, 1836, въ 8.—Обозрѣніе Кіева, въ отношеніи къ древностямъ. Кіевъ. 1831 г. въ 4.

(10) *Патерикъ Печер.* л. 153.

Художественная сила, проявлявшаяся въ матери градовъ Русскихъ, подъ вліяніемъ Византійцевъ, распространилась и на сѣверѣ Россіи, когда уже Кіевъ утратилъ прежнее свое значеніе. Такъ лѣтописецъ передаетъ намъ о святолѣпности Владимирскаго собора, обогащеннаго В. К. Андреемъ Боголюбскимъ; онъ говоритъ о погибшихъ въ пожарѣ драгоцѣнныхъ его узорочьяхъ, серебряныхъ паникадилахъ, золотыхъ сосудахъ, чудныхъ иконахъ, кованыхъ золотомъ съ каменіемъ драгимъ и жемчугомъ великимъ, объ одеждахъ, шитыхъ золотомъ.» Боголюбскую церковь Рождества Богородицы, которую сравниваетъ лѣтописецъ съ храмомъ Соломоновымъ, сынъ Юрія Долгорукаго «устрои различными цатами, украси ю и златомъ и финиф« томъ и всякою добродѣтелью.» По комарамъ храма поставлены были золотыя птицы (потки), кубки и вѣтрила. (11) Этотъ же ревнитель церковнаго благолѣпія устроилъ въ соборную церковь три золотыхъ двери, такой же амвонъ, освѣтилъ ее золотыми и серебряными паникадилами, принесъ ей въ даръ изъ чистаго золота сосуды служебные, три Іерусалима и рипиды, усѣянныя драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Пожары и Батый лишили Владимиръ этихъ памятниковъ древняго художества. Соборныя церкви въ Новгородѣ, Суздалѣ и Ростовѣ славились драгоцѣнными утварями; въ двухъ послѣднихъ помостъ былъ изъ разноцвѣтнаго краснаго мрамора. Волынскій лѣтописецъ разсказываетъ намъ о великолѣпіи церкви св. Іоанна, которую украсилъ Кн. Даніилъ Галицкій, призвавшій «кузнецовъ желѣзу, мѣди и серебру изъ Нѣмцовъ, Ляховъ и Татаръ.» На этомъ храмѣ изваяны были головы человѣческія «нѣкіимъ хитрецомъ; окна украшены Римскими стеклами, верхъ звѣздами золотыми по лазури, внутренній помостъ слитъ изъ мѣди и олова, блестящь яко зерцало.» Двои двери изъ Галицкаго и Холмскаго камени «изрыты нѣкіимъ хитрецомъ Авдеемъ.» (12) Также Владимиръ Васильковичь Волынскій надѣлялъ церкви коваными изъ серебра сосудами, иконами золотыми съ финифтью, слилъ мѣдныя двери. Все это не доказываетъ ли ревности державцевъ Русской земли къ благолѣпію храмовъ Божіихъ!

(11) *Карамз.* И. Г. Р. III, пр. 27. въ Кіевской лѣтоп.
(12) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, II. 112.

Подобныя украшенія требовали дѣятельности художниковъ, которыхъ доставляла Россіи не одна Византія, но и Германія: уже въ Суздалѣ появляются и Русскіе мастера, которые замѣняли Нѣмцевъ. Для возобновленія тамъ соборной церкви 1193 г. Епископъ Іоаннъ искалъ художниковъ отъ Нѣмецъ, «и обрѣте ихъ отъ работныхъ людей своей Епископьи.» (13) Торговыя сношенія Новгорода съ Ганзейскими городами привлекали изъ Германіи художниковъ въ Россію, гдѣ они находили себѣ обширное поприще для дѣятельности. Нельзя не предполагать сочувствія имъ въ народѣ и художественной силы у Русскихъ, которая время отъ времени обнаруживалась въ произведеніяхъ отечественнаго искусства, даже среди разгромовъ Монголо-татарскаго періода. Были и Русскіе мастера, которые славились своимъ мастерствомъ даже въ Ордѣ, обильной сокровищами. Въ XIII вѣкѣ Плано-Карпини встрѣтилъ при Ханскомъ дворѣ любимаго Ханомъ Русскаго золотыхъ дѣлъ мастера Козьму, который устроилъ для Куине Царскій престолъ и печать. (14)

Въ то время, какъ самосудный Новгородъ цвѣлъ торговлею, изобиловалъ дорогими металлами, когда его храмы красовались богатыми утварями, искусно сдѣланными, тогда Великокняжескій и Святительскій престолы начали привлекать художниковъ въ юную Москву для сооруженія въ ней теремовъ Княжескихъ и храмовъ Божіихъ, для украшенія ихъ утварями подъ вліяніемъ Византійскаго завѣтнаго стиля. Вмѣстѣ съ зодчествомъ, литейнымъ и живописнымъ художествомъ появляются въ Московскомъ мірѣ и золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, славившіеся въ XIV вѣкѣ своими издѣліями. Таковы Парамша, Шышка и Макаръ, упоминаемые духовными грамотами Московскихъ Великихъ Князей. (15) Начиная отъ сына Калиты Іоанна, всѣ Великіе Князья благословляли дѣтей своихъ иконами и крестами Парамшина дѣла; В. К. Димитрій Донской завѣщевалъ своимъ наслѣдникамъ золотые пояса Макарова и Шышкина дѣла. Оклады Евангелій, устроенныхъ при В. К. Симеонѣ Гордомъ

(13) Никон. лѣтоп. II, 258.
(14) Собраніе путешествій къ Татарамъ. изд. *Д. Языковымъ*. Спб. 1828, въ 4.
(15) Собраніе Государствен. грамотъ, I, N 25 и 34.

и Василіи Димитріевичѣ, показываютъ, на какой степени была у Москвичей торевтика. Между тѣмъ какъ Москва славилась произведеніями искусствъ, по выраженію лѣтописца, *кипѣла богатствомъ*, нашествіе Тохтамыша обнажило ея храмы отъ драгоцѣнныхъ утварей, чудныхъ памятниковъ отечественнаго, Византійскаго и Корсунскаго художествъ. Хотя Столица потерпѣла невознаградимыя утраты, хотя въ этотъ разгромъ лишилась многихъ св. драгоцѣнностей; но она скоро вознаграждена была новыми пріобрѣтеніями. Въ началѣ XV вѣка, когда Москва еще боролась съ Ордою и Литвой, была жертвою междоусобій Княжескихъ, тогда союзникъ Ганзы, Новгородъ славился богатствами, питавшими художественность; Нѣмецкіе и отечественные мастера посвящали свое искусство на благолѣпіе многочисленныхъ храмовъ добровольнаго города, гдѣ духовные Владыки были первыми покровителями художествъ. Съ освобожденіемъ Россіи отъ Монголо-татарскаго ярма и съ утвержденіемъ единодержавія въ Москвѣ, настала новая эпоха для художниковъ, когда дѣло Греческое замѣнилось Фряжскимъ, когда свезенныя изъ Новгорода въ Москву сокровища давали средства къ художнической дѣятельности. Выѣхавшіе съ Греческою Царевной Софіею Греческіе и Римскіе художники, вызванные изъ Италіи, Германіи, и Далмаціи, Фряжскіе мастера съ дружинами и учениками, не только воздвигли Кремлевскія стѣны, палаты и храмы, но украшали послѣднія стѣнописью и драгоцѣнными св. утварями. Венеціанскій посолъ Контарини 1476 года видѣлъ въ Москвѣ золотыхъ дѣлъ мастера изъ Катаро, который дѣлалъ для Великаго Князя много прекрасныхъ сосудовъ. (16)

Собиратель отечества, дальновидный Іоаннъ III заботился о пріобрѣтеніи мастеровъ, которые умѣли бы « раздѣлять золото и серебро, » чеканить его. Фряжскіе и Русскіе художники употреблены были имъ для произведенія драгоцѣнныхъ утварей, изъ коихъ не многія здѣсь описаны. Въ духовной грамотѣ Іоанна III упомянуты сосуды или суды разнаго рода, кои имѣли въ домашнемъ обиходѣ свое особенное назначеніе.

(16) Библіотека иностранныхъ писателей въ Россіи, отд. I. Спб. 1836, въ 8.

Набожность внука его, Іоанна IV, доставляла занятіе серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастерамъ, которые выковывали и чеканили изъ серебра и золота священныя утвари, украшая ихъ сканью, финифтью, мусіею и чернью, жемчугами и драгоцѣнными камнями. При немъ и при сынѣ его Ѳеодорѣ, сколько сдѣлано богатыхъ окладовъ серебряныхъ и золотыхъ на св. иконы и Евангелія, сколько гробницъ и ковчеговъ для св. мощей! Въ этихъ памятникахъ мусія, чернь, финифть и драгоцѣнные камни соединены были съ обронною, рѣзною и сканною работой, такъ что искусство мастера, по видимому, соперничало съ драгоцѣнностью матеріала. Расходная книга Оружейной Палаты 1584 г. сохранила намъ самыя имена мастеровъ серебрянаго и золотаго дѣла, которые трудились для Двора и Церкви. Между ими, какъ видно, были и Русскіе и чужеземцы: Клеусъ Савостьяновъ, Борисъ Томосовъ, Булгакъ Лисицынъ, Третьякъ Остафьевъ, Григоръ Романовъ, Никита Макаровъ, Василій Бѣлой, Иванъ Лисицынъ, Романъ Степановъ, Нечай Ильинъ, Лашукъ и Иванъ Лопухины, Гость Дмитрій, Некрасъ Михайловъ. (17) Венеціанскій ювелиръ Асцентини въ Москвѣ выгранилъ Борису Годунову большой изумрудъ для Царскаго перстня и вырѣзалъ Распятіе на агатѣ.

Чужестранные путешественники, съ удивленіемъ описывая намъ богатство и красоту Царской посуды, коей, по вкусу того времени, художники давали форму разныхъ птицъ и звѣрей, прославляютъ великолѣпіе церковныхъ утварей и образовъ, блиставшихъ золотомъ и драгоцѣнными камнями. Во дворцѣ Годунова Арсеній Архіепископъ Елассонскій видѣлъ мозаическіе образа отличнаго искусства. Если вѣрить Пясецкому, то Поляки 1611 г. нашли въ Москвѣ изваяніе І. Христа изъ чистаго золота въ мѣру возраста совершеннаго человѣка, вѣсомъ въ 350 фунтовъ. (18)

Василій Шуйскій, по недостатку въ деньгахъ, обратилъ въ монету изображенія вылитыхъ изъ золота XII Апостоловъ. Маржеретъ, описавшій намъ драгоцѣнные и огромные сосуды изъ серебра и золота въ Царскомъ дво-

(17) Книга расходн. маст. Оруж. Палаты, 1584 и 85 г. N 1236, въ 4.
(18) *Pauli Piasecii* chronica gestorum in Europa memorabilium. Cracoviæ, 1645, in-f.

рѣ, утверждаетъ, что « все было дѣлано руками Русскихъ. » (19) Это свидѣтельствуетъ намъ объ успѣхахъ ваянія и литейнаго искусства въ Московскомъ мірѣ и вмѣстѣ о чрезвычайномъ обиліи благородныхъ металловъ.

Такая дѣятельность художествъ болѣе ограничивалась Церковью и Царскимъ дворомъ; но еще мало проникала въ народъ, хотя и находила въ немъ нѣкоторое сочувствіе; ибо, по свидѣтельству Принца Бухгавскаго, « у бояръ на столахъ, по большой части, ставились блюда и бокалы дере- « вянные, искусно сдѣланные монахами въ нѣкоторыхъ обителяхъ; одни « заздравные кубки были серебряные. » Еслижъ они и позволяли себѣ роскошь и великолѣпіе, то преимущественно въ однѣхъ иконахъ (Божіемъ милосердіи), которыя, какъ мы замѣтили выше, составляли главное украшеніе ихъ хоромъ и теремовъ.

Въ началѣ XVII вѣка Россія утратила многіе памятники древняго искусства; нѣкоторые изъ нихъ сохранились только въ Сергіевой лаврѣ. Подобно Псковопечерскому монастырю, св. обитель не поддалась врагамъ и поддержала святую Русь.

По освобожденіи отъ Поляковъ и возобновленіи Москвы, начали въ нее стекаться отечественные и чужестранные художники, которые тамъ нашли себѣ обильную жатву для дѣятельности; Государи дома Романовыхъ призывая изъ Голландіи и Англіи рудокоповъ для отысканія мѣдной, серебряной и золотой руды въ Россіи, также поощряли художества, необходимыя для снабженія разграбленныхъ церквей св. иконами и утварями. Въ вѣдомствѣ Царскаго и Патріаршаго дворовъ тогда были мастера серебрянаго, золотаго и сканнаго дѣлъ, басемщики, которые посвящали свое досужество на Государевы и церковныя потребы: въ дѣлахъ Патріаршаго приказа 1668 г. они называются: *Государевы серебряныя палаты чеканнаго серебрянаго дѣла мастера.* Для Государевыхъ рабочихъ устроены были мѣста вверху Кремлевскихъ палатъ. (20) Царскіе мастера подвѣдомы были Приказу золотаго и серебрянаго дѣла, который бралъ въ вѣчную службу добрыхъ мастеровъ

(19) Estat de l'Empire de Russie. Paris, 1607, p 20.
(20) Истор. акты археогр. Комм. II, N 355.

изъ другихъ городовъ съ назначеніемъ имъ погоднаго жалованья: «а дѣ-
«лаютъ они, по свидѣтельству Кошихина, про Царскій обиходъ суды вся-
«кіе и церковныя утвари; а на заводъ того дѣла серебро и золото емлютъ
«изъ Приказу Большія Казны.» Суды, или ковши, стопы, блюда и т. п.
не только имѣли значеніе въ дворцовомъ обиходѣ, какъ домашняя столо-
вая утварь, но какъ знаки отличія, кои жалуемы были Государемъ за вѣрную
и усердную службу. Кромѣ иногородныхъ и Московскихъ мастеровъ, вызыва-
емы были искусные изъ Швеціи, Германіи и Англіи. Въ книгахъ Оружей-
ной Палаты XVII столѣтія упомянуты: сканнаго дѣла мастеръ Англича-
нинъ Фридрихъ Маружинъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ Яковъ Сифретъ, сере-
бряники Яковъ Рамздесъ и Андрей Тирманъ, два брата Кисели, Шемяка
Васильевъ, Гаврила Евдокимовъ, Кириллъ Пестриковъ, Иванъ Поповъ,
Ѳедоръ Исаковъ. Кириллъ Ѳедуловъ, Иванъ Юрьевъ. Не только изъ запад-
ной Европы, но даже изъ Индіи и Персіи чрезъ Испаганскую торговую ком-
панію Цари Михаилъ, Алексій и Ѳеодоръ выписывали золотописцевъ, се-
ребряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ и гранильщиковъ. (21) Въ выѣз-
дахъ иностранцевъ въ Россію встрѣчаются 1642 г. изъ Англіи золотыхъ
дѣлъ мастеръ Томасъ Адвудъ, 1690 г. Гансъ Келлеръ съ ученикомъ сво-
имъ Дитмеромъ, золотари Цесарецъ Францъ Карникъ и Гамбурчанинъ Ефимъ
Копертъ. (22) Мастера сіи, способствовавшіе къ усовершенію торевтики въ
Московскомъ мірѣ, оставили намъ памятники своего искусства, кои принад-
лежатъ къ драгоцѣнностямъ Оружейной Палаты и церквей Московскихъ и ино-
городныхъ. Не останавливаясь на изученіи этихъ произведеній, не можемъ
здѣсь не указать на превосходный въ своемъ родѣ памятникъ литейнаго и че-
каннаго художества XVII вѣка—огромнѣйшее серебряное паникадило боярина
Морозова, во 113 пудъ, которое до 1812 года украшало Московскій Успенскій
соборъ. Для убранства и освѣщенія церквей паникадилами и лампадами были
въ Москвѣ паникадильные мастера, изъ которыхъ особенно извѣстны по дѣ-

(21) Историч. описаніе древняго Росс. музея. ч I. М. 1807, въ л.
(22) Реестръ дѣламъ, содержащимъ въ себѣ выѣзды въ Россію разнаго званія иностранныхъ людей съ 1600 по 1765 г. N 61. Въ Главн. Московск. Арх. М. И. Д.

ламъ Патріаршаго Приказа и мастерской Палаты: Дмитрій Сверчковъ, Иванъ Госомъ, Иванъ Григорьевъ съ товарищи. Замѣчательные памятники перваго уцѣлѣли до нашего времени: мѣдные шатеръ на ризу Господню и сѣнь надъ престоломъ въ Успенскомъ соборѣ. Въ дѣлахъ Патріаршаго Приказа 1644 году упоминаются Патріаршіе серебряные мастера: Богданъ Максимовъ, Θеодоръ Тимоθеевъ, Θеодоръ Евсигнѣевъ, Богданъ Бовыкинъ. По указу Никона Патріарха, 1658 г. устроена на чудотворный образъ Владимирскія Богоматери золотая риза золотыхъ дѣлъ мастеромъ Петромъ Ивановымъ. (23) На форму, типъ, исправность и доброту устройства священныхъ утварей обращали вниманіе не только духовенство, но и свѣтская власть. Примѣры тому видимъ въ дѣлахъ Патріаршаго Приказа и Оружейной Палаты. Указомъ 1751 года, Сентября 20, « предоставляется право купцу Кункину дѣлать сосуды, изображенія Евангелистовъ, кресты и оклады изъ золота и серебра самаго лучшаго и исправнаго въ изображеніи св. лицъ и прочаго благолѣпія работою. » (24)

Вообще въ произведеніяхъ древней нашей торевтики замѣчательна техническая часть, какъ по самому механизму, такъ и по вѣрности глазомѣра. Не многими, простыми, еще тогда неусовершенствованными орудіями, ловко и отчетливо художники работали многосложныя вещи отъ руки безъ помощи машинъ: въ дѣлѣ своемъ умѣли соединять прочность и удобство съ мелкою узорочностью. Узоры чеканились на самомъ корпусѣ сосуда. Въ исполненіи рисунка обнаруживается у нихъ вкусъ и симметричность, съ какою они располагали разнообразныя части цѣлаго, размѣщая въ приличныхъ мѣстахъ орнаменты, то припаянные, то привинченные, то накладные на корпусѣ, поддонѣ, вѣнчикахъ, переймахъ, веревочкахъ, огибахъ, личинахъ, дугахъ, проводкахъ, мишеняхъ, клеймахъ и т. д.

Механическая у нихъ техника не менѣе достойна вниманія, какъ и оптическая. Для той и другой у нихъ были особенные пріемы, смѣтливость, ловкость и бойкой ударъ чекана.

(23) Книга Патріарш. казеннаго приказа 7166 г. N 64.
(24) Полное собр. Законовъ, XIII, ст. 9885.

Такъ все кованое, чеканное и обронное называлось въ древней Руси *кузнею*, а *кузнецъ*, ковачь (cusor) тоже почти значилъ, что серебреникъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ. Въ лѣтописяхъ *кузнею церковною* именуется церковная казна, сокровище, состоящее преимущественно изъ утварей золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ. Всякая кованъ представляется въ разныхъ видахъ: *чеканная*, производившаяся на бляхахъ обронно посредствомъ чекановъ, рѣзцовъ или бородковъ разнаго рода, или *басменная*, *басебная*, *басмою* отъ Татарскаго слова *басма*, выбойка, когда на самыхъ тонкихъ плющеныхъ листахъ изъ золота, серебра и мѣди выбивались разные узоры. Изъ такой басмы дѣлали оклады и вѣнцы на св. иконы, также панагіи, кресты, цаты, гривны, дробницы, плащи, коими украшались образа и св. утвари. Фигуры были *вальяшныя*, или литыя, массивныя и *тощія*, или выбивныя; что теперь называемъ рельефами, то прежде извѣстно было подъ именемъ *обронной работы*, которая дѣлалась *прорѣзная*, *чешуйчатая*, *ячейчетая, грановитая*, *дорожчатая*, *ложчатая*. Поверхность или *земля* сосуда наводилась *черню* и *финифтью*, или украшалась сканью, или была *канфаренная*. (25)

Чернь, черный финифтъ, *черневая работа* (niello), извѣстная Византійцамъ, весьма была употребительна въ орнаментахъ торевтики; ею наводили травы, цвѣтки, личины и письмена. Великій Устюгъ издревле славится черневою работою.

Финифть, въ старину называемая вообще *цениною*, наводилась на золотѣ, серебрѣ и мѣди. (26) Посредствомъ ея изображали на посудѣ травы, цвѣты, разные узоры, личины и надписи.

Чтожъ касается до *сканнаго* дѣла, *скани* или *филограни*, (opera venetica ad filum) она извѣстна была Венеціянцамъ уже въ XIII столѣтіи; но употреблялась едва ли не прежде Византійскими и Русскими художниками болѣе

(25) Канфаркою называется переводъ съ рисунка на металлъ.
(26) Выходы Государей Царей Михаила, Алексія и Ѳеодора съ 1632 по 1682 г. изд *П. Строева*. М. 1844, въ 4.

въ мелкихъ, чѣмъ въ крупныхъ утваряхъ. Сканныя сѣти дѣлались изъ выжиги, на подобіе кружевъ; наложенныя на корпусъ, или *пузо* сосуда, назывались *кожухами*.

Кромѣ этого, мастера украшали св. утвари самоцвѣтными и драгоцѣнными камнями и разнаго рода жемчугомъ скатнымъ, гурмыцкимъ или бурмицкимъ (ормуздскимъ), кафимскимъ, цѣлымъ и половинчатымъ. Изъ первыхъ наиболѣе употребительны были въ древности: винисы, или бечеты, рубины, хризопразы, лалы, достоканы, лазоревые и зеленые яхонты, перелифты, или ониксы, бирюзы и пр. кои вставлялись на спняхъ и въ гнѣздахъ; на древнѣйшихъ утваряхъ они были неграненые, на позднѣйшихъ граненые. На этихъ утваряхъ встрѣчаемъ иногда камеи, геммы и жуковины съ изображеніями лицъ Святыхъ, или аллегорическихъ фигуръ. Но бывали служебные потиры, высѣченные изъ сосюрита, яшмы, сердолика и горнаго хрусталя съ золотыми и серебряными переймами, вѣнчиками и огибами, какъ напр: Новгородскіе въ Москов. Успенскомъ соборѣ.

Употребляя всѣ доступныя средства на то, чтобы придать своему издѣлію болѣе достоинства и лѣпоты, художники строго держались своего Византійскаго первообраза въ служебныхъ сосудахъ и другихъ св. утваряхъ. Если и позволяли они себѣ нѣкоторыя отступленія въ этихъ святыхъ и посвященныхъ утваряхъ, то болѣе въ частяхъ и подробностяхъ, не нарушавшихъ формы цѣлаго, напр: чаши у потировъ устроивались, то цилиндрическія, то съ разваломъ на подобіе лиліи, въ большемъ и меньшемъ размѣрѣ, смотря по надобности. Художники, проникнутые религіознымъ чувствомъ, старались самыми формами пластическихъ произведеній выразить ихъ церковное значеніе. Такъ напр: Сіоны, кадилы, кацеи, ладонницы и ковчеги устроивали въ видѣ одноглаваго и пятиглаваго храма. Ковчегъ для храненія св. даровъ дѣлаемъ былъ иногда на подобіе голубя, который у Грековъ также назывался περιπτερεῶν и просто περιπτερά, голубь. Слѣды такихъ золотыхъ и серебряныхъ голубей открываются въ Христіанскихъ церквахъ V и VI столѣтій. Св. Андрей Боголюбскій принесъ въ даръ Владимирской церкви золотаго голубя; въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ до 1812 года висѣлъ надъ престоломъ золо-

той голубь. (27) Кресты на главахъ церковныхъ украшалъ также золотой голубь въ Кіевѣ, Черниговѣ, Владимирѣ. Рисунокъ (форма) крестовъ воздвизальныхъ, запрестольныхъ былъ не одинаковъ: они дѣлались безъ различія четвероконечные, шестиконечные и осмиконечные, съ литымъ, рѣзнымъ, черневымъ, финифтянымъ, или чеканнымъ Распятіемъ.

По образу Византійскихъ и западныхъ художниковъ, и отечественные наши заимствовали орнаменты изъ области символики не только церковной, но и придуманной, завѣщанной художниками. Такъ на Ярославовой гробницѣ въ Кіевѣ находимъ древніе церковные символы, кои встрѣчаются на гробницахъ въ Римскихъ катакомбахъ: рыба, означающая I. Христа (ἰχθύς, Iesus Christus Dei filius salvator) и пальмы, знаменующія побѣду надъ смертію. (28) На нѣкоторыхъ священныхъ утваряхъ и церковныхъ вратахъ изображены крылатые центавры, единороги, драконы, напр: на Новгородской лампадѣ, Корсунскихъ и Васильевскихъ воротахъ, подобно какъ на бронзовыхъ дверяхъ Аугсбурскаго собора, XI вѣка, на орнаментахъ Мюнстера въ Фрейбургѣ. (29)

Хотя этотъ символизмъ въ Русскомъ художествѣ, по видимому, былъ заимственный и употреблялся не всегда съ яснымъ сознаніемъ подлиннаго значенія символовъ; но достоинъ точнѣйшаго изслѣдованія касательно его источниковъ и знаменованія. Такъ напр. изображеніе центавра на утваряхъ и вратахъ, вѣроятно, основано на явленіи въ пустыни св. Антонію сего чудовища, которое указало ему путь къ св. Павлу Ѳивейскому; (30) также въ представленіи единорога опирались на сказаніе Варлаама Индійскаго. (31) Не рѣдко символичес-

(27) Дюканжъ такъ объясняетъ сію утварь: Vas in columbæ speciem effectum, in quo pyxis ubi Domicum corpus ad infirmorum viaticum asservare solet, includitur « Въ Треодіонѣ 1668 г. такъ значится: Ключари снявъ золотой голубь, съ тѣломъ Христовымъ и относятъ на жертвенникъ для того, чтобы послѣ литургіи отпустить въ потиръ къ потребленію. » *Древняя Росс. Вивліоѳика*. XI, 181.

(28) Roma subterranea novissima, op. *P. Aringhi*, t. II, 1659 Lutet. Par. in-f.

(29) Mythologie u. Symbolik der christlichen Kunst, von F. Piper, I. B. Weimar. 1847, in-12.

(30) *Чети Минеи* Январь 15. Житіе св. Павла Ѳивейскаго. « Узрѣ человѣка коню подобна, его же стихотворцы Іппокентавромъ нарицаютъ. »

(31) Исторія, или повѣсть о житіи Препод. Варлаама пустынножителя и о Асафѣ Царевичѣ Индійскомъ, напис. *Іоанномъ Дамаскинымъ*. Москва, 1681, въ л.

кимъ фигурамъ художникъ давалъ различное значеніе согласно съ Св. Писаніемъ и отеческими книгами.

Исторія свидѣтельствуетъ намъ, что въ средневѣковое художество вмѣстѣ съ религіознымъ направленіемъ проникалъ и языческій элементъ древняго міра, не болѣе, какъ мертвая форма, служившая орнаментомъ.

Хотя въ древнемъ Русскомъ языкѣ нѣтъ слова, соотвѣтственнаго техническому въ художествѣ названію *стиль* и *типъ;* но отчасти сходенъ съ значеніемъ ихъ въ иконописи *пошибъ*, а въ пластическихъ искусствахъ *дѣло*, или работа, которая заимствовала свое названіе или отъ мѣстности или отъ лица, какъ то: *дѣло Цареградское, Греческое, Корсунское, Фряжское, Турское, Кизилбашское* или *Персидское, Нѣмецкое, Московское;* (32) *дѣло Шишкино, Парамшино, Макарово.*

Положимъ, что въ этихъ памятникахъ не преобладаетъ и не выказывается сила творчества, дающаго высокое значеніе произведеніямъ искусства; но они не чужды того живаго начала художественности, которое простой механизмъ технической работы сочетало съ важностью и значеніемъ, церковнаго искусства. Самое множество и богатство св. утварей служитъ доказательствомъ обилія драгоцѣнныхъ металловъ и камней въ древней Руси, свидѣтельствомъ благочестивой ревности къ украшенію храмовъ Божіихъ. О нѣкоторой степени развитія художественной силы и сознаніи ея въ народѣ даетъ намъ понятіе и техническій языкъ и тотъ восторгъ, съ какимъ говорятъ намъ лѣтописцы о превосходныхъ произведеніяхъ искусства, называя ихъ *дивными, чудными, преизмечтанными.* Искусное мастерство цѣнилось выше драгоцѣннаго вещества. *Не то дорого*, говоритъ старая народная пословица, *что краснаго золота; но то дорого, что добраго мастера.* Съ одной стороны доброохотные датели жертвовали своими сокровищами на устроеніе благолѣпныхъ утварей храмовыхъ и на украшеніе св. иконъ, съ другой художники посвящали Церкви свое искусство, какъ усердный вкладъ. Въ добросовѣстномъ ихъ трудѣ одушевляла ихъ благоговѣйная мысль, что они работаютъ для дома Божія.

(32) Выходы Государей Царей Михаила, Алексія и Ѳеодора, съ 1632 по 1682 годъ, изд. *П. Строева.* М. 1844, въ 4.

Съ памятниками иконописи связана не только ея исторія, но и ученіе о вѣрѣ и благочестіи, словомъ, вся религіозная жизнь народа, который издревле признавалъ это художество священнымъ, неотъемлемымъ достояніемъ Церкви православной; въ ней оно получило неоспоримое право гражданства. Какъ благословенное орудіе вѣры и благочестія, какъ необходимая принадлежность богослуженія, церковная живопись олицетворяла важнѣйшіе догматы, завѣтныя преданія Церкви, ея символы и событія; потому что возстановленіе и утвержденіе иконопочитанія VII вселенскимъ соборомъ прямо выходило изъ понятія о Церкви, изъ необходимости для человѣка внѣшняго богослуженія, основывалось на писаніи, преданіи и чудесахъ отъ св. иконъ. (33) Цѣлью церковной иконописи было содѣйствовать живому проповѣданію предметовъ вѣрованія и возбуждать благоговѣйныя чувствованія изображеніемъ Святыхъ. (34)

Среди мрака невѣжества, объявшаго Европу, Византійское иконописное художество, сохранивъ свои преданія, завѣщало ихъ въ наслѣдіе Западу и Сѣверу. Тамъ оно при развитіи своемъ подверглось измѣненіямъ, здѣсь Церковь охраняла неподвижность древняго его типа и характера.

И такъ въ отечественной Церкви оно водворено съ его догматическимъ значеніемъ, съ его узаконенными формами, кои не подчинялись прихотливымъ требованіямъ измѣнчиваго быта человѣческаго.

Коренною основой иконописанія была исторія и преданіе; основателемъ его—Евангелистъ Лука. Византійская школа, образованная подъ непосредственнымъ вліяніемъ и въ духѣ Восточной Церкви, усвоила себѣ столь самобытныя и изконныя черты Спасителя, Богоматери, Предтечи и Апостоловъ, что ихъ легко отличить и въ неискусномъ рисункѣ. Каждому лицу дана своя *опись* и свой характеръ, напр: Господу Саваоѳу святолѣпное и строгое величіе Ветхаго деньми, І. Христу въ крестныхъ страданіяхъ смиреніе и *божественное истощаніе*, (35) а на престолѣ славы богоначальная сановитость

(33) Начертаніе церков. Исторіи (Преосв. Иннокентія Смирнова), отд. I, изд. 3. Спб. 1823, въ 8.
(34) О иконописаніи (Преосв. Анатолія). М. 1845, въ 8.
(35) Чудесный образъ Эдесскій. въ *Вѣдом. Моск. Город. Пол.* 1848, N 84.

Судіи, Богоматери умиленіе, Святымъ таже глубина смиренія, какое превознесло Ходатая Бога и человѣковъ предъ очами человѣчества и Отца небеснаго. Просвѣтлѣнные лики Ангеловъ являютъ небесное ихъ происхожденіе.

Отличительными чертами этой школы было строгое приличіе, условное положеніе фигуръ, спокойствіе сочиненія, согласнаго съ преданіемъ и библейскою обрисовкою лицъ. (36) Казалось, она мало обращала вниманія на складъ стана, на пропорцію головъ и лицъ, на положеніе (позу), на раздѣленіе плановъ, на перспективу; вся *опись* тѣла человѣческаго, выказываясь у ней только въ общихъ, *рѣдкихъ*, но не *частыхъ чертахъ*, мало способствуетъ къ выраженію плотской жизни. Не смотря на грубость фигуръ, писанныхъ въ такихъ чертахъ, онѣ запечатлѣны какимъ-то духовнымъ величіемъ и сановитостью, внушающими невольное благоговѣніе. Устраняя отъ взора прелесть чувственнаго, скромность ея до того простиралась, что, кромѣ лица, рукъ и ногъ, она не представляла наготы тѣла, развѣ только въ изображеніи Распятаго Христа и страданій Мучениковъ. Драпировка, или *доличное*, проста, соотвѣтственна и не выисканна. При этомъ надобно замѣтить, что вообще иконопись носитъ на себѣ отпечатокъ сознаннаго символическаго характера, согласнаго съ направленіемъ древле-христіанскаго искусства, которое соединяло въ себѣ историческое съ символическимъ. Въ этой школѣ, получившей свое бытіе въ нѣдрахъ первенствующей Церкви, искусство принято не за цѣль, а за средство; ибо оно въ произведеніяхъ своихъ стремилось выразить преобладаніе безсмертнаго духа надъ тлѣнною плотію. Представляя существа не земныя, не плотскія, но небесныя, *премірныя*, она давала имъ подобіе видѣній или мощей, облекала ихъ какимъ-то полумракомъ. Отъ сего и въ колоритѣ ея, подчиняемомъ высшимъ цѣлямъ, свѣтъ уступаетъ тѣни: эта раскраска суха и темна, но тверда, рѣзка и не лишена теплоты. Подобно формамъ, въ Византійской школѣ узаконены немногіе и основные колера, или цвѣта, соотвѣтствующіе ея типу.

(36) Въ Московскомъ Сборникѣ 1847, ст. Г. Чижова

Представленные здѣсь образцы древняго Византійскаго, Корсунскаго и Русскаго иконописанія, изъ разныхъ вѣковъ, сближаютъ насъ съ исторіей его въ Россіи, гдѣ оно, отъ самаго появленія своего, шло рука объ руку съ православною вѣрой, гдѣ было всегда служебнымъ орудіемъ Церкви. Возобновляя въ памяти нашей постепенное его развитіе, то упадокъ, то возрожденіе, памятники сіи указываютъ намъ на самыхъ дѣятелей, на мѣсто и время ихъ дѣятельности, также на побужденіе къ распространенію этого художества въ южной, западной и сѣверовосточной Россіи.

Тамъ вмѣстѣ съ первыми проповѣдниками Евангелія явилось и это священное художество, возникшее еще во времена Апостольскія и завѣщанное Христіанскому міру первенствующею Церковью. Византійскіе зоографы передали намъ не только самое искусство и его произведенія, но и типы лицъ, принятые и утвержденные Отцами Церкви. Колыбелью Христіанства и церковной живописи на Руси былъ Кіевъ, гдѣ, еще до обращенія Владиміра I, были церкви, слѣдственно и образа, и гдѣ въ XII столѣтіи, по свидѣтельству Епископа Симона, сохранились въ Печерскомъ монастырѣ *свитки* и *книги* Византійскихъ зоографовъ. (37) Если принять *свитки* за хартіи, на коихъ изображались ескизы и прориси Святыхъ, то онѣ были основаніемъ Подлинниковъ, такъ какъ самые Византійскіе художники, писавшіе въ Печерской лаврѣ, основателями иконописанія въ Россіи. Но въ рукописномъ Патерикѣ, откуда взято Карамзинымъ это свѣдѣніе, вмѣсто *свитки*, поставлено *свиты*, т. е. нижняя одежда, « блюдомы на полатяхъ въ память таковаго чудесе,» т. е. явленія имъ св. Антонія и Θеодосія въ Царьградѣ и найма для работы въ Кіевѣ. (38) Остается вѣроятность предполагать, что упомянутыя въ Патерикѣ *Греческія книги* Цареградскихъ зоографовъ могли содержать въ себѣ начатки Подлинника, т. е. правила или указанія, какъ писать лики Святыхъ и какъ составлять краски; потому что *книги* въ древности значили свитки, хартіи, письмена и письма. Притомъ въ предисловіи къ Подлинникамъ XVII вѣка сказано, что во дни Великихъ и Благовѣрныхъ Князей Росс. преписывались (мѣсячныя иконы)

(37) *Карамз.* И. Г. Р. II, пр. 158.

(38) *тамъ же* III, пр. 109. «и книги и порты Блажен. Князей, еже бяху повѣшани въ церквах на память собѣ.»

древними Греческими и Россними изографы.» (39) Византійскіе лицевые Подлинники извѣстны съ X вѣка. Императоръ Василій Булгароктонъ украсилъ Греческій мѣсяцословъ изображеніями, а Папа Венедиктъ XIII издалъ его на Греческомъ съ Латинскимъ переводомъ: Menologion Græcorum, jussu Basilii Imperatoris olim editum, magnificentia et liberalitate sc. dni nostri Benedicti XIII, in III partes divisum, nunc primum græce et latine Annibalis T. S. Clementis presbyteri card. Albani S. R. E. camerarii et Basilicæ Vaticanæ Archipræsbyteri. P. I. Urbini, 1727, in f. Левъ Аллацій упоминаетъ о другомъ Менологіи X вѣка, съ изображеніями, о коемъ Маттей говоритъ: hic codex multorum sanctorum imaginibus insignis est, т. е. этотъ кодексъ замѣчателенъ изображеніями многихъ Святыхъ; потомъ между Типографскими рукописями есть подъ N I, въ л. съ 24 живописными изображеніями къ 24 икосамъ и кондакамъ Акаѳиста Божіей Матери, X вѣка, (*κοντάκιον μετὰ τῶν εἰκοσιτεσσάρον οἴκων τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου*). Извѣстные намъ такіе рукописные Подлинники указываютъ не на *свитки* и *книги* Византійскихъ иконописцевъ въ Кіевѣ, но на Аѳонъ, какъ замѣчаетъ Профессоръ Горскій. Въ святогорскихъ монастыряхъ Г. Дидронъ нашелъ рукопись: *Ἑρμηνεῖα τῆς Ζωγραφικῆς*, т. е. руководство къ живописи, которое онъ относитъ къ XI или XII вѣку, между тѣмъ какъ упомянуты тамъ Святые XIV вѣка: св. Григорій Палама и Патріархъ Филоѳей, и приведено составленіе красокъ Московскими художниками. Образцомъ и руководствомъ иконописанія поставляется Мануилъ Панселинъ. (40) Въ Московской Патріаршей библіотекѣ, подъ N CI, хранится рукопись X вѣка, съ миніатюрными изображеніями: *περὶ χαρακτήρων θεοφόρων πατέρων*, о изображеніяхъ богоносныхъ отцевъ. (41)

По сему болѣе опредѣлительныя руководства къ изображенію Святыхъ можно находить въ древнихъ рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ житія, или сочиненія съ миніатюрами. Такъ какъ Греческіе иконописцы съ товарищами своими вре-

(39) Книга Минологіумъ, или рещи Мартирологіумъ, еже есть выличевье. рукоп. 1658, въ 12.

(40) Accurata codicum Græcorum mss. bibliothecarum Mosquensium sanct. Synodi notitia et recensio ed. a C. F. de *Matthaei*. t. l. Lipsiæ, 1805, in-8.

(41) Manuel d'Iconographie chrétienne grecque et latine, trad. de manuscrit byzantin par le D. P. *Durand*, avec une introduction et des notes, par *Didron*. à Paris. 1845, in-8. Nachricht über ein neugriechisches Mahlerbuch, въ Kunstblatt, 1832, N 1—5.

мя отъ времени вызываемы были въ Кіевъ, Новгородъ и Владимиръ: то, безъ сомнѣнія, они передали Русскимъ ученикамъ своимъ Подлинники свои, кои переведены были на Русскій языкъ съ дополненіями. Болѣе или менѣе полные списки ихъ распространились изъ Кіева и Новгорода по всей Россіи.

Такой Подлинникъ, иначе Образникъ и Персональникъ, издревле въ Россіи служилъ и донынѣ служитъ для иконописцевъ руководствомъ въ писаніи св. иконъ: изъ него они заимствуютъ не только типы лицъ и костюмъ или доличное, но даже цвѣтъ верхней и нижней одежды, самыя подписи на хартіяхъ и свиткахъ изъ библейскихъ и отеческихъ книгъ, также изъ писаній Еллинскихъ мудрецовъ. Нѣкоторые изъ Подлинниковъ встрѣчаются *лицевые*, т. е. съ прорисями, или снимками образовъ. Въ одномъ изъ нихъ опредѣлена и мѣра человѣческому тѣлу: « семь главъ его высота, а лактей « его отъ плечь до пяты три, а лакоть полтретьи пяди, а пяди длина длань, « а длань мѣра лицу его, отъ бороды до власъ равно со лбомъ, длины ступени « равны с главною длиною, в лакоть ступени два, носъ на лице не выступенъ вдоль, равенъ с ушми, ширина в платье человѣку в плечехъ лакоть, « уши длина болшой мизинецъ равно с суставомъ ступеней шести человѣкъ.»

Это типическое сочиненіе дошло до насъ только въ спискахъ не старѣе XVI столѣтія; первоначальный его составъ неизвѣстенъ; изъ него сохранился одинъ *Мѣсячный Подлинникъ*. (42) Самое названіе его, по видимому, есть переводъ Греч. слова: ὑπογραφή, подпись, очеркъ, образецъ. Въ рукописи Царскаго 1658 г. Подлинникъ этотъ называется « Менологіумъ и « мартирологіонъ, еже есть выличенье на кійждый день святыхъ. Восточный « Цесарь Василій Македонянинъ (?) повелѣ писмеными образы описать и « паки пространнѣ той менологіумъ изображенъ древле Греческими мудры- « ми и трудолюбивѣйшими живописцы во дни Іустиніана Царя Великаго, « егда созиждая премудрость Слова Божія, великую церковь, земное небо, « и ту 360 престоловъ, глаголютъ, создани быша, на кійждо день во имя « святаго храмъ, тамо и образъ.» Остатки такихъ *выличеній*, говоритъ « Предисловіе, сохранились въ Аѳонской горѣ, и отъ тѣхъ преводовъ, еще

(42) см. Изслѣдованія о Русскомъ иконописаніи, г. *Сахарова*, кн. I. Спб. 1849, въ 8.

« во дни Великихъ и Благовѣрныхъ Князей Роскихъ, преписывалися древ-
« ними Греческими и Росскими изографы, прежде въ Кіевѣ, потомъ въ « Новѣгородѣ. — Съ тѣхъ же Греческихъ мѣсячныхъ иконъ въ Кіевѣ и « Новгородѣ древними иконописцы списанъ Подлинникъ словесно на «хартіяхъ. » (43)

Византійская церковная живопись въ Россіи представляется намъ подъ тремя видами: *иконописи*, *стѣнописи* и *миніатюрной живописи*. Одна изображала лики Святыхъ по левкасу на доскахъ, или особенной, намъ неизвѣстной подготовкѣ; другая украшала штукатурку внутреннихъ стѣнъ и сводовъ храмовъ фресками; послѣдняя писала болѣе корпусными, чѣмъ соковыми, красками, на пергаменѣ, бомбицинѣ и тряпичной бумагѣ. Къ храмовымъ художествамъ Византіи присоединить должно *вышиваніе* шелками съ серебромъ и золотомъ волоченымъ и *мозаику*. Одно изображало лики Святыхъ на пеленахъ, плащаницахъ и покровахъ; другая украшала своими произведеніями стѣны, своды и даже помосты въ храмахъ. Изъ квадратныхъ кусочковъ разнообразнаго стекла, нерѣдко съ исподи подложенныхъ листовымъ золотомъ, она составляла образа большаго размѣра; матеріалы ея отличались особенною прочностью своей и блескомъ красокъ. (44) Таковы мозаическія изображенія въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ, произведенныя Византійскими художниками съ Русскимъ Алимпіемъ.

Стиль и направленіе какъ въ стѣнописи и миніатюрной живописи, такъ равно въ вышиваньѣ и мозаикѣ, одинаковы съ пошибомъ иконописи.

Такой пошибъ Византійской иконописи вездѣ нашелъ себѣ доступъ, гдѣ только принято было ученіе Греческой православной Церкви, какъ–то: у Болгаръ, Чеховъ, Сербовъ и Русскихъ. Большая часть изображеній въ рукописяхъ суть противни или списки съ Византійскихъ, Болгарскихъ и Сербскихъ. Хотя завѣтный стиль служилъ образцемъ для Русскихъ зоографовъ; однако онъ не могъ не подвергнуться мѣстнымъ измѣненіямъ, когда подлинникъ повторялся въ спискахъ мастеровъ болѣе, или менѣе искусныхъ, болѣе, или

(43) N 314 и 315 въ Библіотекѣ г. Царскаго. См. Рукописи Славянскія и Россійскія, разобр. и опис. *П. Строевымъ*. М. 1848, въ 8.

(44) Handbuch der Kunstgeschichte von Dr. F. *Kugler*. 2 Aufl. 2 Lief. Stutdg. 1848. in-8.

менѣе грамотныхъ, такъ что списокъ мало походилъ на свой первообразъ; съ другой стороны, при первоначальной раздѣленности Россіи на особыя Княженія, легко могла такая разность укорениться въ разныхъ областяхъ и развиваться по вкусу мѣстности. Отъ сего произошли разныя направленія въ иконописи, собственно *бытейское*, *историческое*, потомъ *олицетворительное* и *символическое*. Основанное на преданіи, одно изображало лица и событія, досточтимыя для православнаго. *Олицетворительное* воплощало мысль извѣстнаго стиха библейскаго, пѣсни церковной, молитвы, какъ-то: Бытіе, Единородный, Достойно есть, Символъ вѣры. *Символическое* передавало мысль художника въ какихъ нибудь произвольно взятыхъ образахъ, притчахъ. Въ олицетвореніи мысль его представлялась наглядною, ощутительною, въ символахъ *прикровенною*, гадательною, какъ напр: въ иконахъ Софіи Премудрости Божіей, Неопалимой Купины и т. д. Такіе образа называются у иконописцевъ *таинственными*. Разность направленій, развившихся отдѣльно въ разныхъ школахъ, выразилась и въ пошибахъ, какъ увидимъ далѣе.

Первые опыты иконописи, какъ мы замѣтили, являются въ Кіевѣ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Византійскаго стиля; дѣятельность ея обнаружилась въ украшеніи церквей св. иконами, изъ коихъ весьма немногія уцѣлѣли до нашего времени.

Иконы сіи разныхъ размѣровъ (локотницы, семи-пядей и пр.), разнаго вида: во весь ростъ человѣческой, уменьшенныя или преувеличенныя, *оплечныя*, *поясныя*, *грудныя*, *колѣнчатыя*, были мѣстныя, помѣщаемыя въ алтарномъ иконостасѣ на поклонѣ, Деисусъ, преимущественно Спаситель, Богоматерь и Предтеча, а по объясненію Могилина Требника, «всѣ иконы въ церкви на своемъ мѣстѣ поставленныя,» т. е. на тяблахъ, или поясахъ полнаго иконостаса, кои суть Праздники, пояса Апостольскій, Пророческій и Праотеческій, наконецъ иконы запрестольныя. Сверхъ того, требовались иконы для чествованія въ домахъ. Такъ какъ особеннымъ предметомъ церковнаго благоговѣнія была Божія Матерь, Заступница рода Христіанскаго: то ея многія иконы различныхъ явленій, напр. Византійскія, Корсунскія, Пирогощія, распространены въ Русскомъ мірѣ Греческими и отечественными зоографами. Когда монахи

и священники Латинскіе, слѣдовавшіе за крестоносцами и преимущественно путешественники на Востокъ, послѣ взятія Константинополя Латинами, 1204 года, принесли оттуда изображенія Богоматери, подъ именемъ писанныхъ Св. Лукою Евангелистомъ: тогда списки съ нихъ и самые подлинники появились въ южной и западной Россіи. (45)

Отъ Византійскаго стиля въ иконописи произошелъ *Корсунскій*, такъ названный отъ мѣстопребыванія Греческихъ художниковъ въ Корсуни Таврической и Корсуни Кіевской. Сколько отъ характера иконописи, а вѣроятно, болѣе потому, что такія иконы принесены Св. Владиміромъ изъ Корсуни и потому, что смѣшиваемы были съ Цареградскими, произведенія иконописнаго художества носятъ названіе Корсунскихъ. Изъ лѣтописей видно, что образцовые сіи пошибы столь славились, что даже и писанныя Русскими зоографами въ этомъ родѣ иконы именовались *Греческими* и *Корсунскими*. Художество сіе процвѣтало въ Кіевѣ до совершеннаго разоренія его Батыемъ, когда погибли многіе драгоцѣнные памятники Византійско-Корсунскаго и Русскаго художества. Изъ точнаго сличенія памятниковъ Византійской и Корсунской иконописи можно вывести существенное отличіе пошиба одной отъ другой. Таковы чисто Византійскій образъ Св. Петра и Павла, четырехлистовой, хранящійся въ Московской Патріаршей ризницѣ, и Корсунская мѣстная икона сихъ Апостоловъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Корсунское письмо, какъ вѣтвь Византійскаго, не составляло особой школы, но разнилось отъ послѣдняго нѣкоторыми особенностями описи и колорита, или раскраски. Сколько можно замѣтить изъ рисунка, фигуры Византійскаго стиля болѣе осьми головъ, лица продолговатѣе, глаза челночками, носъ тонѣе и горбоватѣе, уста малыя и тонкія, *черты рѣдкія*, похожія на штрихи гравера; между тѣмъ какъ въ Корсунскомъ пошибѣ лица и глаза круглѣе, носъ прямѣе и въ ноздряхъ шире, уста больше и толще, *черты чаще*, а въ раскраскѣ замѣтно болѣе плавкости и бѣловатости.

(45) L'histoire de l'art par les monuments, par *Seroux d'Agincourt* VI t. à Paris, 1823, in-f.

Особенную тщательность оказывали художники въ отдѣлкѣ лицъ, кои они по нѣскольку разъ плавили; отъ этого онѣ были плотны и не выпадали. Въ древности у Русскихъ иконы писаны были по левкасу на яичномъ желткѣ, и другихъ забытыхъ уже составахъ, а не на масляной грунтовкѣ. Какъ церковная живопись перешла къ намъ съ опредѣленнымъ пошибомъ, съ узаконенными принадлежностями и условіями: то и вапы, или краски употреблялись освященныя преданіемъ: темная и санкирная изъ вохры и другихъ составовъ, красная изъ жженой вохры, бѣлая изъ бѣлилъ, черная изъ сажи и жженой кости, зелень и празелень изъ лазури съ вохрой и чернилами, и т. д. Образныя доски были съ выемкою, липовыя, грушевыя, чинаровыя и даже сосновыя, потомъ кипарисныя. Мастичнымъ лакомъ иконы въ древности не покрывались.

Вмѣстѣ съ иконописью и стѣнопись трудилась надъ украшеніемъ церквей фресками, коихъ остатки теперь открываются и воспроизводятся Академикомъ Солнцевымъ въ Софійскомъ соборѣ и другихъ Кіевскихъ церквахъ. Строгость и отчетливость рисунка и плотность раскраски составляетъ важное достоинство сихъ древнѣйшихъ фресковъ, какіе находятся и въ Староладожской церкви св. Георгія.

Миніатюры Святославова Изборника 1073 года служатъ доказательствомъ употребленія миніатюрной живописи въ Кіевѣ. Въ изображеніи В. К. Святослава Ярославича съ его семействомъ намъ являются опыты портретнаго искусства; о существованіи его въ XI вѣкѣ находимъ въ Патерикѣ Печерскомъ. Греческіе мастера, чудесно нанятые св. Антоніемъ и Ѳеодосіемъ въ Царьградѣ, прибывъ въ Кіевъ, требовали отъ Печерскаго игумена Никона, чтобы онъ представилъ имъ тѣхъ, которые съ ними договорились объ украшеніи св. иконами Печерской церкви. Игуменъ наконецъ, послѣ долгаго увѣренія, что нѣтъ уже такихъ людей въ обители, «изнесе предъ всѣми икону пре- «подобныхъ отецъ Антонія и Ѳеодосія. Видѣвше же Грецы образъ ихъ, «поклонишася, глаголюще: яко сіи еста воистинну.» Наконецъ въ лѣтописяхъ изображеніе личныхъ примѣровъ Князей обнаруживаетъ въ лѣтописателѣ знаніе портретнаго искусства. Такъ напр: Ипатьевскій, Хлѣбниковскій

и Воскресенскій представляютъ намъ примѣты сына Владимирова Бориса: « Тѣломъ бяше красенъ и высокъ, лицемъ круглъ, плеча высоцѣ, въ чрес- « лѣхъ тонокъ, очима добръ и веселъ, брада мала и усъ, младъ бо бѣ « еще. » (46) Князь Владимирко-Іоаннъ Васильевичь, философъ, ум. 1289 г. такъ описанъ Волынскимъ лѣтописцемъ: « возрастомъ бѣ высокъ, плечима « великъ, лицемъ красенъ, волосы имѣя желты кудрявы, бороду стригый, « руки красны и ноги, уста исподняя дебела. » (47) Если вѣрить Татищеву, то продолжатель Несторовой лѣтописи XII вѣка, « былъ искусенъ въ « живописи, что едва не всѣхъ въ его время бывшихъ Князей лица и воз- « растъ описалъ. » (48)

Когда вмѣстѣ съ Христіанскимъ ученіемъ и грамотностію изъ Кіева перенесена Греками и церковная живопись въ Новгородъ, тогда она нашла тамъ себѣ поприще для дѣятельности и получила особенное развитіе въ такъ называемомъ Новгородскомъ пошибѣ. Этотъ пошибъ образовался подъ вліяніемъ Византійскаго стиля. Но какъ Кіевскій, такъ и Новгородскій пошибы не образовали особенной школы, а разнились только *помѣтями* и пріемами, раскраскою, или колоритомъ; основа, направленіе и образцы ихъ были Византійскіе. Лѣтопись упоминаетъ о Гречинѣ Петровичѣ, который въ 1195 г. расписывалъ въ Новгородѣ церкви, объ Игнатіѣ Грекѣ, который въ 1338 г. со други т. е. съ товарищами писалъ иконы; потомъ о Вячеславѣ, внукѣ Малышева, 1227 г. украсившемъ фресками церковь Сорока мучениковъ въ Новгородѣ, о церковномъ росписникѣ Иванѣ, сгорѣвшемъ въ 1386 году, наконецъ о томъ, какъ Нѣмцы наняли Новгородскихъ иконниковъ, и « по- « велѣша имъ написати образъ Спасовъ на ропатномъ углу.» (49)

Вывезенные изъ Византіи и Корсуни образа прославили Софійскій соборъ. Новгородскіе златописцы оставили намъ въ наслѣдіе драгоцѣнный памятникъ художества XIV вѣка — Васильевскія церковныя врата, здѣсь описанныя. Когда же тамъ иконописцы познакомились съ Фряжскимъ стилемъ,

(46) *Карамз.* И. Г. Р. II, пр. 4.
(47) *тамъ же*, IV, пр. 175.
(48) Россійская Исторія. I, 57.
(49) т. е. на углу кирки. *Карамз.* И. Г. Р. III, пр. 244 и 369.

тогда рисунокъ ихъ получилъ болѣе живности, а раскраска разнообразія и яркости, особливо въ многолюдныхъ образахъ; съ тѣмъ вмѣстѣ они позволяли себѣ нѣкоторыя уклоненія отъ неподвижныхъ формъ Византійской школы и отъ преданія: разнились ихъ произведенія самымъ сочиненіемъ. За иконописью тамъ неуклонно слѣдовала и миніатюрная живопись на пергаминѣ. Харатейныя Евангелія въ Остромировомъ спискѣ XI вѣка и въ Алексиномъ XII вѣка, украшенныя миніатюрными изображеніями, показываютъ намъ ея дѣятельность въ Новгородѣ.

Съ перенесеніемъ столицы изъ Кіева въ Суздальскую область, во Владиміръ, туда перенесено и художество, необходимое для Церкви, въ послѣдствіи обратившееся въ ремесло и промыслъ поселянъ и доселѣ извѣстное подъ названіемъ *Суздальскаго письма,* которое представляетъ искаженіе Византійскаго и Корсунскаго стиля.

Между тѣмъ какъ опустошенный Кіевъ былъ во власти Гедемина, Владиміръ Кляземскій, послѣ Батыева нашествія, представлялъ пепелище; вѣра и народность, съ нею вмѣстѣ и церковная живопись, нашли себѣ надежный пріютъ въ Москвѣ, гдѣ Первосвятитель Петръ самъ былъ иконописцемъ. Когда надъ святою Русью тяготѣло Монгольское ярмо, тогда въ глуши Московскаго бора зародилась жизнь народная, государственная и религіозная; на помощь къ ней пришло художество, завѣщанное христіанскою Византіей: оно оживотворило первые Московскіе храмы св. образами, олицетворило стѣны ихъ бытейскимъ письмомъ, которое служило для неграмотныхъ назидательною грамотой, проводникомъ вѣры и благочестія. Художникамъ покровительствовала духовная и свѣтская власть. Уже при дворѣ Московскаго Князя Симеона Гордаго и Всероссійскаго Митрополита Ѳеогноста находились Греческіе и Русскіе зоографы: Гойтанъ, старѣйшина иконниковъ, Захарія, Іосифъ и Николай. Между ними были учители и ученики. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли произведенія ихъ кисти, образа и фрески, по коимъ можно бы судить объ успѣхахъ иконописи на Москвѣ; они погибли отъ губительныхъ пожаровъ и неискусныхъ поновленій. Отъ того вѣка сохранились: *храмовая* икона Святителя Петра въ Моск. Усп. Соборѣ,

мѣстная Спасителя въ Благовѣщенскомъ соборѣ, писанная 1339 г. какимъ-то Михаиломъ многогрѣшнымъ, и *путевая* икона св. Алексѣя Митрополита, во имя Спаса, въ Андрониковомъ м. Но, безъ сомнѣнія, всѣ произведенія иконописи въ XIV вѣкѣ были ознаменованы вліяніемъ Византійской, или Корсунской школы. Все достоинство ихъ заключалось въ искусномъ и отчетливомъ воспроизведеніи завѣтныхъ образцевъ, какъ подтверждаютъ слова грамоты 1554 г. «старинное « иконописаніе было Греческое и Корсунское, которое писали иконники все со « старыхъ образцовъ.» (50) Такого пошиба держались въ томъ и слѣдующемъ вѣкѣ пресловутые зоографы: Андрей Рублевъ, Даніилъ Черный, Игнатій иконникъ, сподвижникъ св. Іоны Митрополита, Симеонъ Черный, Діонисій, Кнашъ, Прохоръ Городецкій, Ѳеофанъ съ учениками, наконецъ Всероссійскіе Митрополиты Симонъ и Варлаамъ, св. Ѳеодоръ Архіепископъ Ростовскій, племянникъ Преп. Сергія, который, по словамъ Подлинника, когда былъ Симоновскимъ Архимандритомъ, писалъ многія св. иконы на Москвѣ, образъ дяди своего и Деисусы въ церковь св. Николая на Болвановкѣ. (51)

Какъ Аѳонская школа признала своимъ начальникомъ Панселина, жившаго въ XI или XII вѣкѣ, такъ и Московская—Рублева. По свидѣтельству Строгановскаго Подлинника, (52) Андрей Радонежскій, прозваніемъ Рублевъ писалъ иконы все чудотворныя. Пребывая въ послушаніи у Препод. Никона, онъ въ его присутствіи изобразилъ ликъ Пресвятой Троицы въ похвалу св. Отцу Сергію. (53) Лѣтописи называютъ иконы Діонисіева письма *чудными*, т. е. превосходными, а Стоглавъ призналъ произведенія Рублева образцовыми, какъ увидимъ далѣе. Пошибъ письма его въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка составилъ школу, такъ что образа, не только писанные имъ самимъ, но и учениками его и подражателями, извѣстны подъ именемъ *Рублевыхъ*. Этотъ художникъ вмѣстѣ съ Даніиломъ Чернымъ производилъ иконное, и стѣнное письмо, какимъ украсилъ не одни Московскіе соборы, но и Владимирскій, Тро-

(50) Акты Археогр. Экспедиціи, т. I.

(51) Климцовской Подлинникъ, списанный съ древняго, въ концѣ XVIII вѣка, рукоп. въ 4, въ библіот. Графа Строганова.

(52) *тамъ же.*

(53) Этотъ образъ мѣстный стоитъ на правой сторонѣ у царскихъ вратъ въ Троицкомъ соборѣ.

ицкій въ Сергіевой обители, Спасовъ въ Андрониковѣ монастырѣ, гдѣ нашелъ себѣ послѣдній пріютъ. По сказанію Іосифа Волоколамскаго, онъ такъ любилъ священное художество, что «въ праздничные дни «разсматривалъ св. иконы и переносился мыслію отъ видимаго къ «невидимому.» (54) Извѣстныя подъ его именемъ иконы, отмѣченныя позднѣйшими надписями, высоко цѣнятся любителями. Рисунокъ въ нихъ строгій и отчетливый, раскраска, хотя твердая и бойкая, но плавкая и тонкая, или, какъ говорятъ иконники, *облачная;* темною она кажется, сколько отъ преобладанія вохры и санкиря, (55) столько и отъ олифы. На сильныхъ мѣстахъ лицъ вохра не нанесена бѣлилами, но пущена въ тонкую тѣнь. По своему стилю, Рублевъ былъ вѣрнымъ Византійской школѣ. Замѣчательно уваженіе современниковъ его къ нему съ сотрудниками; они признали его *пресловутымъ*, а отечественная Церковь *Преподобнымъ*. (56) Тогда упражненіе въ иконописи церковной почиталось дѣломъ священнымъ, какимъ занимались сами Первосвятители, а иконописцы наравнѣ съ служителями Церкви; расписаніе церквей не рѣдко было предметомъ совѣщанія соборовъ, поводомъ къ установленію праздниковъ въ Церкви, и лѣтописи упоминаютъ объ этомъ, какъ объ исторической достопамятности. Отъ художниковъ, посвятившихъ себя на этотъ подвигъ, требовалось строгое благочестіе и чистота нравовъ; приступая къ нему, они напутствовали себя постомъ и молитвою. Но, какъ увидимъ далѣе, школа Рублева во многомъ измѣнила началамъ мастера.

Освобожденію Россіи отъ Монгольскаго ярма предшествовали два событія, имѣвшія вліяніе на отечественную Церковь и на ея художества — взятіе Турками, Царяграда и Херсона, откуда Россія заимствовала художниковъ. Когда Іоаннъ III положилъ въ Москвѣ краеугольный камень во главу угла единодержавію: тогда въ ней открылъ пріютъ разнымъ художникамъ изъ порабощенной Византіи и державнаго Рима. Тамъ они нашли себѣ обширное поприще для художнической дѣятельности. Вызванные изъ

(54) Духовное завѣщаніе Препод. Іосифа, гл. X.
(55) *Санкирь* состоялъ изъ трехъ красокъ: вохры жженой, лазури и чернилъ.
(56) Въ рукоп. Словарѣ Русскихъ Святыхъ Андрей и Даніилъ поставлены между Святыми.

южной и западной Европы художники слыли у насъ *Фрязами* и *Фрязинами*, а произведенія ихъ—*дѣломъ Фряжскимъ*, хотя они болѣе или менѣе и сообразовались съ Русскимъ типомъ. Между ими могли быть и живописцы. Лѣтописи наши въ числѣ мастеровъ упоминаютъ о какомъ-то капланѣ изъ бѣлыхъ чернецовъ Августинова ордена, Иванѣ Спасителѣ, который принялъ православное исповѣданіе. (57) Вѣроятнѣе кажется, что, по ошибкѣ, вмѣсто *Списателя*, т. е. церковнаго росписника, написали *Спасителя*, и что это слово не составляетъ прозвища Salvator въ переводѣ. Если это такъ, то не сей ли самый Иванъ расписывалъ тогда сооруженный Фіоравенти-Аристотелемъ Успенскій соборъ въ Москвѣ, и не онъ ли внесъ къ намъ начатки Фряжскаго стиля въ иконописи, который потомъ привился къ Византійско-Русскому пошибу? Въ Стоглавѣ уже упоминается о Латинскихъ образахъ, хотя Русскіе чуждались св. иконъ, писанныхъ иновѣрцами, и хотя, по свидѣтельству Краковскаго Каноника I. Сакрарія 1500 г. « они только чествовали образа, поставленные въ ихъ церквахъ, или писанные ихъ мастерами.» (58)

Въ началѣ XVI вѣка, когда въ Италіи живопись достигла своего апогея, когда въ Германіи реформація нанесла ей ударъ, тогда въ Россіи съ отступленіемъ отъ Рублевой школы церковная живопись потерпѣла измѣненія не въ пользу искусства; ибо Царь Иванъ Васильевичъ въ грамотѣ своей къ Римскому Императору Карлу V жаловался на дурную живопись въ отечественныхъ церквахъ, изъявляя желаніе украсить ихъ произведеніями искусныхъ художниковъ. (59)

Доселѣ иконописцы наши ограничивались раболѣпнымъ подражаніемъ Византійско-Корсунскому стилю и воспроизведеніемъ образцевъ его; но Стоглавный соборъ уже возстаетъ противъ тѣхъ мастеровъ, которые начали « писать божество отъ самосмышленія и своими догадками.» При переходѣ отъ подражанія къ изобрѣтенію (самосмышленію), иконописцы внесли въ художество народность и личность.

(57) *Карамз.* И. Г. Р. VI. 364. пр. 104.

(58) De Russorum Moscovitarum religione etc. В. Д. 1582, in-4. Здѣсь Каноникъ называетъ Христіанскія наши церкви *синагогами*.

(59) *Schmidt Phiseldeck* Materiale zur russ Geschichte Riga, 1777, in-8.

Въ Новгородѣ, союзникѣ Ганзы и Литвы, подобно какъ и въ другихъ областяхъ раздробленной Россіи, мало по малу образовались свои типы и направленія въ иконописи и въ жизни. Когда же Россія подъ властію единодержавнаго Царя стала ближе и тѣснѣе соединяться, тогда скоро должны были обнаружиться и разности въ священномъ художествѣ. Онѝ и обнаружились въ протестѣ Висковатаго противъ нововведеній, перенесенныхъ изъ Новгорода въ Москву Макаріемъ и Сильвестромъ. Тогда стали размножаться образа *многолюдные*, многосложные, символическіе, болѣе извѣстные въ Новгородѣ и Псковѣ, чѣмъ на Москвѣ; явились попытки изображать посредствомъ иконописи смыслъ догматовъ, молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній, каковы напр: *Совѣтъ превѣчный*, *Покой субботній Творца твари*, изображающій Господа Саваоѳа опочивающимъ на ложѣ, *Троицкое дѣяніе*, *Поклоненіе Тріѵпостасному Божеству*, *Молитва Господня*, *Бытія изъ Апокалипсиса*, *Символъ вѣры*, *о Тебѣ радуется Благодатная*, *Достойно есть* и пр. Къ числу такихъ образовъ принадлежитъ *Страшный судъ*, послужившій къ обращенію В. К. Владимира I, и въ 1399 году присланный изъ Царьграда же Патріархомъ къ В. К. Тверскому Михаилу Ярославичу. (60) По окончаніи пасхальнаго разчисленія, сдѣланнаго на седьмую тысячу, въ 1492 году, мысль, овладѣвшая народомъ о наступленіи страшнаго суда, вѣроятно, дала поводъ къ распространенію такого образа. Къ тому же времени относится изображеніе *осміугольнаго вѣнца* у Господа Саваоѳа, въ ознаменованіе «седми вѣ«комъ Творца и будущаго вѣка Отца.» (61) Не рѣдко особенные случаи давали поводъ къ размноженію нѣкоторыхъ иконъ. Такъ напр. взятіе Казани Царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ праздникъ Покрова Божіей Матери служило побужденіемъ къ распространенію списковъ сего явленія и церквей въ честь его на Москвѣ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ въ иконопись тогда вкрались символы, чуждые Православной Церкви и дотолѣ ей неизвѣстные, даже *знаменія* (атрибуты) Западной Церкви.

(60) Софійской Временникъ. I, 421.
(61) Подлинникъ Клинцовскій въ библ. Графа С Г. Строганова.

Такъ напр. Иконники стали изображать I. Христа съ колчаномъ и лукомъ, или вопреки запрещенію на Трулльскомъ соборѣ, въ подобіи Агнца, Троицу съ IX чинами въ вѣнцахъ, иногда въ одномъ лицѣ съ принадлежностями трехъ лицъ, Евангелистовъ Іоанна съ орломъ, а Марка со львомъ. Максимъ Грекъ въ сочиненіяхъ своихъ, касаясь иконописи, приводитъ образъ Спасовъ, называемый по Римски Pietas. (62) Около того времени съ Запада вошли въ область нашей иконописи изображенія XII Сивиллъ, коихъ стали писать съ Еллинскими мудрецами на церковныхъ вратахъ, на стѣнахъ паперти, или притвора и даже на крилосахъ, какъ доказательства истины откровенной религіи. (63)

При такихъ нововведеніяхъ и при своевольномъ уклоненіи отъ завѣтныхъ Византійскихъ первообразовъ, возникли распри, нарушавшія спокойствіе Церкви. Отечественная Церковь вступилась въ свои права, взяла свои мѣры противъ самовольныхъ и соблазнительныхъ нововведеній и на Стоглавномъ соборѣ запретила « описывать Божество отъ самосмышленія и своими догадками, пове-« лѣвъ держаться съ превеликимъ тщаніемъ образцевъ инока Андрея Рублева и « прочихъ пресловутыхъ иконописцевъ. » Соборнымъ опредѣленіемъ надъ всѣми иконниками уставлены четыре старосты, которымъ велѣно смотрѣть, чтобы первые писали по образу и по подобію, неправо пишущихъ отставлять и новыхъ иконниковъ отдавать учиться добрымъ мастерамъ. (64) Замѣчательно, что постановленія такъ называемаго Стоглавнаго собора, требуя отъ иконописцевъ духовнаго образованія и нравственной чистоты, поставляютъ

(62) Вотъ что онъ говоритъ объ немъ: «Священное образованіе священныя и покланяемыя иконы Господа и Бога и Спаса нашего I. Христа, глаголемое по Римски *піетасъ*, еже есть по Русски милосердіе, или благочестіе, а не уныніе, нѣсть се человѣческія премудрости замышленіе, но самъ Спасъ такова показа себе списателю душеполезныхъ бесѣдъ, яже къ Петру своему діакону, во время священныя литургіи священнодѣйствующу страшную и безкровную жертву святѣйшему Григорію, внегда влагати въ потиръ четвертую часть св. и покланяемаго Агнца. Сицево нерукотворіе (икос) божественное образованіе видовъ св. Григорій, стояще противу св. потира, умилися яко же лѣпо бѣ и въ слезы духовныя снесенъ бысть. Преудивився Спасову неизреченному схожденію, и якоже видѣ очима въ Дусѣ Святѣ, тако сказа иконописцемъ писати прочее таково Спасово священное образованіе и оттолѣ начатъ сицево священное образованіе Спасово во св. Божіихъ храмѣхъ писатися. Сице азъ пріяхъ отъ достовѣрныхъ мужей Италіянѣхъ, у нихъ живый время довольно »

(63) Mythologie und Symbolik der christlichen Kunst, von *F. Piper*. I. B. Weimar, 1847, in-12.

(64) Исторія Русской Церкви, періодъ III, отъ 1410 по 1588. M. 1847, въ 12.

въ обязанность Святителямъ « беречи ихъ и почитати паче простыхъ че-« ловѣкъ.» Въ дѣяніяхъ собора противъ Башкина 1554 г. между прочимъ подтверждено, чтобы « святыя и честныя иконы и бытейское письмо были « не на соблазнъ міру, но во утвержденіе православію и въ просвѣщеніе « и умиленіе.» Взятые Іоанномъ изъ Новгорода, Пскова и Устюга древніе образа, украсивъ соборы Московскіе, представили образцы для Московскаго иконописанія.

Въ эту эпоху возвращенія иконописи къ Рублевой школѣ и появленія иконоборцевъ въ лицѣ Ѳеодосія Косова, Башкина и другихъ, Всероссійскимъ Митрополитомъ былъ знаменитый Макарій, ревнитель православія, составитель Великихъ Чети-Миней, самъ иконописецъ, поновлявшій чудотворные и явленные образа.

Такъ по тѣсной, членовной связи сего художества съ православіемъ, и духовныя особы посвящали ему свой трудъ и бдѣніе. Всеросс. Митрополитъ Аѳанасій, духовникъ Царя Ивана Васильевича, былъ преемникомъ Архипастырскаго жезла Макарія и его художнической палитры и кисти, которую онъ обрекъ на украшеніе Церкви св. иконами. Въ XVI столѣтіи славились своимъ искусствомъ въ Великомъ Новгородѣ монахъ Антоніева монастыря Препод. Ананія, въ Нижнемъ Новгородѣ Перетрутовы, Староѣровъ, Останя, Яковъ, Михайло и Семенъ Высокій Глаголъ съ товарищи, а на Москвѣ Ѳедоръ Еликѣевъ, Михайло Медоварцевъ, Ѳедоръ Ухтомскій, Баженъ Ѳедоровъ Саѳатовъ, діаконъ Никифоръ Грабленой, старецъ Сергій, Ѳеодосій, сынъ Діонисія зоографа. Послѣ пожара въ Москвѣ 1547 г., лишившаго ее многихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ иконописанія, собраны были въ нее древнѣйшія иконы изъ Владимира, Звенигорода, Новгорода, Ржева и Пскова, а за недостаткомъ Московскихъ, вызваны иногородные зоографы для списанія этихъ иконъ, по опредѣленію собора. (65) Нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени памятниковъ иконописи XVI вѣка свидѣтельствуютъ намъ объ успѣхахъ ея въ Московскомъ мірѣ. Довольно указать на мѣстный образъ св. Троицы въ Троицкомъ соборѣ Троицко-Сергі-

(65) Акты Археограф. Экспедиціи, III, 238.

евой лавры, писанный Никифоромъ Грабленымъ и стоящій тамъ на лѣвой сторонѣ подлѣ царскихъ вратъ. Тогда въ Москвѣ образовался подъ вліяніемъ Византійской школы *Московскій пошибъ*. Отъ Корсунскаго онъ разнился не столь длинными фигурами, частыми чертами, описью въ лицахъ свободною; въ раскраскѣ его болѣе цвѣтности, теплоты и разнообразія, чѣмъ въ Византійско-Корсунской; высокія мѣста отличаемы были костоватостію, доличное золотыми и красочными пробѣлами. Умильность въ лицахъ составляла противоположность съ строгостью и суровостію ихъ въ образахъ Новгородскаго пошиба, гдѣ преобладала вохра и празелень. Мѣстность и личность клали на нихъ свои типы.

Сильнѣйшимъ двигателемъ этого священнаго художества была вѣра и благочестіе народа, равно и требованія искусства.

Такова была дѣятельность иконописанія въ столицѣ Іоанна IV. Между тѣмъ какъ въ порабощенной Греціи, это коренное ея художество пришло въ упадокъ, уже Москва надѣляла ее образами. Іоаннъ Комнинъ съ похвалою отзывается о Московскихъ образахъ въ серебряныхъ окладахъ, присланныхъ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Аѳонскіе монастыри; онъ говоритъ, что образа сіи искусно и совершенно отдѣланы. Даже въ старинномъ Аѳонскомъ Подлинникѣ мы находимъ статью о томъ «какъ Московскіе зоографы пишутъ образа, какія и какъ употребляютъ краски, «какимъ способомъ накладываютъ на нихъ золото и пр.» (66)

Но въ матери градовъ Русскихъ, подвѣдомой области Константинопольскаго Патріаршества, подъ гнетомъ Польскаго ига, среди утѣсненій отъ Латинства и Уніи, могла ли процвѣтать церковная живопись? Петръ Могила въ книгѣ *Камень*, говоритъ о Супрасльскомъ монастырѣ: «спроси «кого нибудь въ томъ монастырѣ, гдѣ тѣ древнія иконы, которыя украшены были серебряными позлащенными ризами? и узнаешь, что онѣ «обращены Уніатами на свои надобности; вмѣсто же серебряныхъ иконъ, «поставлены въ церкви полотняныя Италіянскія. Хорошо мѣняются съ Богомъ; ему полотно писанное, а себѣ серебро вызолоченное.»

(66) Manuel d'Iconographie, p. 51.

Въ концѣ XVI вѣка, въ глубокомъ сѣверѣ Россіи возникла Строгановская школа, отдѣлившаяся отъ старой Устюжской, сперва подъ строгимъ вліяніемъ Византійско-Русскаго, а потомъ Фряжскаго стиля. Колыбелью ея былъ Сольвычегодскъ, отчина знаменитыхъ въ нашей Исторіи Строгановыхъ.

Первыхъ временъ Строгановское письмо отличалось строгостію и отчетливостію *описи*, отборкою въ лицахъ, плавкостью и плотностью раскраски, тонкою костоватостью на высокихъ мѣстахъ красочными пробѣлами, наконецъ тщательною отдѣлкою доличнаго. Фигуры писались болѣе осми головъ. Краски у нихъ были выписныя, отмѣнной доброты, между коими для пробѣловъ иногда употреблялся, какъ и у царскихъ изографовъ, тертый жемчугъ, никогда не вымиравшій; на сильныхъ мѣстахъ обыкновенно наводились отливныя краски. Представителями этой школы, въ первую эпоху, были въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка: Максимъ и Никита Строгановы, Никифоръ и Прокопій Чирины, Постникъ Дербинъ, Мочаловъ, Емельянъ, Семенъ Бороздинъ Истоминъ, Никифоровъ, которые, большею частію, подписывали свои имена на иконахъ. Отъ Строгановской школы вышли два пошиба: *Сибирскій* и *Бароновскій*, относящіеся ко второй его эпохѣ, когда рисунокъ уже является правильнѣе и вольнѣе, когда лицамъ давалось болѣе разнообразія и выразительности, когда въ раскраскѣ теплота, такъ сказать, оживляла тонкую плавкость. Доличное тогда роскошно украшалось золотомъ въ проскребку и инокопотью и золотыми пробѣлами. Такъ какъ образа писались не только на кипарисныхъ и липовыхъ, но и на мѣдныхъ доскахъ, на краскахъ и на золотѣ; то по числу наложенныхъ на образную дску листовъ опредѣляема была ихъ величина: отсюда *четырехлистовые, пятилистовые*, или *пятницы* и *семилистовые*.

Такимъ образомъ Строгановская школа, сперва вѣрная Византійскому стилю, потомъ заимствовала отъ Фряжскаго стиля его пріемы, его типъ и дебелость раскраски. Представителемъ послѣдней эпохи былъ Стефанъ Нарыковъ. Вмѣстѣ съ школою царскихъ живописцевъ она служила переходомъ къ искусству, которое въ послѣдствіи развилось въ нашемъ отечествѣ.

Кромѣ нѣкоторыхъ церквей и монастырей, иконы Строгановскаго письма украшаютъ часовни на Рогожскомъ и Преображенскомъ кладбищахъ, коллекціи Графа С. Г. Строганова, Погодина, Лобкова, Царскаго, Молошникова, А. и Ѳ. Рахмановыхъ, Никифора Гаврилова, Стрѣлкова и пр.

Между тѣмъ подъ вліяніемъ Греко-Корсунской школы писали въ Москвѣ Патріаршіе и Царскіе зоографы, которые составляли общества или товарищества, родъ Академіи художествъ, гдѣ занимались иконописью и живописью и гдѣ обучали сему искусству. Первые вели свое начало отъ прежнихъ Митрополичьихъ, другіе отъ Великокняжескихъ иконниковъ. Первые отличались отъ послѣднихъ строжайшимъ соблюденіемъ Византійско-Корсунскаго пошиба въ своихъ произведеніяхъ. Въ дѣлахъ Патріаршаго Приказа съ 1632 по 1672 г. упомянуты: Назаръ Истоминъ, Леонтій Черный, Степанъ Зубчаниновъ, Степанъ Панкратьевъ, Янъ Степановъ, Янъ Микулинъ, Степанъ Іевлевъ, Ѳедоръ Козловъ, старецъ Агаѳоникъ, златописецъ Паисій, Гаврила Кондратьевъ, Дмитрій Львовъ и пр. Какъ между царскими были иностранные живописцы, то мало по малу они распространили между ими Фряжскій стиль, коему болѣе или менѣе сталъ подчиняться Византійско-Корсунскій пошибъ въ это переходное время. По свидѣтельству Алеппскаго Архидіакона Павла, « въ Москвѣ многіе иконописцы переняли « живописать образа на манеръ Франковъ и Поляковъ, а вельможи поку- « пали такіе образа.» (67) Оные обыкновенно назывались *Латинскими*, какъ видно изъ дѣла Князя Хворостинина. Тщетно вооружался противъ этого Патріархъ Никонъ. У нѣкоторыхъ бояръ Итальянскіе и Нѣмецкіе мастера расписывали церкви. Съ Фряжскимъ стилемъ, внесшимъ въ церковную живопись дебелость лицъ, яркость красокъ и недостатокъ спокойнаго согласія цвѣтовъ, вошла личность художника, между тѣмъ, какъ въ образахъ Византійской школы она подчинена велѣнію Церкви. Направленіе Фряжскаго западнаго стиля въ церковной живописи отдѣлялось отъ Византій-

(67) см. Странствованіе Арабскаго Патріарха Макарія изъ Алеппо въ Москву, П. С. *Савельева*, въ Библ. для чтенія, 1836 г. т. XV, отд. III, 110.

скаго рѣзкою чертою; одинъ, близкій къ антикамъ языческаго міра, старался выразить силы природы, сосредоточенныя въ совершеннѣйшемъ образѣ человѣка и тѣмъ дѣйствовать на естетическое чувство; другой привести въ явленіе то, что надъ силами природы существуетъ высшая сила, которая ихъ проникаетъ, сообщая свѣтъ душѣ человѣческой. Основа одного внѣшній міръ, другаго — внутренній, духовный.

Изъ царскихъ иконописцевъ въ XVII вѣкѣ славились своимъ искусствомъ Аѳинянинъ Апостолъ Юрьевъ, Арменинъ Богданъ Салтановъ, Иванъ и Борисъ Паисены, Назаръ Истоминъ, Симонъ Ушаковъ, Егоръ Зиновьевъ. Много другихъ именъ попадается въ дѣлахъ Придворн. Архива о царскихъ иконописцахъ, въ книгахъ Патріаршаго Приказа и другихъ письменныхъ памятникахъ; но особенно замѣчательны между ими три имени, потому что онѣ написаны на Каппоніановыхъ святцахъ въ Римѣ, кои относимы были Европейскими учеными то къ X, то къ XIII вѣку, (68) приписывались то Греческимъ, то Болгарскимъ и Сербскимъ художникамъ. Но сіи Русскія имена находимъ въ числѣ жалованныхъ царскихъ зоографовъ: *Андрей Ильинъ* (1668), *Сергѣй Васильевъ* (1667) и *Никита Ивановъ Пикторовъ*. Святцы сіи должны быть спискомъ съ древнихъ Греческихъ; потому что на нихъ нѣтъ Русскихъ Святыхъ. Болландіанскія картины, соборъ Святыхъ, писанныя 1628 года и пріобрѣтенныя въ Москвѣ 1673 г. Езуитомъ Паперброхіемъ, безъ сомнѣнія, есть произведеніе Патріаршихъ или Царскихъ иконописцевъ, которое теперь украшаетъ Лейденскую картинную галлерею. Замѣчательно, что въ числѣ послѣднихъ былъ безрукій зоографъ Полѵевктъ Никифоровъ, который писалъ иконы, держа кисть губами. Въ расх. книгѣ Оруж. Палаты 1687 г: упомянутъ осмилистовый образъ письма Полѵевкта безрукаго: Коронованіе Богородицы. Въ церкви при Московской Екатерининской богадѣльнѣ и въ Коллекціи Н. Г. Головина хранятся его образа Спасителя и Богоматери съ подписью « лѣта 7191, Сентемврія въ 3 день писалъ сей образъ изографъ Полѵевктъ

(68) De antiquissima pictura Russica, inprimis de tabulis pietis Capponianis, hodie Romae in bibliotheca Vaticana asservatis, auct. *I. Th. Bulhe.* Mosquæ. 1807, in-4.

«Никифоровъ, отъ рожденія рукъ не имѣлъ и писалъ устами.» Письмо сдѣлало бы честь искусной рукѣ зоографа.

Государевы зоографы, состоя въ вѣдомствѣ Оружейной Палаты иконнаго терема, раздѣлялись на *жалованныхъ* и *кормовыхъ*, большой, средней и меньшей статьи, на *знаменщиковъ*, *лицевщиковъ, доличныхъ*, *златописцевъ*, *левкащиковъ* и *терщиковъ*. Они населяли въ Китаѣ и Земляномъ городѣ улицы, кои слыли *иконными;* работали также въ Иконномъ теремѣ и «въ пещерахъ «отъ Краснаго крыльца.» (69) Работа производилась ими, по Государеву указу, подъ завѣдываніемъ боярина съ дьякомъ. Такъ при поновленіи большаго Успенскаго собора стѣннымъ и иконнымъ письмомъ 1643 г. указалъ Государь быть тремъ бояринамъ съ Княземъ Б. А. Репнинымъ, да дьяку Степану Угопкому. (70) Царь жаловалъ мастеровъ серебряными ковшами, камчатными кафтанами и собольими шапками. Царь Алексій Михайловичь, даровавшій имъ особенныя преимущества, въ грамотѣ своей 1669 г. ставитъ ихъ «выше всѣхъ прочихъ художниковъ, именуя тщаливыхъ и честныхъ «иконописцевъ, истинными церковниками, художниками церковнаго бла- «голѣпія.»

Техническая часть художества у Царскихъ зоографовъ обнаруживаетъ смѣтливость, ловкость и удивительное терпѣніе въ отдѣлкѣ. Писавши по левкасу и болѣе на краскахъ, разведенныхъ на яичномъ желткѣ, чѣмъ на маслѣ, они умѣли соединять плотность съ плавкостью и нѣжностію, лицамъ давать разнообразное и строго-приличное выраженіе. Костоватость на высокихъ мѣстахъ они уже замѣняли едва замѣтною отживкою и подпробѣлами, потомъ румянцемъ. Глаза писались не челночками, какъ прежде, но правильнѣе и круглѣе, съ лузгами или слезниками. Въ отдѣлахъ волосъ тонко проводимы были подрусинки и просѣдинки. Доличное у нихъ отличалось богатствомъ золотой инокопоти. На образахъ ихъ кисти появляется болѣе околичностей, чѣмъ прежде; нѣкоторые замѣчательны уже оригинальностію сочи-

(69) Приходо-расходная книга Оружейной Палаты денежной казны, 7188 г. N 248.
(70) Книга расходная деньгамъ, употребленнымъ на расписаніе стѣнное соборной церкви Успенія, 7150 г. N 975.

нeнiя. Это показываетъ, что изографы уже не ограничивали своей дѣятельности однимъ рабολѣпнымъ воспроизведенiемъ завѣтныхъ образцевъ Византiи и Корсуни. Къ сочиненiю давали имъ поводъ изображенiе дѣянiй и чудесъ Святыхъ отечественной Церкви. Въ искусство они вносили личность и народность. Но не взирая на такое усовершенствованiе технической части, на попытки къ изобрѣтенiю и сочиненiю, въ ихъ произведенiяхъ еще оставались недостатки ихъ предшественниковъ—отсутствiе перспективы и единства тона или мотива.

Кромѣ изчисленныхъ нами здѣсь пошибовъ въ иконописи, былъ еще *монастырскiй*, который образовался въ разныхъ отечественныхъ монастыряхъ, гдѣ иноки посвящали досужество свое на священное дѣло иконописанiя. Иконы этого письма болѣе различествуютъ между собою раскраскою, чѣмъ рисункомъ: у однихъ преобладаетъ вохра, въ другихъ красный колеръ; въ тѣхъ раздѣлъ сильнѣе или слабѣе. Такiя иконы, поднесенныя Царямъ отъ монастырей, мы видимъ на западной и южной стѣнахъ Московскаго Успенскаго собора. Въ Троицко-Сергiевой лаврѣ, въ началѣ XVII столѣтiя, уже были и зоографы, которые списывали портреты, см. ниже стр. 143. Фiорилло, судившiй строго и поверхностно объ искусствѣ въ иконахъ, признаетъ впрочемъ, что « онѣ, какъ антики, весьма важны и заслуживаютъ быть болѣе « извѣстными.» (71) Такъ судили о нашемъ иконописанiи и другiе иностранные ученые, удивлявшiеся Каппонiановымъ святцамъ и ограничившiе свой взглядъ одной внѣшностью художества! По нѣкоторымъ только, неискуснымъ и даже уродливымъ изображенiямъ Святыхъ въ Греческомъ стилѣ, они заключали о грубости и неподвижности художества, между тѣмъ искусныя произведенiя лучшихъ мастеровъ свидѣтельствуютъ намъ о возможности совершенствованiя этого церковнаго художества, а богатый техническiй языкъ о сознательности, съ какою оно развивалось.

Но не въ одной Москвѣ процвѣтала церковная живопись въ XVII столѣтiи ; ею тогда славились Нижнiй Новгородъ, Кострома, Ярославль и Ро-

(71) см. Опытъ Исторiи начертательныхъ художествъ въ Россiи, соч. *Фiорилло*, въ Худож. Газетѣ. Спб. 1838, N 17.

стовъ. При поновленіи Успенскаго собора стѣннымъ письмомъ въ 1642 г. расписывали его иконники, вызванные изъ этихъ городовъ. При такомъ дѣлѣ всѣхъ иконописцевъ и знаменщиковъ городовыхъ и Московскихъ было 91 человѣкъ. Въ 1660 году, по указу Государеву, вызваны были для Государева и церковнаго дѣла изъ Нижняго Новгорода 4, изъ Костромы 5, изъ Ярославля и Ростова 8. Но какъ видно изъ жалобъ Царю Алексѣю Михайловичу, «по заглушнымъ деревнямъ плохіе мастера неистово писали иконы и продавали ихъ прасоламъ и щепетильникамъ, которые развозили ихъ по селамъ и городамъ.» (72)

Мѣстному различію въ сочиненіи давали поводъ многочисленныя явленія Богоматери, изображенія Святителя Николая Зарайскаго, Можайскаго, Великорѣцкаго и Явленскаго и пр. Не исчисляя ихъ, укажемъ только на иконы Софіи Премудрости Божіей, Кіевской и Новгородской; одна изображала Софію подъ видомъ Богоматери, стоящей подъ сѣнью седмистолпнаго храма, другая въ подобіи огнезрачнаго Царя, съ благословляющимъ его сверху Спасителемъ и съ предстоящими ему Богоматерью и Предтечею.

Миніатюрная живопись продолжала украшать своими произведеніями не только церковныя книги, но и лѣтописи и хронографы; а искусство вышиванія разноцвѣтными шелками, волоченымъ золотомъ и серебромъ, оличать Святыхъ и дѣянія на пеленахъ, покровахъ и плащаницахъ, изъ коихъ древнѣйшій и драгоцѣннѣйшій памятникъ сохранился въ ризницѣ Троицко-Сергіевой лаvры: сударь, или покровъ съ слѣд. надписью, вышитою серебромъ: «лѣта 7007 создана сія пелена.... замышленіемъ и повелѣніемъ Царевны «Царегородскою, Великою Княгинею Московскою Софіею Великаго Князя Московскаго.»

Нельзя при этомъ обозрѣніи состоянія иконописи въ Россіи выпустить изъ виду символики *библейской, церковной* и *условной* т. е. придуманной художниками въ иконописаніи, о коей мы упоминали въ статьѣ о Торевтикѣ. Какъ древлецерковное художество начинается символическимъ изображеніемъ отношеній земной жизни къ небесной, высшей, то его символика проявляетъ стремленіе

(72) *Востоковъ* Опис. Румянцовскаго Музея, стр. 354 и 375.

духа восполнить древнія формы новымъ, глубокимъ содержаніемъ. Въ памятникахъ иконописи ὀбразный языкъ ея представляетъ намъ много такихъ символовъ, усвоенныхъ ею себѣ, напр: Всевидящее Око въ треугольникѣ знаменуетъ всевѣдѣніе Божіе; благословляющая рука въ облакахъ—Его благоволеніе; голубь—Духа Святаго; агнецъ—Искупителя; крестъ—орудіе вольной Его жертвы и нашего спасенія; левъ, орелъ и телецъ—трехъ Евангелистовъ; вѣнецъ—славу небесную; три звѣзды на челѣ и персяхъ Богоматери—нетлѣнное Ея дѣвство до рождества, въ рождествѣ и по рождествѣ и т. п. Замѣчательно также значеніе служебныхъ Умныхъ Силъ, выражаемое ихъ символами; на головѣ у нихъ обыкновенно изображается въ видѣ перевязки *маніе*, или покоище Св. Духа, изъ ушей вьются *тордцы*, или слухи. Кадило въ рукѣ у Ангела выражаетъ молитву, кринъ—благовѣстіе, жезлъ—путеводство, труба—зовъ на страшный судъ, мечь—кару грѣшныхъ; а мечь духовный—глаголъ Божій и т. п.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ Подлинника находится *сказаніе по буквамъ о птицахъ и звѣряхъ*, большею частію, входящихъ въ область церковной символики. (73) Не оставимъ безъ замѣчанія болѣе или менѣе извѣстныя монограммы, какъ-то: у Спасителя въ вѣнцѣ Ο Ω Ν, Сый, (74) у Богородицы МР ѲУ, Божія матерь, у креста І. Н. Ц. И. Іисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій, М. Л. Р. Б. Г. А, Мѣсто Лобное, Распятъ бысть, или Рай Бысть, Глава Адамова и пр.

Таково было значеніе и судьбы иконописанія въ Россіи съ его начала до конца XVII вѣка, служившаго переходомъ къ преобразованію его при Петрѣ I и къ Академіи художествъ. Не взирая на нѣкоторыя частныя, мѣстныя уклоненія отъ Византійскаго первообраза, оно крѣпко держалось кореннаго своего начала, которое заключалось въ православіи восточной Церкви, неизмѣненной у насъ ни въ основахъ своихъ, ни въ отдѣльныхъ частяхъ Богослуженія. Ограниченное завѣтнымъ преданіемъ, Византійскимъ первообра-

(73) Подлинникъ рукоп. 1658 г. N 315, въ библіот. Царскаго.

(74) Невѣдущіе придумали это Греческое ветхозавѣтное слово объяснить Русскими: «Отеческій умъ непостижимъ Сый,» такъ какъ *Μητήρ Θεου* (МР ѲУ) «Марія роди Фарисеямъ учителя.»

зомъ и символическимъ направленіемъ, конечно, оно не могло свободно развиваться; за то и не могло вдаваться въ своевольное изображеніе лицъ Святыхъ по *своему самосмышленію* и, вмѣсто божественной натуры, представлять чувственную природу человѣческую. Но такія условія не мѣшали церковной живописи восходить къ совершенству въ своемъ родѣ, какъ видимъ изъ нѣкоторыхъ ея образцевъ, гдѣ типическая строгость рисунка соединена съ святолѣпностію изображенія, нравственно-духовное приличіе съ отчетливостію и изяществомъ исполненія. Если Церковь должна отличаться отъ мірскаго, свѣтскаго, своимъ языкомъ и своими формами: то и ея живописи необходимо имѣть свой типъ священный, гдѣ искусство подчинено религіознымъ идеямъ.

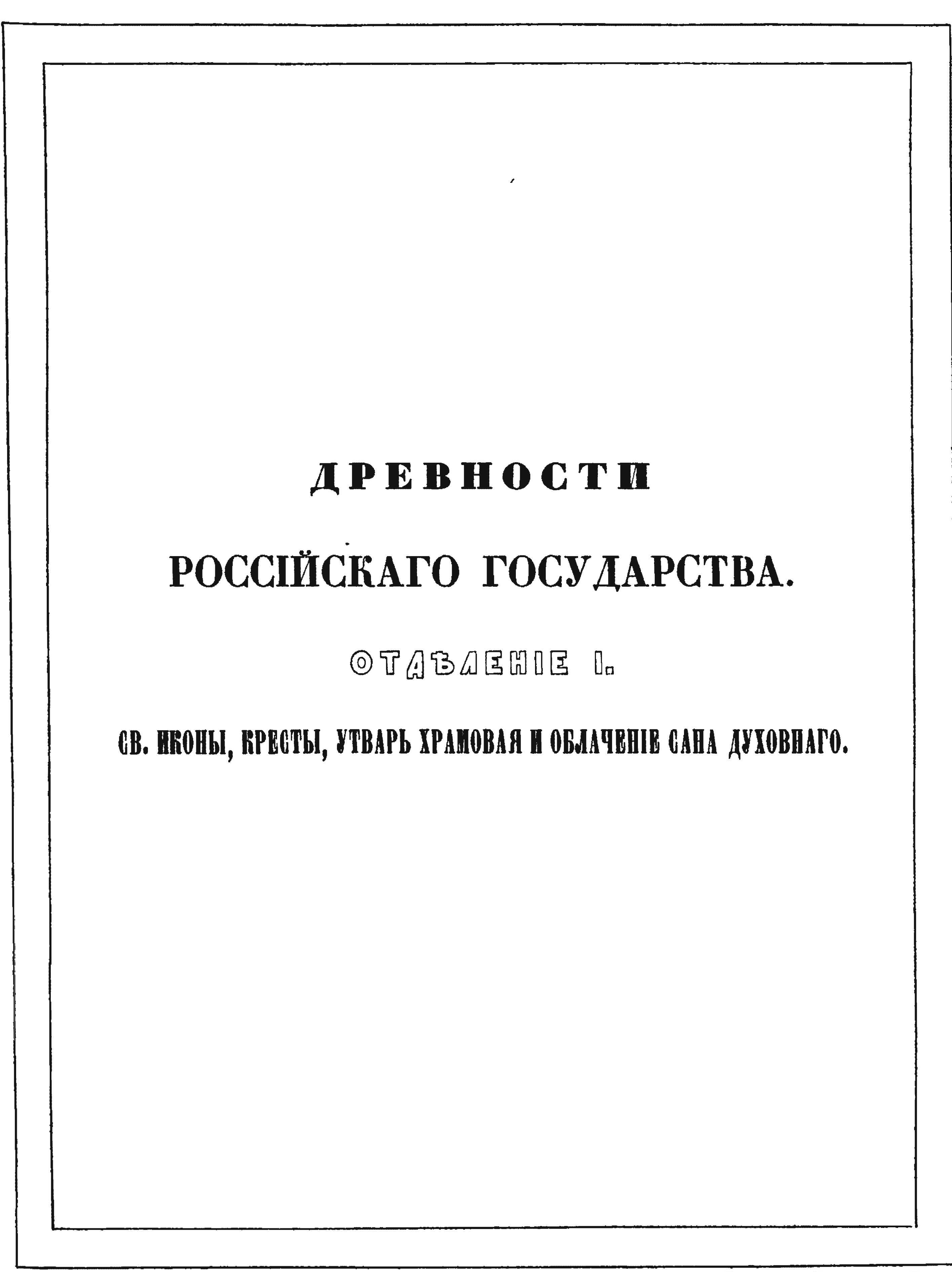
Постигая всю важность сего дѣла, Петръ I, по примѣру Патріарховъ, учредилъ Ценсуру для иконописанія, которая помѣщена была въ палатахъ, построенныхъ изъ казны Патріарха близь Покровскаго собора и Василія блаженнаго, что на рвѣ. Тамъ сидѣлъ, т. е. завѣдывалъ изуграфіевъ исправленія Иванъ Зарудный. Указомъ 1707 г. Апрѣля 27, повелѣно, «дабы лучшаго ради исправленія и чести св. иконъ въ искусствѣ иконнаго и живописнаго изображенія, которые пишутъ иконы Московскихъ, градскихъ и иностранныхъ пріѣзжихъ людей во Всероссійской державѣ, велѣно надзирать и вѣдать ихъ, кромѣ всѣхъ приказовъ, Суперъ-Интенденту Ивану Петрову Зарудневу.» Изуграфская Палата состояла въ вѣдомствѣ Оружейной Палаты. (75)

Наконецъ, поставляя вѣкъ Петра Великаго предѣломъ Русской старины, мы ограничимъ этою эпохой свое обозрѣніе исторіи иконописи въ Россіи; но не можемъ не присовокупить къ тому, что какъ церковное это художество равно и многіе его священные памятники, ознаменованные чудесами, предметы церковнаго благолѣпія и народнаго благоговѣнія, вошли въ неразрывный союзъ съ внутреннею жизнію народа, получили высокое значеніе

(75) Полное собраніе Росс. Законовъ т. IV, съ 1700 по 1712 г. Zustand der Künste in Russland zu Ende des XVII Jahrhunderts, v. I. Snegireff. въ Archiv für wissenschaftlichen Kunde von Russland, 1842, H. II. Berlin.

въ отечественной исторіи; они составляютъ въ Русскомъ мірѣ не только церковную, но и государственную святыню; съ ними связаны судьбы земли Русской, областей, городовъ. Такъ нѣкогда Софія была представительницей Великаго Новгорода, Троица—Пскова до тѣхъ поръ, пока Московскій домъ Пресвятой Богородицы не сосредоточилъ въ нѣдрахъ своихъ святынь изъ вольныхъ городовъ и удѣльныхъ Княженій. Владимирская чудотворная икона, свидѣтельница обѣтовъ Русскихъ Святителей и Государей, двигнута была изъ Москвы въ Кострому для призванія Михаила Романова на осиротѣвшій престолъ; Тихвинская Богоматерь дана была порукою на Столбовскомъ мирѣ; а Смоленская въ 1812 году сопутствовала Россійскому воинству. Кому не извѣстно, какое значеніе имѣютъ въ семейной жизни иконы, данныя родителями дѣтямъ въ благословеніе, писанныя по обѣщанію и въ ознаменованіе достопамятныхъ событій!

ДРЕВНОСТИ

РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

СВ. ИКОНЫ, КРЕСТЫ, УТВАРЬ ХРАМОВАЯ И ОБЛАЧЕНІЕ САНА ДУХОВНАГО.

СВ. ИКОНЫ.

ИКОНА ВЛАДИМИРСКІЯ БОГОМАТЕРИ.

(Рисунокъ Отд. I. № 1.)

Прославленная чудотвореніями икона Владимирскія Богоматери, по древнему преданію, (1) изображена еще при жизни Богоматери, списателемъ Дѣяній Апостольскихъ, Евангелистомъ Лукою, въ честь котораго основана была, XIV вѣка, въ Италіи живописная школа, или братство, занимавшееся преимущественно изображеніемъ лика Пресвятой Дѣвы и передавшее намъ нѣсколько ея иконъ. (2)

Изъ Царьграда святыня сія привезена въ Кіевъ вмѣстѣ съ Пирогощею, (3) а оттуда 1154 года во Владиміръ на Клязьмѣ, Вел. Кн. Андреемъ Боголюбскимъ, который, по сказанію Русскаго временника: «вкова в ню болѣ 30 гривенъ «золота, кромѣ серебра и дорогого каменія и женчюга, и постави ю въ церкви «своей въ Володимери.» Отъ пребыванія своего въ этой столицѣ Великихъ Князей икона получила названіе *Владимирской*. Перенесеніе ея въ Москву при В. К. Василіѣ Дмитріевичѣ въ 1395 году, Августа 26, ознаменовано спасеніемъ престольнаго града отъ нашествія Тамерлана. Ханъ Монгольскій, устрашенный дивнымъ видѣніемъ, внезапно обратился въ бѣгство, въ тотъ

(1) Подтвержденному и слѣдующею надписью на камнѣ въ Римѣ: Oratorium quond. S. Pauli Apost. Lucæ Evangelistæ et Martialis martyrum, in quo et imago B. Mariæ virginis reperta sistebat una ex VII a B. Luca depictis. Roma subterranea novissima, opera et studio *Pauli Aringhi*. 2 t. 1658, Lutetiæ Paris. in f.

(2) *D'Agincourt*. Storia dell'arte dimonstrata coi monumenti, Prato, 1826, m. I. p. 373.

(3) Въ рукоп. дополненіи къ Кенигсбергскому списку.

самый день, какъ жители Московскіе встрѣтили на Кучковомѣ полѣ эту завѣтную святыню съ восклицаніями: « Матерь Божія! спаси землю Русскую!» Съ водвореніемъ въ Москвѣ святой представительницы Владимирскаго Великаго Княженія, Московскіе державцы уже возводимы были на престолъ не во Владимирскомъ, но въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ у златыхъ вратъ. Какъ сіе достопамятное и чудесное событіе, такъ равно избавленіе Москвы предстательствомъ Богоматери отъ нашествія Ахметова въ 1480 году, отечественная Церковь празднуетъ крестными ходами Августа 26 и Іюня 23. (4) Самое поновленіе ея иконы Всероссійскимъ Митрополитомъ Симономъ, въ 1514 году, торжествуется Церковію Мая 21.

Съ XVI вѣка икона Владимирскія Богоматери почиталась въ Москвѣ главною, иногда называема была *Одигитріею* т. е. путеводительницею; (5) по водвореніи ея въ Успенскомъ Соборѣ, первопрестольный храмъ сталъ именоваться *Домомъ Пресвятыя Богородицы.* Во время 19 мѣсячнаго пребыванія въ Московскомъ Кремлѣ Поляковъ, не щадившихъ святыни, она чудесно сохранена Архіепископомъ Галасунскимъ Арсеніемъ, и, по очищеніи города отъ враговъ, вынесена была въ срѣтеніе русскимъ дружинамъ, которыя не чаяли ее увидѣть. Такъ судьбы Москвы связаны съ чудотворнымъ образомъ Богоматери, который былъ залогомъ спасенія и благоденствія Россіи, свидѣтелемъ обѣтовъ Царей, Святителей и народа! Для убѣжденія Бориса Годунова принять хоругви царства, эта земская святыня принесена была къ нему въ Новодѣвичій монастырь Патріархомъ Іовомъ; предъ нею павши ницъ, Борисъ воскликнулъ со слезами: « о матерь Божія! что виною тво« его подвига? Сохрани, сохрани меня подъ сѣнію крова твоего! » Предъ нею Святитель благословилъ его на государство Московское и всея Россіи. При избраніи Святителей, въ кіотъ ея на пелену полагаемы были въ панагіи запечатанные жребіи и, послѣ молебна, вынятые распечатывались Царемъ, который объявлялъ освященному собору и народу имя избраннаго. По сверженіи Годуновыхъ, когда клевреты Отрепьева въ Успенскомъ соборѣ дерзновенно сорвали святительское облаченіе съ Патріарха Іова, тогда Іерархъ, снявъ самъ съ себя панагію, положилъ у образа Владимирскія Богоматери, гдѣ она была на него возложена при посвященіи. Никонъ Патрі-

(4) *Карамз.* И. Г. Р. III, 31, 39. V, 149, 151, 342. VI, 160. XI, 7, 123.—Разсужденіе о крестныхъ ходахъ православной Церкви, соч. *И. Аничкова-Платонова.* М. 1842, въ 8.

(5) Выходы Государей Царей Михаила, Алексія и Өеодора, изд. *П. Строева.* М. 1844. въ 4.

архъ у кіота ея поставилъ свой архипастырскій жезлъ, когда добровольно отрекся отъ своего престола.

Этотъ памятникъ Апостольскихъ временъ пребываетъ въ первопрестольномъ храмѣ Москвы пятое уже столѣтіе и только, при нашествіи Наполеона, въ 1812 году, увозимъ былъ во Владиміръ, какъ бы для того, чтобы посѣтить и охранить прежнюю свою обитель.

Художественное значеніе иконы не менѣе важно, какъ и историческое, по самому художнику—Евангелисту, которому приписываетъ ее древнее преданіе, такъ и по стилю и искусству украшеній, состоящихъ изъ предметовъ ваянія, сканной и чеканной работы.

Сочинитель Степенной книги, Всероссійскій Митрополитъ Аѳанасій, поновлявшій св. икону 1566 года, сообщаетъ намъ ея описаніе въ слѣдующихъ словахъ: «Апостолъ Лука изящне видѣніе тоя и прочая подобія начерта «во образъ возраста средніа мѣры: святое и благодатное лице ея мало «окружіа, продолжающійся носъ достосладостнѣ лежащь на десно, при близь «пречестнаго лица превѣчнаго ея младенца; персты же Богопріемныхъ «ея рукъ тонкостію истончены.»

Какъ доличное, или драпировка на образѣ закрыта окладомъ, а лицевое письмо слюдою: то, не касаясь рисунка и колорита, мы представимъ здѣсь для сличенія съ настоящимъ ея видомъ древнее, замѣчательное, по содержанію и техническому языку, описаніе украшеній, сдѣланное въ 1627 году, по указу Патріарха Филарета Никитича:

«Образъ Пречистыя Богородицы Владимірскія, писмо Евангелиста Луки, «въ киотѣ, киотъ обложенъ серебромъ 3 затворы, а на затворехъ образъ «Благовѣщеніе Пресвятые Богородицы, да Евангелисты серебрены ѳющіе, «да на киоте крестъ серебренъ волачной въ яблоке, да у пречистые Бого-«родицы другой серебренъ киотъ обложенъ серебромъ, окладъ басменной, «двѣ шамейки да два пробоя серебрены литые, вверху киота шесть горо-«довъ золоты, а въ нихъ тридцать пять яхонтовъ лазоревыхъ, два изумру-«да, да шесть лаловъ, около лаловъ низано жемчюгомъ въ одну прядь два «камени зелены плохіе, семь венисъ и червцовъ, камень хрусталь, всѣ въ «золотыхъ гнѣздахъ, около городовъ низано жемчугомъ въ одну прядь, на «городѣхъ же на закрѣпкахъ двадцать жемчуги. Образъ Пречистые Богоро-«дицы оплечье и вѣнецъ и коруна и по полямъ двѣнадцать праздниковъ зо-«лотыхъ, и межъ праздниковъ по полямъ обложено золотомъ же сканью с

« финифтомъ, а около вѣнцовъ и образа Пречистые Богородицы и праздни-
« ковъ низано крупнымъ жемчугомъ въ одну прядь, а въ прежней росписи
« окладъ и вѣнцы и репьи написаны серебрены. В вѣнце надъ главою
« яхонтъ лазоревъ большой, да шесть яхонтовъ лазоревыхъ, три обнизаны
« жемчугомъ в одну прядь, лалъ большой да лалъ невеликъ обнизанъ жем-
« чугомъ в одну прядь, три изумруда обнизаны жемчугомъ в одну прядь,
« всѣ в золотыхъ гнѣздехъ; да три репья большихъ золотыхъ, а въ нихъ
« середи репьевъ три лала большихъ: середней лалъ обнизанъ жемчугомъ
« в одну прядь, да два лала малые, девять яхонтовъ лазоревыхъ въ золо-
« тыхъ гнѣздехъ, да на тѣхъ же репьяхъ сорокъ четыре зерна гурминскихъ
« большихъ и середнихъ на спняхъ репей золотъ, въ немъ камень юга око-
« ло гнѣзда в обнизи пятнадцать зеренъ гурминскихъ да на спняхъ четыре
« зерна гурминскихъ да въ корунѣ двадцать одинъ яхонтъ лазоревы, два
« изумруда, лалъ тунпас, двадцать пять раковинъ, да промежъ городовъ ко-
« рунныхъ двадцать четыре лалика маленькихъ и тѣ всѣ каменья и ракови-
« ны въ золотыхъ гнѣздехъ, а около городовъ и около вѣнца по обѣ сторо-
« ны обнизано жемчугомъ крупнымъ в одну прядь. Поднизь у Пречистые
« Богородицы низано большимъ жемчугомъ, а в ней двадцать семь яхонтовъ
« лазоревыхъ, да четыре лала, да тридцать три зерна гурминскихъ, вися-
« чихъ на нитяхъ. Па правомъ оплечье яхонтъ лазоревъ большой въ гнѣздѣ
« в золотомъ, надъ нимъ репей золотъ, въ репье яхонтъ лазоревъ, около его
« въ обнизи девятнадцать зеренъ гурминскихъ, да четыре лала, да четыре
« зерна гурминскихъ на спняхъ, пониже подписи гнѣздо сканное золото, а
« в немъ изумрудъ, да тридцать три зерна гурмынскихъ на спняхъ. На под-
« писяхъ на закрѣпкахъ восемь зеренъ гурминскихъ на спняхъ. На лѣвомъ
« оплечье репей золотъ, а в немъ яхонтъ лазоревъ, да четыре лала около
« яхонта в обнизи, осмнадцать зеренъ гурминскихъ, да четыре зерна на
« спняхъ. По ниже репья гнѣздо золотое сканное, а въ немъ изумрудъ, да
« четыре зерна на спняхъ. »

Въ числѣ прикладовъ и привѣсокъ къ образу, вѣроятно, большею частію, обѣтныхъ, въ описи значатся: 1) ожерелье прикладу Царя Михаила Ѳеодоровича, низанное крупнымъ жемчугомъ съ 5 яхонтами, 11 изумрудами и 11 лалами в золотыхъ гнѣздахъ, 2) золотыхъ цатъ 6, панагій 4, крестовъ 16, съ жемчугами и драгоцѣнными каменьями, сверхъ того, рясы и серьги, сто пятьдесятъ два золотыхъ Угорскихъ и Московскихъ, четыре золотыхъ

двойныхъ Угорскихъ, Новгородка золотая и серебрена золочена. Все сіе составляло богатое и разнообразное украшеніе св. иконы; но когда Петръ I указомъ 1722 г. Апрѣля 24 повелѣлъ снять съ иконъ привѣски и доставить ихъ въ Св. Сѵнодъ для разбора, « что въ нихъ старое и куріозное: » тогда она лишилась бóльшей части своихъ узорочій. Золотая риза на Богоматери устроена, по указу Патріарха Никона, 1658 года, золотыхъ дѣлъ мастеромъ Петромъ Ивановымъ; (6) но на поляхъ остался древній сканный окладъ. Между двумя дробницами въ кругѣ изображены сканью греческія слова *ΙΤΑ ῾ΡΩΣΙΑΙ*, кои свидѣтельствуютъ, что дѣло это греческое.

Точный снимокъ съ этого образа въ золотомъ окладѣ, сдѣланный Всеросс. Митрополитомъ Симономъ, хранится въ придѣлѣ Св. Апостолъ Петра и Павла въ Успенскомъ Соборѣ. Изъ устава Москов. Патріарховъ видно, что въ ненастное время сію икону носили въ крестномъ ходу, вмѣсто подлинной, какъ-то случилось въ 1687 году. (7)

(6) Книга Патріарш. Казен. Приказа 7166 г. N. 64.
(7) Древняя Росс. Вивліоѳика, X, 323.

ОБРАЗЪ ІОАСАФОВСКОЙ БОГОМАТЕРИ.

(Рисунокъ Отд. I. №. 2.)

Подъ именемъ Іоасафовской Богоматери извѣстенъ въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ налойный осмилистовый образъ Богоматери, писанный греческимъ пошибомъ (1) на липовой дскѣ съ выемкою. Судя по рисунку и колориту, онъ писанъ въ Россіи и твердостію одного и плавкостію другаго близко подходитъ къ стилю школы Рублева. Лице Богоматери болѣе круглое, чѣмъ продолговатое, безъ костоватости (2), но съ отживкою (3); выраженіе его болѣе мрачное, чѣмъ умильное; носъ маленькій, тонкій, глаза безъ слезниковъ, кои появляются на иконахъ съ XVI вѣка. Доличное вохрянаго цвѣта, безъ иконопи (4), между тѣмъ какъ доличное у Спасителя съ золотыми гвентами. (5) На челѣ и на персяхъ у Богоматери три звѣзды, знаменующія ея дѣвство до рождества, въ рождествѣ и по рождествѣ.

Украшенія иконы замѣчательны искусствомъ и богатствомъ. Поля ея, или свѣты, покрыты золотымъ сканнымъ съ финифтью окладомъ; вѣнецъ на Богоматери золотой съ городками, гривною и тремя цатами, къ ней привѣшенными. Тѣ и другія усѣяны драгоцѣнными каменьями, по большей части, неграненымн. На Спасителѣ такой же вѣнецъ съ городками.

(1) т. е. стилемъ. (2) или подпробѣлки. (3) или блесками, движками, оттѣнками. (4) *иконопь*, или *иконопоть*, наводъ растворенным золотомъ. (5) *гвенты*, черты, складки на одеждѣ, коей откинутыя полы назыв. *картушекъ*.

На золотыхъ дробницахъ по полямъ о́браза наведены чернью лики: Пресвятой Троицы, Св. Іоанна Предтечи, Архангела Гавріила, Николая Чудотворца, Св. Василія Парійскаго, Ѳеодора Стратилата, Іоанна Лѣствичника, Препод. Сергія и Анастасіи Римлянины.

Такъ какъ, по древнему обычаю на Руси, на св. иконахъ нерѣдко изображались Святые, тезоименитые членамъ какой нибудь фамиліи; то и въ Святыхъ на иконѣ Іоасафовской Богоматери, вѣроятно, увѣковѣчены имена семейства владѣтеля ея; ибо здѣсь находимъ святыхъ Іоанна Предтечу, Ѳеодора Стратилата и Анастасію Римлянину, соименныхъ Царю Іоанну Васильевичу, Царицѣ Анастасіи Романовнѣ и Царевичу Ѳеодору. Еслибъ икона устроена была Царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, которому присвоивается описью этотъ образъ, то навѣрное на дробницахъ изображены были бы Святые, тезоименитые его родителю и одной изъ его супругъ, Агаѳіи или Марѳѣ. Вѣроятнѣе же, эта икона была молебная, комнатная, и перешла ему въ благословеніе отъ родителя, а въ Соборъ поступила, можетъ быть, по смерти его, какъ надгробная, выносная.

Чтожъ касается до названія иконы Іоасафовскою: то въ числѣ явленій отъ иконъ Богоматери такой не встрѣчается. А какъ Патріархи Московскіе, при вступленіи своемъ на Святительскій престолъ, имѣли обыкновеніе подносить Царю св. иконы въ благословеніе: то или Іоасафъ I поднесъ ее Царю Михаилу Ѳеодоровичу, или Іоасафъ II Царю Алексѣю Михайловичу, отъ котораго она могла поступить въ наслѣдіе сыну его и преемнику Ѳеодору подъ именемъ Іоасафовской.

СВ. ИКОНА

ОДИГИТРІИ СМОЛЕНСКІЯ БОГОМАТЕРИ.

(Рисунокъ Отд. I. N. 3)

Икона Богоматери Одигитріи мѣстная въ верхнемъ придѣлѣ Благовѣщенскаго Собора, въ честь собора Архистратига Гавріила; вышиною она 1 ар., шириною 13 вершк. Судя по рисунку и колориту, пошибъ ея Московскихъ царскихъ иконописцевъ. Умильное лице Богоматери продолговатѣе и юнѣе, чѣмъ на другихъ иконахъ, здѣсь изображенныхъ; на челѣ и на правомъ плечѣ ея двѣ звѣзды, третья закрыта Спасителемъ, котораго она держитъ на рукахъ. У Предвѣчнаго Младенца одна рука благословляющая, въ другой книжный свитокъ. Поля и свѣты иконы обложены серебрянымъ басменымъ окладомъ, какой уцѣлѣлъ на всемъ иконостасѣ отъ хищенія непріятелей въ 1812 году. Вѣнцы на Богоматери и Спасителѣ чеканные серебряные золоченые съ самоцвѣтными каменьями. Въ описи Благовѣщенскаго Собора, сдѣланной, по указу Царя Өеодора Алексѣевича, 1680 года, эта икона значится въ числѣ мѣстныхъ главнаго престола; съ нея тамъ находятся два списка, одинъ съ чудесами позади лѣваго столпа. По указанію описи, она была въ серебряномъ вызолоченомъ окладѣ съ чеканными цатами, съ убрусомъ и ожерельемъ жемчужнымъ; сверхъ того, украшена лазоревыми яхонтами, суровиками и бирюзами въ вѣнцахъ и гнѣздахъ. Около образа были написаны двадцать четыре праздника Господскихъ и Богородичныхъ. (1)

(1) Опись церквамъ Благовѣщ. Собора 7188 и 89 въ л. N 119, въ Архивѣ Оруж. Палаты.

Эта икона есть точный списокъ съ Смоленскаго чудотворнаго образа Богоматери Одигитріи, который, по преданію, есть первонаписанный Евангелистомъ Лукою. Въ 1404 году принесенный въ Москву послѣднимъ Княземъ Смоленскимъ Юріемъ Святославичемъ, (2) онъ поставленъ былъ въ Благовѣщенскомъ Соборѣ на правой сторонѣ отъ царскихъ вратъ на поклонѣ. Черезъ полвѣка, святыня сія ходатайствомъ Епископа Мисаила и гражданъ Смоленскихъ возвращена была въ свою отчизну. Великій Князь Василій Темный съ святителемъ Іоною провожалъ ее до самаго Дорогомилова и въ память сего событія учрежденъ 28 Іюля крестный ходъ въ основанный имъ Новодѣвичій монастырь. По отпускѣ сего образа, Великій Князь, какъ гласитъ лѣтопись, « повелѣ ину въ тоя мѣсто писати, снемъ « мѣру съ нея и образъ назнаменова. » Съ того времени начали распространяться въ Московскомъ государствѣ списки съ Одигитріи.

Когда ужасный пожаръ 1547 года истребилъ въ соборахъ и церквахъ кремлевскихъ множество св. иконъ, тогда вѣроятно не сохранился и древнѣйшій списокъ съ образа Смоленскія Богоматери; но судьба его подлинника связана была съ судьбами Москвы и Смоленска. По присоединеніи послѣдняго къ первой, чудотворная икона Одигитріи снова принесена была Архіепископомъ Варсонофіемъ Еропкинымъ въ столицу Россіи, для поновленія, 1669 года. По всему вѣроятію, при этомъ случаѣ сдѣланъ былъ описываемый нами снимокъ. Когда Смоленскъ взятъ былъ Наполеономъ, тогда завѣтная святыня, сопутствовавшая Русскому воинству, снова посѣтила Москву, обреченную въ то время на жертву за Россію.

(2) *Карамз.* И. Г. Р. V. пр. 386. и Выходы Царей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича, изд. П. Строева. М. 1844, въ 4.

НОВГОРОДСКІЕ РѢЗНЫЕ ОБРАЗА.

(Рисунокъ Отд. I. № 4.)

Въ то самое время, когда Петръ I указами своими повелѣлъ отбирать изъ церквей и часовенъ рѣзные образа и хранить ихъ въ ризницахъ при соборахъ и монастыряхъ: въ Новгородскій Софійскій Соборъ поступило много подобныхъ иконъ разной величины, изъ коихъ здѣсь изображены:

1) Св. Параскева Пятница, съ распростертыми въ моленіи руками.

2) Неизвѣстная фигура въ царскомъ облаченіи, въ зубчатой коронѣ на головѣ и съ скипетромъ въ рукѣ.

3) Другая, подобная первой, съ вѣнцомъ вокругъ головы.

4) Неизвѣстная фигура съ распростертыми руками, въ мантіи, застегнутой на груди тремя застежками.

5) Всадникъ въ бронѣ.

Всѣ эти фигуры, вырѣзанныя изъ липоваго дерева, расписаны красками. Въ рисункѣ ихъ недостаетъ правильности, а въ отдѣлкѣ изящества. Это составляетъ едва ли не общій недостатокъ въ произведеніяхъ сего образовательнаго искусства, столь свычнаго Русскому народу.

Не останавливаясь на трехъ неизвѣстныхъ намъ изваяніяхъ, разсмотримъ первое, какъ болѣе замѣчательное по своей древности и значенію въ Русскомъ мірѣ, гдѣ къ христіанскому понятію о святой Великомученицѣ народъ примѣшалъ древнія свои повѣрья языческаго происхожденія.

Самое названіе св. Прасковіи Пятницею есть ничто иное, какъ переводъ греческаго слова *παρασκευή* т. е. приготовленіе къ субботѣ и дано Великомученицѣ, пострадавшей за Христа въ III вѣкѣ, при Императорѣ Діоклетіанѣ, по случаю рожденія ея въ пятокъ, который благочестивые ея родители проводили въ постѣ, молитвахъ и въ воспоминаніи о крестной смерти Спасителя. (1) Отечественная Церковь наша, согласно съ отвѣтомъ страстотерпицы на вопросъ ея мучителей, соединила Греческое имя съ Русскимъ его переводомъ, а простой народъ, по невѣжеству, принималъ ихъ за два различныя слова, давая имъ различное значеніе.

Простолюдины, благоговѣя предъ св. Пятницею, во многихъ мѣстахъ Россіи пятничаютъ, т. е. держатъ строгій постъ, считаютъ за грѣхъ работать въ пятый день недѣли, называемый у нихъ *обѣтнымъ, завѣтнымъ*. Въ особенномъ у нихъ уваженіи пятницы предъ праздниками, какъ-то: *Благовѣщенская, Троицкая, Спасовская, Успенская, Ильинская*.

Въ Стоглавѣ упоминается о вымышленныхъ явленіяхъ св. Параскевіи, будто «заповѣдавшей въ пятокъ ручнаго дѣла не дѣлати и женамъ не прясти и платье не мыти и пламени не разжигати.» Мало того: простолюдины въ Польшѣ, въ этотъ день даже не смѣются, вѣря, что кто въ пятницу смѣется, тотъ въ Воскресенье будетъ плакать. (2)

Многія мѣстныя ярмарки и торги въ Россіи слывутъ *Пятницами*, какъ-то: двѣнадцать въ году *временныхъ, девятая, десятая, Берендѣева, обжорная* и т. д. Въ Москвѣ было урочище *Старыя Пятницы*, на красной площади, гдѣ производился торгъ. И въ Новгородѣ заморскіе купцы поставили въ 1156 году церковь св. Пятницы на торговой площади. (3)

Рѣзныя и иконописныя изображенія св. Пятницы выставлялись на перекресткахъ въ часовняхъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Пятницъ*, и на дупловатыхъ деревьяхъ въ лѣсу, занимали мѣсто въ домашней божницѣ въ переднемъ углу, или покутѣ. Святую Пятницу представляли даже женщины. Въ Духовномъ Регламентѣ сказано, что «въ Малой Россіи, въ Стародубскомъ полку, въ пятокъ водятъ женку простовласу подъ именемъ Пятницы и водятъ въ ходѣ церковномъ и при церквѣ честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкія пользы.» Въ Булгаріи Пятницѣ приносятъ въ жертву

(1) Дни Богослуженія православной восточной Церкви, Спб. 1846 г. въ 8.
(2) Lude. Polski p. L. Golbiowskiego. Warsch. 1830.
(3) *Карамз.* И. Г. Р. III. пр 381.

агнца; прилѣпивъ къ рогамъ по свѣчкѣ и окуривъ ладаномъ, рѣжутъ его надъ сосудомъ такъ, чтобъ не пропало ни капли крови, коею крестообразно мажутъ дѣтямъ на лбу, щекахъ и подбородкѣ; потомъ зажаривъ его, съ молитвою съѣдаютъ, а кости зарываютъ въ землю. Тоже самое дѣлается въ Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ. На Руси, при изгнаніи зимы, при встрѣчѣ весны, въ дожинки, обжинки и при опахиваньи, избранныя отъ міра лица представляютъ собою Пятницу. Народное суевѣріе придало ей тоже значеніе, какое имѣло у Римлянъ Венера или Suada, (4) у Славянъ Лада, устроивавшая свадьбы; посему и невѣсты особенно молятся Пятницѣ о своемъ суженомъ; она же была покровительницей торговли. По той же причинѣ и пятый день недѣли посвященъ у Римлянъ, Французовъ, Скандинавовъ и Нѣмцевъ Венерѣ или Свадѣ и Фреѣ: dies Veneris, Vendredi, Freitag, Friatac, Freyjudagr.

Такія суевѣрія, соединенныя съ изваяніями св. Великомученицы и запрещеніе правилами Св. Отецъ употребленія рѣзныхъ иконъ, дали поводъ Петру I къ повелѣнію: отбирать изъ церквей и часовенъ ея изваянія. Чтожъ касается до всадника въ бронѣ, то онъ долженъ быть или св. Георгій побѣдоносецъ или св. Димитрій Селунскій, которыхъ изображеніями ваяніе и рѣзьба нерѣдко украшали церкви, часовни и моленныя.

(4) Sane Veneri multa nomina dicuntur, imposita; nam alii Suadam appellant, quod ipsa conciliatio Suada sit. *Servius*. ad Aen. I, 724.

НОВГОРОДСКІЙ ОБРАЗЪ

ЗНАМЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

(Рисунки Отд. I. № 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13.)

Названіе Новгородскаго образа Богоматери *Знаменіемъ* т. е. чудомъ, явленіемъ, происходитъ отъ дивнаго событія въ XII вѣкѣ, внесеннаго въ отечественныя лѣтописи. Въ княженіе Романа Мстиславича 1169 года ополчилась на Великій Новгородъ вся *Просторусь:* Суздальцы и Смольяне съ Рязанцами, Торопчанами, Переславцами, Ростовцами, Муромцами и Полочанами. Тогда въ Новгородѣ Архіепископомъ былъ Св. Іоаннъ; въ часы молитвъ его о спасеніи паствы чудный гласъ повелѣлъ ему взять изъ церкви Спаса на Ильиной улицѣ образъ Богоматери и поставить его на острогѣ противъ супостатовъ. Святитель съ крестнымъ ходомъ вынесъ икону сію, какъ оборону, и поставилъ на внѣшнемъ укрѣпленіи, или острогѣ Новгорода. (1) Стрѣла, пущенная однимъ Суздальцемъ, ударилась въ нее; икона обратилась тыломъ къ врагамъ, а лицемъ къ городу и, какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись, слезы капали съ нея на фелонь Архіепископа. Въ это самое мгновеніе Суздальцы предались бѣгству, а по сказанію Новгородской лѣтописи, « ослѣпоша и побѣждени быша. » Новгородцы рубили ихъ мечами, брали въ плѣнъ и продавали Суздальца по двѣ ногаты. Битва Новгородцевъ со всею *Просторусью* была Февраля 25, по Супрасльской рукописи, Февраля 18. Въ память чудеснаго заступленія Богоматери Новгородцы св. икону ея наименовали *Знаменіемъ* и въ честь ея, 27 Ноября, установи-

(1) Псковская Лѣтопись, изд. *М. Погодинымъ.* М. 1837, въ 4. « Новгородци — устроиша острогъ около города. Полное Собраніе Русск. Лѣтоп. т. III. Новгородск. Лѣт. I. и III.

ли праздникъ, который потомъ сдѣлался общимъ въ отечественной Церкви.

Въ 1354 году Новгородцы поставили на Ильинѣ улицѣ каменную церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы, куда и перенесена была чудотворная икона изъ Спасопреображенской церкви. (2) Когда же св. икона въ Новгородѣ « отъ многъ лѣтъ, » какъ сообщаетъ намъ лѣтопись, « обветшала зѣло: » тогда Архіепископъ Макарій ее « поновилъ и украсилъ кузнею и монистами; потомъ 1528 г. Октября 30, съ крестнымъ ходомъ « проводилъ ее на Ильину улицу въ возобновленную и освященную имъ « церковь въ честь Знаменія Богородицы. » По опредѣленію Московскаго собора, въ 1547 году, установлено праздновать Св. Іоанну Архіепископу Новгородскому Чудотворцу Сентября 7; въ службѣ сему Святителю между прочимъ упоминается и чудо отъ иконы Богоматери: « по истиннѣ великимъ даромъ отъ Бога почтенъ бысть, Святителю Іоанне, яко сподобися послужити чюдеси Святѣй Богородицы предивному Знаменію. » (3) Весьма вѣроятно, что съ того времени, когда Святитель Макарій изъ Новгорода переведенъ былъ въ Москву на Іерарскій престолъ, распространились списки съ Новгородской иконы въ Московскомъ государствѣ и сооружены многія церкви въ честь сего явленія Богоматери; отъ образа ея, донынѣ стоящаго на Троицкихъ воротахъ Кремля, въ XVII вѣкѣ онѣ назывались *Знаменскими* и улица, идущая отъ Боровицкихъ воротъ въ Бѣломъ городѣ, и рѣшетка на Стрѣлкахъ именовалась еще въ концѣ XVI вѣка *Знаменскою* отъ церкви Знаменія, вновь сооруженной Бояриномъ Иваномъ Никитичемъ Романовымъ противъ его двора (4).

Въ Китаѣ городѣ, на Варваркѣ, у двора бояръ Романовыхъ стояла церковь Знаменія Богородицы; тамъ въ 1630 году Царь Михаилъ Ѳеодоровичь основалъ Знаменскій монастырь, *что на Государевѣ старомъ дворѣ.* Надъ гробами Романовыхъ, четырехъ братьевъ Патріарха Филарета, пострадавшихъ отъ Бориса Годунова, сооружена была потомками ихъ въ Новоспасскомъ монастырѣ церковь Знаменія Богородицы. Изъ сего и другихъ случаевъ видно, что царственный родъ Романовыхъ признавалъ сіе явленіе Богоматери своею заступницей и покровительницей.

(2) Супрасльская рукопись, изд. К. М. А. Оболенскимъ. М. 1836, въ 4.

(3) Послѣдованіе церковнаго пѣнія, или собранія вселѣтнаго. Рукоп. уставн. XVI вѣка, въ 4.

(4) По Патріаршему Казен. Приказу приходная книга 7150 г. (1642), N. 27 (515). « Церковь Знаменія П. Б. что у воротъ Боярина Ивана Никитича Романова. »

Подобное изображеніе Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ въ персяхъ встрѣчается на монетахъ Византійскихъ Императоровъ Іоанна Цимисхія, Василія и Константина Порфиророднаго, въ X вѣкѣ, Михаила Дуки въ XI вѣкѣ. (5) Ликъ Богоматери поясной; руки не распростертыя въ моленіи, а прижатыя къ персямъ, какъ на иконѣ Новгородской и на одномъ экземплярѣ Черниговской гривны. Но на печатяхъ Владыкъ Великаго Новгорода, въ началѣ XIV вѣка, Пресвятая Дѣва изображена во весь ростъ съ младенцемъ въ персяхъ ея и съ распростертыми руками въ моленіи. Изъ сего видно, что икона Знаменія Богоматери, перешедшая на Русь изъ Византіи, въ Новгородѣ написана съ нѣкоторыми отмѣнами; но сущность и характеръ первообраза удержались въ сочиненіи рисунка: символъ вѣчности и подобіе неприступнаго свѣта Божества выражены кругомъ, въ коемъ вмѣщается Ликъ Предвѣчнаго Младенца. Какъ прижатыя къ персямъ руки Богоматери знаменуютъ ея высокое смиреніе, на которое призрѣлъ Вышній, такъ простертыя въ моленіи — предстательство ея о всемъ Христіанскомъ жительствѣ и о благоденствіи Новгорода; ибо, по свидѣтельству лѣтописи «и до сего « дни та Св. Богородицына икона чудодѣйствуетъ и цѣльбы даруетъ.« (6) На челѣ и персяхъ Богоматери три звѣзды, о коихъ мы прежде сказали. Замѣчательно, что *благословляющая* рука Спасителя сложена согласно съ ученіемъ Православной Восточной Церкви; въ другой рукѣ у него свитокъ. Въ вѣнцѣ вокругъ главы, раздѣленномъ крестообразно чертами, извѣстное слово ѠОН сый, а по сторонамъ І҃С Х҃Р.

Вокругъ св. иконы изображено въ лицахъ самое чудо, или дѣянье. Это изображеніе замѣчательно сколько въ историческомъ, столько и въ археологическомъ отношеніи; ибо оно, напоминая намъ явленіе св. иконы, предшествовавшее возстанію союзныхъ Русскихъ Князей на самосудный Великій Новгородъ, представляетъ памятники древняго зодчества въ Новгородѣ: церкви, звонницу, зданія и укрѣпленія города, потомъ облаченія Святителя и священнослужителей, одежду горожанъ, доспѣхи воиновъ Суздальскихъ и Новгородскихъ: брони съ короткими рукавами и съ набедренниками, желѣзные шишаки съ бармицами, сердцеобразные щиты, стяги, знамена, копья и стрѣлы. На Князьяхъ, воеводахъ и послахъ шапки. Надписи надъ дѣяніями дополняютъ то, чего не могла выразить кисть.

(5) Essai de classification des suites monétaires Byzantines, par *de Saulcy*, Metz, 1836, in-4.
(6) III Новгородская Лѣтопись въ Полномъ Собраніи Русск. Лѣтописей т. III.

Спишемъ ихъ:

« 6675 лето сотворися знаменіе в Великомъ Новегороде от той иконы Пресвятыя Богородицы иже на Ильине улицы; сице живущимъ Новгородцемъ своею областию, якоже ими Богъ поручи, Князя державу себе по своея воли, в тоже время Двиняне не хотяху дани датіи Новугороду и отдаша Князю Андрею Суздальскому. Новгородцы же послаша на Двину данника и с нимъ отъ є҃-ти концевъ по сту мужей. Послыша Князь Суздальскій, посла воины, числомъ ҂а҃ ѕ҃ сотъ и сретоша на Бели озери и начаша битися и поможе Богъ Новгородцемъ и побиша мужей, ини побегоша и тако Князь Андрей разгнева и начаша копити воинство, самъ же разболеся и посла сына своего Романа къ Новугороду. »

« Пріиде Князь Романъ Суздальскій со множествомъ воинъства к Великому Новугороду и испустиша стрелы. »

« Послы Новогородцки. Послы Суздальски. »

« И молитвами Пресвятыя Богородицы окаянны ослепоша и потомъ сами себѣ начаша посекати. »

Софійскій временникъ и Супрасльская лѣтопись, обвиняя Новгородцевъ въ нарушеніи крестнаго цѣлованія къ Князьямъ, говорятъ только, что « они « наказаны за грѣхи рукою Благовѣрнаго Князя Андрея и спасены силою « крестною и милостію Богородицы, » которой иконы предъ нашествіемъ Суздальцевъ всплакали въ трехъ церквахъ Новгородскихъ; чудо же описано Степенною книгой и Прологомъ согласно съ словами надписи. Здѣсь сказано о пришествіи на Великій Новгородъ Суздальскаго Князя Романа, который въ Софійскомъ временникѣ, называется Мстиславомъ, а Смоленскій Князь Романомъ. Псковская лѣтопись подтверждаетъ свидѣтельство надписи объ ослѣпленіи Суздальцевъ, о чемъ другія умалчиваютъ.

Подъ образомъ на дскѣ представленъ Новгородъ, осажденный Суздальскимъ и другими Князьями Русскими, въ 1169 или 1170 г. Объ этомъ памятникѣ ничего не говорятъ ни М. Евгеній, ни Н. Муравьевъ, обозрѣвавшіе древности Новгорода и сравнивавшіе прежнее его положеніе съ настоящимъ (7). Вельтманъ первый сообщилъ намъ свѣдѣніе и снимокъ съ этого вида, который, судя по обычному, преимущесвенно въ XVI вѣкѣ, перспективному (au vol d'oiseau) изображенію городовъ, а равно и по иконописному

(7) Разговоры о Древностяхъ Великаго Новгорода, М. 1808, и Описаніе древней Новгородской серебряной гривны съ планомъ 1756, М. 1826, въ 4.

стилю, относится, какъ должно полагать, къ тому времени, когда Архіепископъ Макарій, ревнитель живописнаго искусства, при поновленіи иконы, желалъ увѣковѣчить и совершенное ею чудо въ Новгородѣ олицетвореніемъ его на дскѣ, которая замѣняетъ пелену. Это изображеніе представляетъ намъ на третьемъ и четвертомъ планѣ городъ, раздѣленный Волховомъ на двѣ стороны, Софійскую и Торговую, а на первомъ и второмъ планѣ союзную Русскую рать, осаждающую городъ съ Торговой стороны и битву ея воиновъ съ Новгородскими.

Тройныя стѣны, какъ три пояса Торговой стороны, составляютъ три крѣпости — подобіе Московскаго Кремля, Китая и Бѣлаго города. Эти стѣны и острогъ, тогда устроенный Новгородцами, деревянные съ лучными боями и осадными стоками; башни круглыя и четвероугольныя съ шатровыми кровлями, однѣ глухія, другія воротныя съ рѣшетками; кругомъ стѣнъ валъ и ровъ. Торговая сторона соединяется съ Софійскою великимъ мостомъ черезъ Волховъ. Въ стѣнахъ, или въ *забороль*, съ 19 башнями, представляется множество зданій: церквей, монастырей, хоромъ съ вышками, избъ и теремовъ, между коими пестрѣютъ огороды и сады. Это уже великій городъ, распространенный Княземъ Мстиславомъ Владимировичемъ.

Предъ стѣнами Торговой стороны, осаждающая Новгородъ рать, конная и пѣшая; позади ея поле битвы, гдѣ одни сражаются, другіе грабятъ убитыхъ; одинъ изъ всадниковъ стрѣляетъ изъ лука въ св. икону, на стѣнѣ городской, водруженную на древкѣ. Изъ наступательныхъ оружій у воиновъ видны копья, луки, мечи, бердыши, или сѣкиры; изъ оборонительныхъ щиты, байданы, шлемы съ яловцами, наручи и наколѣнники. Вмѣсто сѣдла и чапрака, на лошадяхъ попона съ выпусками; ноги у всадниковъ въ стремянахъ. На битву вызываютъ сурны, въ кои трубятъ воины. Отдѣльные отряды всадниковъ имѣютъ хоругви, стяги или знамена, и прапоры, то съ четвероконечными, то съ осмиконечными крестами. На стѣнахъ городскихъ, кромѣ духовенства съ св. иконами и крестами, не видно воиновъ; но съ лѣвой стороны изъ воротъ выступаетъ рать Новгородская. При сравненіи этого вида Новгородскаго съ дѣяньемъ, открывается разница въ нѣкоторыхъ изображеніяхъ, напр: церкви и зданія городскія не одинаковы на томъ и другомъ: въ первомъ на персяхъ (зубцахъ) стѣны видны только священнослужители съ двумя образами, а на другомъ — воины;

вооруженіе воиновъ на томъ и другомъ несходно: одни въ шишакахъ съ барминцами, другіе въ шлемахъ съ яловцами и т. д. Изъ чего слѣдуетъ, что чертежъ Новгорода и дѣянья писаны не въ одно время; послѣднія, по видимому, древнѣе перваго.

Если этотъ планъ Новгорода снятъ и не съ древнѣйшаго, современнаго самому событію; но изображенъ, спустя нѣсколько вѣковъ, послѣ явленія св. иконы: и тогда онъ, по содержанію своему, какъ единственный въ своемъ родѣ памятникъ, достоинъ вниманія; ибо, напоминая чудесное избавленіе Новгорода, возсозидаетъ намъ древній его бытъ и въ тоже время сообщаетъ свѣдѣніе о вооруженіи воинства и осадѣ городовъ. Можетъ быть, въ изображеніи этой осады намъ представляется ближайшій къ художнику приступъ къ Великому Новгороду Іоанна IV.

СТѢННОЙ ОБРАЗЪ

СПАСА СМОЛЕНСКАГО.

(Рисунокъ Отд. I. № 14.)

Образъ Спасителя, написанный по сырой штукатуркѣ, на городской стѣнѣ Смоленска, вообще извѣстенъ подъ именемъ *Спаса Смоленскаго*, въ честь котораго, по присоединеніи Смоленска къ Московскому Государству 1667 года, сооружена въ Москвѣ у Москворѣцкихъ воротъ церковь Спаса Смоленскаго, упраздненная въ концѣ XVIII столѣтія. Намъ неизвѣстно, тогда ли написанъ сей образъ, когда Цари Ѳеодоръ Іоанновичь и Борисъ Годуновъ построили каменныя стѣны Смоленска, вмѣсто земляныхъ валовъ, или когда Царь Алексій Михайловичь завоевалъ это *ожерелье Россіи*. Въ числѣ воротъ крѣпости находились и Флоровскія, названныя, безъ сомнѣнія, въ подражаніе соименнымъ въ Московскомъ Кремлѣ, которыя въ 1658 году, по Царскому указу, переименованы Спасскими. Какъ на Московскихъ Спасскихъ воротахъ, такъ и на стѣнѣ Смоленска одинаково изображеніе Спасителя, кромѣ того, что на послѣднемъ къ припадшимъ въ моленіи святымъ Сергію и Варлааму присоединены предстоящіе два Святые, одинъ въ монашеской одеждѣ, а другой въ воинскихъ доспѣхахъ съ крестомъ въ рукѣ. Въ надписяхъ имена ихъ изгладились. Но, вѣроятно, это особенно чтимые Смольянами отечественные ихъ Святые: преподобный Аврамій и мученикъ Меркурій. Фигура Спасителя болѣе восьми головъ; на лицѣ его художникъ не безъ успѣха старался выразить спокойное величіе и святолѣпность; одна рука благословляющая, а другая, дер-

жащая раскрытое Евангеліе. Доличное замѣчательно своею отдѣлкой; хитонъ красноватаго цвѣта, а зеленая иматисма, обвивая тѣло Спасителя, однимъ концемъ лежитъ на рукѣ его, а другимъ спущена долу. Вообще рисунокъ твердъ и отчетливъ, а раскраска отличается легкостью и плавкостію. Мѣстами образъ подновленъ.

ОБРАЗЪ

СВЯТЫХЪ МАКАРІЕВЪ ЕГИПЕТСКАГО И АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

(Рисунокъ Отд. I. № 15.)

Образъ Святыхъ Макаріевъ Египетскаго и Александрійскаго, по преуспѣянію ихъ въ преподобіи истины, названныхъ *Преподобными*, замѣчателенъ древностью и особенностью своего пошиба, или стиля. Наслѣдственное преданіе выдаетъ сію икону за произведеніе кисти знаменитаго въ свое время Андрея Рублева; теперь она принадлежитъ Московскому мѣщанину Даніилѣ Андрееву.

Рисунокъ и колоритъ, или лучше сказать, раскраска сходны съ Византійскими первообразами и отчасти съ подлинниками разныхъ редакцій, (1) изъ коихъ въ Поморскомъ такъ описываются примѣты сихъ Египетскихъ пустынниковъ IV вѣка: « подобіемъ сѣдъ, брада долѣ Богословля, в клобукѣ, или въ патрахили, въ шуей руцѣ свитокъ. Макарій Египтянинъ презвитеръ бысть Александрійскій, сѣдъ, брада долѣ Іоанна Богослова, въ клобукѣ, ризы преподобничи, исподъ дичь санкиръ, въ лѣвой рукѣ свитокъ, а правая проста. Макарій Александрійскій образъ имѣя на крутехъ, космы рѣдки, точію на устнахъ имѣя къ концу о брадѣ, кожеи его яко слонова подобитися отъ студени и зноя. А подлинникъ пишетъ о немъ: сѣдъ, весь нагъ, обросъ власы, власы главныя до плечь, косами лежатъ по плечамъ, брада долга по колѣни, а отъ колѣнъ, два косма повились до земля, руки держитъ къ сердцу. »

Руководствуясь такими подлинниками, которые заимствованы отъ Грековъ

(1) Griechisches Mahlerbuch въ Kunstblatt, 1831 и 32 г.

и дополнялись Русскими статьями, иконописцы наши писали образа; между отечественными зоографами въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка славился Андрей Рублевъ. Стоглавъ, признавъ иконы Рублева образцовыми, указываетъ зоографамъ: «Писати живописцомъ иконы съ древнихъ образцовъ, «какъ Греческіе иконописцы писали и какъ писалъ Андрей Рублевъ и «прочіи пресловутыи живописцы.» У него были ученики и подражатели. Отъ сего многіе образа, писанные въ подражаніе ему, слывутъ Рублевыми и высоко цѣнятся любителями древностей.

Предшественниками Рублева на поприщѣ иконописнаго художества были Первосвятитель Московскій Петръ, Гойтанъ и многіе другіе, а современниками и сотрудниками Өеофанъ Гречинъ, Симеонъ Черный, старецъ Прохоръ съ Городца, Игнатій, Кнашъ и Даніилъ Черный. Рублевъ занимался не только иконнымъ, но и стѣннымъ письмомъ. Въ 1405 году онъ расписывалъ церковь Благовѣщенія на Государевомъ дворѣ, въ 1408 г. Успенскій Соборъ во Владимирѣ, Троицкій Соборъ въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ 1423 г.; но фрески сіи не сохранились до нашихъ временъ. На одной изъ миніатюръ рукописнаго житія Препод. Сергія, хранящагося въ Троицкой Лаврѣ, видѣнъ Рублевъ, пишущій икону. Степенная книга упоминаетъ о чудной иконѣ Деисусъ Рублева письма въ Благовѣщенскомъ Соборѣ, сгорѣвшей 1547 года. Какъ въ Троицкой лаврѣ, такъ и въ Саввинскомъ Сторожевскомъ монастырѣ нѣкоторыя иконы слывутъ Рублевыми. На присвоиваемыхъ сему зоографу иконахъ нѣтъ современныхъ ему надписей, но позднѣйшія, основанныя на изустномъ преданіи. Къ этому числу относится и описываемая нами древняя икона двухъ св. Макаріевъ.

Андрей Рублевъ, предъ кончиною своей облекшійся въ монашескій образъ съ сотрудникомъ и спостникомъ Даніиломъ, погребенъ въ той самой церкви Андроникова монастыря, которую онъ расписывалъ. Старинныя рукописныя Святцы именуютъ ихъ *Преподобными отцами и славными иконописцами*. Званіе и родина Рублева неизвѣстны; но можно предполагать, что онъ Псковичь; а какъ ето храмовое художество считалось почетнымъ и художники на равнѣ съ царскимъ синклитомъ и прочими благородными пользовались уваженіемъ, (1) то, можетъ статься, и Рублевъ былъ боярскимъ сыномъ; ибо въ числѣ пословъ изъ Пскова къ Іоанну III, 1486 года

(1) Акты Археогр. Экспед. IV. N. 174.

былъ бояринъ Андрей Семеновичь Рублевъ. (2) Кромѣ того, Москва заимствовала изъ Пскова зодчихъ, строившихъ Соборы: Благовѣщенскій въ Москвѣ и Троицкій въ Сергіевской обители. Рублевъ украсилъ сіи зданія стѣнописью.

Какъ изъ этого образа, такъ равно изъ другихъ, извѣстныхъ подъ именемъ Рублевыхъ, можно судить о рисункѣ и раскраскѣ въ школѣ его, запечатлѣнной характеромъ Византійскаго и Корсунскаго стиля. При своей неправильности, сильный и твердый его рисунокъ высказывается въ рѣдкихъ чертахъ; колоритъ же вообще единообразенъ и мраченъ, но плàвокъ и плотенъ: тотъ и другой строго подчинены идеѣ. Отчетливость, тонкость и чистота отдѣлки свидѣтельствуютъ объ искусствѣ и ловкости пріемовъ, а точное согласованіе изображаемыхъ лицъ съ преданіями православной Церкви, обнаруживаетъ въ художникѣ основательное знаніе ея ученія и древностей. « Св. Іосифъ Волоколамскій говоритъ, что А. Рублевъ такъ « преуспѣлъ въ божественной любви, что умъ его всегда обращенъ былъ « къ небесному и отъ видимаго изображенія Христа Владыки и Его Пре- « чистой Матери возводилъ умъ свой къ небесному. »

(2) Псковская лѣтоп. 168.

ОБРАЗЪ СВИРСКОЙ БОГОМАТЕРИ.

(Рисунокъ Отд. I. № 16.)

Икона Свирской Богоматери находится въ Смоленской церкви св. Архангела Михаила, основанной Смоленскимъ Княземъ Давидомъ Ростиславичемъ около 1196 года. Свирскою она называется, какъ полагаютъ, отъ бывшаго тамъ придѣльнаго храма во имя св. Александра Свирскаго, (1) Новгородскаго игумена, которому установлено праздновать соборомъ 1547 года; придѣлъ въ честь его устроенъ въ Смоленскѣ, вѣроятно, гораздо позднѣе. Еслибъ намъ извѣстно было, какое отношеніе имѣла эта икона къ роду Князей Свирскихъ, нѣкогда знаменитыхъ въ Бѣлоруссіи: тогда мы могли бы съ бо̀льшею достовѣрностію приписать ее потомкамъ Довмонта. Впрочемъ сего имени иконы нѣтъ въ описаніи явленій чудотворныхъ иконъ Богоматери. М. 1838.

Кромѣ величины своего размѣра и стиля иконописнаго, этотъ образъ любопытенъ по криптографической надписи на краяхъ одежды Богоматери. Подобныя письмена, достойныя изслѣдованія, находятся и на другихъ иконахъ и между прочимъ на образѣ Іерусалимской Богоматери, по древнему преданію, писанномъ св. Апостолами въ 15 лѣто, по вознесеніи Спасителя, въ Гевсиманіи. Точный противень съ него хранится въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. (2)

(1) Чтеніе въ И. О. И. и Д. Р. 1846 г. N. 2.
(2) Памятники Московс. Древности, *И. Снегирева.*

ОБРАЗЪ ДОНСКІЯ БОГОМАТЕРИ.

(Рисунокъ Отд. I. № 17, 18, 19.)

Мѣстный образъ Донскія Богоматери въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ достопамятенъ не одною древностью письма, но и знаменитъ въ отечественной Исторіи воспоминаніями и чудесами.

Вышиною онъ 1 аршинъ и 3 съ $\frac{1}{2}$ вершка, шириной 15 вершковъ. На одной сторонѣ его изображенъ ликъ Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, на другой—Успеніе Пречистыя Дѣвы. Изъ сего можно заключить, что эта икона, утвержденная на древкѣ, была или запрестольною, или служила воинскою хоругвію.

Такъ какъ обратная сторона иконы закрыта, то мы осмотримъ только главную, открытую. Образъ Богоматери писанъ подъ вліяніемъ Византійскаго стиля; рисунокъ, ограниченный рѣдкими чертами, строгъ, отчетливъ и вѣренъ преданію; колоритъ отъ преобладанія санкира темный, но плавкій; въ лицахъ замѣтна отживка, или блики на высокихъ мѣстахъ, а въ доличномъ подводы подъ краску и гвенты. Разительную противоположность въ стилѣ составляютъ написанныя вокругъ образа на дскахъ, миніатюрно, поясныя изображенія осьмнадцати праматерей съ соотвѣтствующими имъ изреченіями изъ Св. Писанія: Евы, Сарры, Ревекки, Ліи, Рахили, Раввы, Девворы, Іаили, Анны, Руѳи, Есѳири, Іудиѳы, Ависанны, Суматянины, Сусанны, Тареѳтанины, Авигеи, Маріамны. Такія произведенія Фламандской школы относятся къ началу XVIII вѣка, когда западный стиль вошелъ

4

въ употребленіе на Москвѣ и нерѣдко замѣнялъ Византійскій, усвоенный себѣ Православною Церковію и освященный многовѣковою давностью.

Благоговѣніе Русскихъ Государей къ этому чудотворному образу издревле украшало его разными драгоцѣнностями, которыя сдѣлались добычею Поляковъ, при нашествіи ихъ на Москву въ началѣ XVII вѣка; потомъ онъ вновь облеченъ былъ въ прежнюю лѣпоту усердіемъ Царственнаго Дома Романовыхъ. Изъ переписныхъ Благовѣщенскаго собора книгъ 1680 и 81 годовъ видно, что икона Донскія Богоматери украшена была золотымъ окладомъ съ золотыми на немъ плащами, на которыхъ наведены черныю двѣнадцать господскихъ праздниковъ; сверхъ того, на ней были: жемчужное ожерелье, древніе золотые кресты, панагіи, серьги и чаты, вѣроятно, приклады царскіе, отобранные въ Святѣйшій Сѵнодъ по указу Петра I, 1722 года, Апрѣля 20. Она стояла тогда въ затворномъ кіотѣ у Царскихъ дверей. По описи 1792 года, золотой окладъ на ней вѣсилъ 26 ѳунтовъ; одного жемчугу было 2 ѳ. 75 золот. Въ 1812 году похищены непріятелями золотая риза и большая часть драгоцѣнностей иконы; но уцѣлѣла отъ нихъ на поляхъ ея золотая рама въ 12 ѳун., которую они почли за мѣдную. Слѣды неудачнаго испытанія металла видны еще на этой рамѣ. Прежняя риза замѣнена теперь новою съ вѣнцемъ, убраннымъ изумрудами, алмазами и розами.

Наименованіе иконы Богородичной *Донскою* производится преданіемъ отъ того, что Донцы поднесли ее Великому Князю Димитрію Донскому, когда онъ шелъ ратью на Мамая; она была его спутницею на Куликовской битвѣ. Донской, послѣ побѣды своей, поставилъ въ Коломенскомъ Успенскомъ соборѣ этотъ образъ, предъ которымъ Царь Іоаннъ Васильевичь тамъ молился во время похода своего на Казань. Вѣроятно, не прежде, какъ по завоеваніи Царства Казанскаго, сія завѣтная святыня перенесена въ Благовѣщенскій соборъ, вновь сооруженный 1483 г. и обгорѣвшій снаружи и внутри 1547 года. Предъ нею Іовъ Патріархъ нарекъ на царство Бориса Годунова. При нашествіи на Москву Крымскаго Хана Казы-Гирея она стояла въ обозѣ на Воробьевомъ полѣ, гдѣ, въ память побѣды, приписанной ходатайству Богоматери, основанъ былъ Донскій монастырь, и учрежденъ 19 Августа крестный ходъ, въ коемъ прежде носили икону Донскія Богоматери изъ Благовѣщенскаго собора въ Донскій монастырь. Точный съ нея списокъ оставленъ въ монастырѣ, а подлинникъ въ ряду мѣстныхъ образовъ Царскаго храма.

ОБРАЗЪ

ПОЛОЖЕНІЯ РИЗЫ ГОСПОДНЕЙ.

(Рисунокъ Отд. I. № 20.)

Сходный по стилю своему съ Каппоніевыми святцами и съ иконами, писанными въ XVII вѣкѣ обществомъ Строгановскихъ зоографовъ, этотъ образъ достопримѣчателенъ и по своему содержанію.

Персидскій Шахъ-Аббасъ, въ удостовѣреніе дружественнаго расположенія своего къ Царю Михаилу Ѳеодоровичу, прислалъ къ нему между прочими дарами съ Грузиномъ Урусамбекомъ, 1625 года, Марта 11, часть ризы Господней въ золотомъ ковчегѣ, украшенномъ драгоцѣнными каменями. Въ грамотѣ своей Шахъ извѣщалъ, что, по завоеваніи Грузіи, святыню сію нашелъ въ Митрополичьей ризницѣ.

Хотя Патріархъ Филаретъ и принялъ съ радостію это священное сокровище; но какъ оно шло отъ невѣрнаго царя, то и совѣщался съ державнымъ своимъ сыномъ о томъ, можно ли слово невѣрныхъ принять безъ истиннаго свидѣтельства. Потомъ Филаретъ съ освященнымъ соборомъ приступилъ къ освидѣтельствованію. Въ ковчегѣ найдена, какъ значится въ окружной грамотѣ, «часть ризы въ длину и поперегъ пяди, полотняна, кабы краснова- «та, походила на мѣли, или будетъ въ давныхъ лѣтѣхъ лице измѣнила, «а ткана во льну.» (1) Въ Москвѣ тогда пребывали Іерусалимскій Патріархъ Ѳеофанъ, поставившій Филарета въ Патріархи, а съ нимъ Греческіе старцы Нектарій и Іоанникій: Московскій Первосвятитель и об-

(1) Акты Археограф. Експедиціи, III, N. 168.

ратился къ нимъ съ вопросами о ризѣ Господней. Нектарій отвѣчалъ, что онъ видѣлъ самъ эту святыню въ Грузіи въ церкви, называемой Илета и отъ тамошняго духовенства слышалъ, что она нѣкогда принесена туда воиномъ, бывшимъ въ Іерусалимѣ при распятіи І. Христа, и ознаменована многими чудесами. Слова Нектарія подтвердилъ Іоанникій, и другіе жители Востока удостовѣрили въ истинѣ преданія Палестинскихъ и Греческихъ христіанъ о ризѣ Господней. На человѣческомъ свидѣтельствѣ, сколь бы оно ни казалось достовѣрнымъ, не остановился разсудительный Филаретъ; но употребилъ духовное средство. По совѣщаніи его съ Архіереями и духовными властями, установленъ былъ семидневный постъ и молебствіе, а для узнанія воли Божіей и для открытія истины, повелѣно возлагать сію святыню на больныхъ и недужныхъ. Многія чудеса оправдали подлинность святыни и вѣру принявшихъ ее.

Послѣ того, риза Господня торжественно положена въ большомъ Успенскомъ Соборѣ и установленъ ежегодный праздникъ Положенія ризы Господней, который и донынѣ совершается 10 Іюля. Для храненія святыни устроенъ Патріархомъ 7133 г. Сентября 30, величественный мѣдный шатеръ, занимающій мѣсто близъ Филаретовой гробницы въ югозападномъ углу Собора.

На образѣ, по видимому, современномъ событію, во внутренности этого шатра видѣнъ Царь съ тремя Святителями, предстоящій въ моленіи престолу, на коемъ положена честная и многоцѣлебная риза Господня. Шатеръ окруженъ духовными властями, иноками, боярами и народомъ. На первомъ планѣ Михаилъ Θеодоровичь, бывшій тогда 20 лѣтъ, изображенъ безбрадымъ, во всей царской утвари; по другую сторону Патріархъ, вѣроятно, Іерусалимскій, а позади его Московскій Патріархъ и Архіерей въ митрахъ. Пятиглавый соборъ, гдѣ происходитъ все это дѣйствіе, представленъ въ разрѣзѣ.

Въ разстановкѣ или сочиненіи лицъ замѣтна симметрія, такъ что на первомъ планѣ фигуры ярче и рельефнѣе; но, по недостатку знанія въ перспективѣ, лица у него на второмъ и третьемъ планѣ одинакой величины, какъ и на первомъ. Впрочемъ въ нихъ нѣтъ того единообразія, какое находимъ на многихъ старинныхъ иконахъ; ибо повороты головъ и лица разнообразны. Для отечественной Археологіи важно доличное, или костюмы духовныхъ властей, черноризцевъ, мірянъ разныхъ сословій — мущинъ и

женщинъ Въ цѣломъ и частяхъ строго соблюдено приличіе, такъ что, если въ этомъ изображеніи нѣтъ изящества, за то нѣтъ и уродливости.

Колоритъ, если только колоритомъ можно назвать раскраску, отличается твердостью, яркостью, костоватостью на высокихъ мѣстахъ и плавкостію, которымъ по справедливости удивляются иностранные художники въ Капоніановыхъ Святцахъ, гдѣ встрѣчаемъ имена царскихъ иконописцевъ въ Москвѣ XVII вѣка.

На серебряной дощечкѣ верхняго поля образа читаемъ слѣдующую надпись: Положеніе честныя и славныя и многоцѣлебныя ризы Господа Бога и Спаса нашего Іиса Хрта, еже есть хітонъ, в славнемъ преименитомъ царствующемъ градѣ Москвѣ.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно имя зоографа, который написалъ этотъ образъ, достопамятный въ историческомъ, археологическомъ и художественномъ отношеніи; но, по сличенію его съ произведеніями Царскихъ и Патріаршихъ иконописцевъ, составлявшихъ при дворахъ Государя и Святителя родъ Академіи художествъ, можно съ достовѣрностью заключить, что онъ произведеніе ихъ кисти.

Списокъ съ этой иконы, большаго размѣра, находится въ числѣ мѣстныхъ образовъ Успенскаго Собора Троицко-Сергіевой лавры.

БАРЕЛЬЕФЪ,

ИЗВѢСТНЫЙ ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ОБРАЗА СВ. ГЕОРГІЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 21.)

Въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ надъ гробницею Святителя Ѳеогноста находится барельеѳъ, извѣстный подъ названіемъ образа св. Великомуч. Георгія; онъ состоитъ изъ каменной плиты, имѣющей видъ усѣченнаго эллипсиса, шириною 13 вершковъ и $\frac{3}{4}$, толщиною $\frac{6}{8}$, а вышиною 1 аршинъ и $4\frac{1}{8}$ вершка.

Плита вставлена въ деревянныя рамы, на которыхъ написаны Деисусъ, Благовѣрные Князья Борисъ и Глѣбъ, святые Прокопій и Іоаннъ, Устюжскіе чудотворцы.

Барельеѳъ представляетъ намъ группу, состоящую изъ всадника, дѣвы и крылатаго дракона; надъ главою всадника лавровое дерево, при подножіи на землѣ, кости человѣческія между цвѣтами и листьями. На вершинѣ дерева досчечка съ слѣдующею надписью: (1) IMP. CAES. CONSTANTINO MAXIMO P. P. AVGVSTO S. P. Q. R. QVOD INSTINCTV DIVINITATIS, MENTIS MAGNITVDINE CVM EXERCITV SVO TAM DE TIRANNO, QVAM DE OMNI FACTIONE VNO TENORE (2) JVSTIS REMPVBLICAM VLTVS (3) EST ARMIS, ARCVM TRIVMPHIS INSIGNEM DICAVIT, т. е. Императору, Цесарю Константину Великому, Отцу Отечества, Августу, Сенатъ и народъ Римскій посвятили сіи тріумѳальныя

(1) см. ее въ *Graevii* Antiqq. Roman. t. III

(2) У Августина Тарр. Ниббы и Гревія: tempore.

(3) У Гревія нѣтъ сл. rempublicam; у Пронти mullus est, вѣроятно, сокращенно, вмѣсто multatus est.

врата за то, что онъ, по внушенію божества и по своему веледушію, освободилъ Государство праведнымъ оружіемъ отъ тирана и его скопища.» Этой надписи въ старинномъ русскомъ переводѣ данъ такой смыслъ, какъ значится въ Октоихѣ Устюжской Георгіевской церкви:» на той же св. иконѣ вверху есть надпись Греческимъ языкомъ, а по переводу съ Греческаго языка бывшаго на Устюгѣ въ лѣто 7151 воеводы Петра Степановича Потоцкаго, на Россійстемъ написано тако: «Великій Царь Кон«стантинъ Греческій, молясь Великомученику и побѣдоносцу Георгію за «побѣду на враги вся, султаны и сармяны и въ вѣчную память, въ боль«шей церкви постави отъ воплощенія Господа нашего Іисуса Христа «въ 333 году.» (4)

Въ описаніи Успенскаго Собора Протоіереемъ А. Левшинымъ 1783 г. сказано, что «сей образъ привезенъ изъ Рима, въ которое жъ время и кѣмъ, «того не значится.» Къ этому послѣ того другіе гадательно прибавили: «Софіею Ѳоминичною.» Но изображенные на рамахъ Великоустюжскіе святые Іоаннъ и Прокопій (изъ которыхъ послѣдній былъ Нѣмецъ) и повѣсть, внесенная въ Октоихъ Устюжской церкви св. Великомученика Георгія, свидѣтельствуютъ намъ, что это изваяніе принесено въ Москву изъ Великаго Устюга.

«Въ этой церкви,» говоритъ Устюжское сказаніе, «стоявшій мѣстный много«цѣлебный образъ Великомученика Георгія, вырѣзанъ на трехъ камняхъ, «драгимъ мастерствомъ, точію рѣзь не сквозная, и чудесъ ради, бываемыхъ «отъ тоя св. иконы, по указу Царя Алексія Михайловича, взята бысть съ «великою честію изъ града Устюга въ богоспасаемый градъ Москву во св. «Соборную и Апостольскую церковь Успенія Пресв. Богородицы и по«ставлена бысть въ той же соборной церкви, въ придѣлѣ Святителя «Петра.»

Въ Уставѣ Патріаршемъ для Успенскаго собора (5), значится, что въ 1721 году, Декабря 20, «по словесному приказу Сѵнодальныхъ Архіереевъ «Новгородскаго Ѳеодосія и Псковскаго Ѳеофана, образъ Георгія Велико«мученика, что стоялъ на гробѣ Митрополита Ѳеогноста, спрятанъ въ риз«ницу.» Такое распоряженіе Сѵнодальныхъ Членовъ, безъ сомнѣнія, сдѣлано, въ слѣдствіе указа Петра I, который повелѣвалъ: «рѣзныхъ иконъ и

(4) Москвитянинъ, 1842, N 12.
(5) Древняя Росс. Вивліоѳика, изд. 2, ч. X, 119.

отливныхъ не дѣлать и въ церквахъ не употреблять.» (6) Но въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны, этотъ барельефъ, изъ ризницы опять поставленный на прежнемъ мѣстѣ, былъ росписанъ красками, вѣроятно, для того, чтобы онъ подходилъ ближе къ иконѣ.

На первомъ планѣ барельефа всадникъ въ крылатомъ шлемѣ съ затыльникомъ и гребнемъ (crista), въ досчатой съ тыла и чешуйчатой (squamosa) съ лица бронѣ, изъ подъ коей простирается до колѣнъ узорчатый набедренникъ; на раменахъ его развѣвается приволока или хламида; колѣна его защищены наколѣнниками, а ноги обуты въ полусапожки съ острогами или шпорами, какія видны на подобной картинѣ Джіотто въ XIV в. Витязь си́дитъ на сѣдлѣ съ стременами. На конѣ сбруя, украшенная крестовидными бляхами. Намъ представляется воинъ въ полныхъ доспѣхахъ; но изъ наступательныхъ оружій у него одно только копье, вонзенное обѣими руками въ отверстую пасть дракона, въ котораго рьяный конь ударяетъ передними ногами. Въ бронѣ видно смѣшеніе Грекоримскаго съ Франкскимъ; ибо остроги сдѣлались извѣстными со времени Константина Великаго, а стремена съ перваго нашествія Франковъ. Ликъ юнаго ратоборца, еще безбрадаго, сходствуетъ съ изображеніями Константина Великаго на медаляхъ.

Вообще стиль рельефа, относится къ эпохѣ упадка искусствъ; ибо фигуры несоразмѣрны и грубы, въ движеніи ихъ видна вялость, въ драпировкѣ тяжелость, хотя въ сочиненіи группы замѣтно подражаніе классическимъ образцамъ цвѣтущаго вѣка. (7)

На второмъ планѣ фигура дѣвы, какъ будто послѣ приставленная къ группѣ, по видимому, произведеніе другаго рѣзца. Фигура эта слишкомъ сокращена, тяжела и неправильна; на лицѣ ея художникъ хотѣлъ изобразить ужасъ, который также выражается воздѣтыми къ небу руками. Одежда ея, доходящая почти до самыхъ пятъ, перепоясана по чресламъ; на шеѣ у ней ожерелье; длинные распущенные ея волосы перехвачены лентою.

Къ этой группѣ, вѣроятно, не безъ намѣренія, художникъ присоединилъ лавровое дерево, цвѣты и человѣческія кости, крестообразно лежащія; первое

(6) Ученыя Записки Моск. Универс. М. 1834. IV. N 6, ст. О стилѣ Византійскаго художества. *И. Снегирева.*

(7) Особенно рельефовъ и статуй Беллерофона и Химеры, Персея и Андромеды, Поссейдона, прозваннаго *γεωργός*, кои, будучи далеки своимъ знаменованіемъ отъ нашего рельефа, близки къ нему своимъ сочиненіемъ или формою.

знаменуетъ побѣду, другія жизнь и смерть: что соотвѣтствуетъ и значенію самаго изображенія. Изъ всѣхъ подобныхъ атрибутовъ группы открывается подлинное ея значеніе. Разсмотримъ отношеніе ихъ къ лицамъ, времени и мѣсту.

Въ старыхъ описяхъ собора и въ Октоихѣ Устюжской церкви, этотъ барельефъ названъ *образомъ св. Георгія.*

Чудо, совершенное Великомученикомъ, долго спустя послѣ страдальческой его кончины, описано въ Макаріевской и Димитріевской Минеяхъ. Первая передаетъ намъ объ этомъ чудотвореніи слѣдующимъ образомъ: « Въ палестин-« скомъ городѣ Гевалѣ поселился въ озерѣ великій змѣй, которому жители « давали на снѣдѣніе дѣтей своихъ ; очередь дошла до Царской дочери. Св. « Георгій явился ей при озерѣ и велѣлъ, обвязавъ поясомъ своимъ голову « усмиреннаго имъ змія, влечь его къ городу. Царевна исполнила это ; и « когда она притащила чудовище въ городъ, тамъ Св. Георгій отрубилъ « ему мечемъ своимъ голову и такимъ образомъ обратилъ идолопоклонни-« ковъ въ Христіанскую вѣру. »

Тоже происшествіе повторено въ Димитріевской Минеи. Но въ греческихъ Минеяхъ только упомянуто, что Св. Георгій являлся на конѣ для спасенія одного невольника. (8) Повѣсть же о спасеніи Св. Георгіемъ царевны отъ дракона встрѣчается и въ Западныхъ легендахъ, изъ коихъ Св. Димитрій Ростовскій почерпалъ свѣдѣнія для Четій-Миней, гдѣ сказано, что « и на « изображеніяхъ различныхъ издревле, паче же описателми землѣ палестин-« скія достовѣрными составленныхъ, то чудо воспоминаемо видѣти есть.»

Подобныя Георгіеву чудотворенія приписываются Западными Четьями (легендами) и другимъ св. мужамъ, какъ-то : въ IV вѣкѣ, Сильвестру, Папѣ Римскому, освободившему Римъ отъ дракона, (9) св. Марцеллу, спасшему Парижъ отъ чудовищнаго змія, въ VII вѣкѣ, св. Роману, избавившему Руанъ отъ такого же дракона и т. д. (10) Наконецъ въ другихъ странахъ приписывается подобный подвигъ Св. Георгію. Такъ близъ Свенбурга въ Фіоніи преданіе указываетъ мѣсто, гдѣ Св. Великомученикъ поразилъ дракона и гдѣ земля, облитая кровію чудовища, не раститъ травы. (11) О подоб-

(8) *Βίων ἁγίων, π. Μαξίμου ταπεινοῦ Επισκόπου Κυθήρου*. Venet. 1785, in-4. *Μηναίων τοῦ Απριλλίου*. Venet. 1777, in-f.

(9) Дѣяній церковныхъ и гражданскихъ отъ Р. Х. до половины XV столѣтія, собр. *Георгіемъ Кедринымъ*, Москва, 1793, 2 т. въ л.

(10) Histoire de la ville de Rouen, par *Servin*, 1775, 2. v. t. II, p. 147.

(11) Edda Saemundina, t. II.

номъ событіи напоминаетъ въ Германіи Drachenfels, драконова гора. Къ востоку отъ города Бабадага, близъ озера Разельмъ, на горѣ видны древнія развалины, извѣстныя подъ именемъ *Свято-Георгіевскихъ*. По свидѣтельству мѣстнаго преданія, здѣсь нѣкогда явился огромный змѣй или драконъ, опустошавшій окрестности и наводившій ужасъ на жителей. Св. Георгій сражался съ нимъ и убилъ его. (12) Макарьевская Минея указываетъ на чудо Св. Георгія въ палестинскомъ городѣ Гевалѣ; Димитріева Минея близъ Сурофиникійскаго города Віріта. Хотя различны мѣста этого подвига и время его не опредѣлено; но только истина событія неоспоримо подтверждена разнообразными сказаніями на Западѣ и Востокѣ.

Когда Христіанство ознаменовало себя распространеніемъ сказаній о подвигахъ св. мучениковъ за вѣру, о чудесахъ отъ св. мощей и образовъ, особеннымъ къ нимъ благоговѣніемъ: тогда разнеслась во всемъ Христіанскомъ мірѣ повѣсть о чудесной побѣдѣ Св. Георгія надъ дракономъ; тогда имя его, прославленное чудесами, благоговѣйно чтимо было на Западѣ и Востокѣ, ликъ его изображался на иконахъ, знаменахъ, гербахъ, орденахъ, щитахъ, печатяхъ и монетахъ въ Даніи, Швеціи, Англіи, Франціи, Генуѣ, Польшѣ, Россіи и Грузіи (Georgia). Чудесный подвигъ Великомученика сдѣлался любимымъ предметомъ художественныхъ изображеній въ разныхъ странахъ Христіанскаго міра.

Византійскій историкъ XV вѣка, Георгій Кодинъ свидѣтельствуетъ, что въ Константинополѣ на праздникъ Рождества Христова, приносили съ прочими иконами въ палаты къ Императору *образъ Св. Георгія на конѣ съ дракономъ* (*τον ἁγιον Γεωργιον ἔφιππον ἄλλο δρακόντεων*). (13) Подобныя изваянія древняго художества встрѣчаются намъ въ Крыму, на фонтанѣ противъ воротъ Генуэзской крѣпости Солдая, (14) въ придѣльной церкви св. Михаила Маленна въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, на южной стѣнѣ собора въ у. г. Дмитровѣ. Въ Староладожской церкви Св. Георгія древнѣйшій фрескъ на стѣнѣ представляетъ побѣдоносца на конѣ съ мечемъ въ рукѣ, съ вѣнцемъ вокругъ головы, а дѣву, (15) влекущую дракона на поясѣ.

(12) Журналъ Министерства нар. просв. 1837. Мартъ: Поѣздка въ Крымъ *Н. Мурзакевича*.

(13) *Georgius Codinus curopolata* de officiis magnæ ecclesiæ et aulæ Constantinop. cura P. S. Goar, Paris. MDCXLVIII, f.

(14) Журналъ Министерства нар. просв. 1837, Мартъ.

(15) Которую Г. Оленинъ несправедливо называетъ Царицею Александрою, супругою Діоклетіана. *Литографическіе рисунки*, къ Опыту о Словенахъ отъ временъ Траяна и Русскихъ до нашествія Татаръ. Спб. 1833, въ л.

Описываемый нами барельефъ, любопытный, сколько въ художественномъ, а болѣе важный въ историческомъ отношеніи, по видимому, сходствуетъ съ изображеніемъ чуда Св. Георгія и потому выдается подъ его именемъ. Здѣсь представляется намъ побѣдоносецъ, драконъ имъ пораженный и освобожденная дѣва, какъ и на образахъ Великомученика, гдѣ нерѣдко пишется Царевна, влекущая на поясѣ своемъ змія, согласно съ Макар. великою Минеею. Но вокругъ главы св. ратоборца нѣтъ вѣнца, съ какимъ онъ изображается не только на иконахъ, но даже и на барельефахъ, какъ напр. Солдайскомъ; нѣтъ въ облакахъ благословляющаго Спасителя и парящихъ Ангеловъ съ вѣнцами, какъ на Дмитровскомъ и Царскомъ (16) барельефахъ; наконецъ не видно надписи его имени. Вмѣсто такихъ священныхъ атрибутовъ, на Московскомъ барельефѣ представляется вамъ лавровое дерево, какъ символъ побѣды, и на немъ латинская надпись, что «Сенатъ «и народъ Римскій посвящаютъ тріумфальныя врата *Цесарю Констан-* «*тину*, за побѣду его надъ тираномъ» т. е. Максенціемъ «въ 312 г. по Р. Х.» Прибытіе Константина въ Римъ было празднуемо играми, кои возобновлялись каждый годъ 29 Октября: IV. Kal. Nov. Adventus Divi CMXIIII. Достопамятное это событіе измѣнило лице *вселенной;* водрузивъ крестъ Христовъ надъ престоломъ Цесарей, оно предшествовало крещенію Константина Великаго. (17) Максенція, этого поборника язычества и гонителя Христіанской вѣры, Евсевій въ посланіи своемъ къ Константину Великому называетъ *дракономъ*. Nunc vero, пишетъ сей историкъ, cum libertas restituta sit et *Draco* ille providentia quidem Dei Optimi Maximi submotus est. Попраніе дракона напоминаютъ слова псалмопѣвца: *поперёши змія*. (18) Хотя, по свидѣтельству исторіи, дѣйствительно были чудовищные драконы, родъ удавовъ (python neurosum), производившіе опустошеніе въ разныхъ странахъ; но въ священной символикѣ драконъ знаменовалъ древняго врага первобытной Церкви, сатану, язычество и ересь. Изображеніемъ дракона украсили знамена своего воинства Траянъ и Авреліанъ, гонители Христі-

(16) См. Очерки, *К. Тромонина.*—Въ Устюжскомъ подлинникѣ конца XVI, или начала XVII вѣка, такъ изображается Св. Георгій — «стоитъ въ бронях, приволока червчата, доспѣхъ златъ клѣтчатъ, исподъ лазоревъ, ногавки багоръ, въ правой рукѣ копіе, въ лѣвой щитъ, у лѣваго плеча мечъ въ ножнахъ.» Въ библіотекѣ И. Н. Царскаго.

(17) Histoire de l'Académie des inscriptions et belles lettres. t. XLV, à Paris, 1793, art. Sur le nombre de jours consacrés chez les Romains aux jeux du Cirque, par *Brotier*.

(18) *Псал.* XC. 13.

анъ. (19) Когда Константинъ Великій даровалъ первенствующей Церкви свободу: тогда, вѣроятно, по образцу Михаила Архангела, поразившаго сатану въ видѣ дракона, представленъ равноапостольный Царь, низложившій язычество, или, какъ сказалъ современный ему Евсевій, draco ille submotus est. Слова же надписи instinctu divinitatis, намѣкаютъ на явленіе Константину креста на небѣ, прообразовавшаго побѣду. Объ этой надписи на Константиновыхъ тріумфальныхъ вратахъ упоминаетъ и Евсевій Памфиловъ въ своей Церковной исторіи, говоря, «о поставленномъ на нихъ из-«ваяніи Цесаря съ копьемъ въ рукѣ, и съ надписью, что Римъ осво-«божденъ отъ тирана знаменіемъ спасительнаго креста.» Ее передаетъ намъ точно въ такомъ видѣ, какъ она изображена на Московскомъ барельефѣ, Антоній Августинъ Архіепископъ Тарраконскій, потомъ Гревій и Пронти въ Римскихъ Древностяхъ. На нѣкоторыхъ медаляхъ Константинъ Великій изображенъ въ шлемѣ, на конѣ; иногда украшаетъ ихъ лавровое или пальмовое дерево и пронзенный древкомъ знамени драконъ. (20)

Такія данныя ведутъ къ заключенію, что витязь на барельефѣ ни кто иной какъ Константинъ Великій, драконъ — попранное язычество, а дѣва—освобожденная Церковь, или Римъ (urbs aeterna), который, какъ извѣстно, олицетворенъ былъ въ образѣ богини (Roma dea).

Мудрено ли, что, по сходству аллегорическаго изображенія подвига Константина Великаго, ревнителя вѣры Христіанской, съ чудомъ Св. Георгія, избавившаго Царевну отъ дракона, одно лице приняли за другое. Св. Георгій великій въ мученикахъ и Константинъ великій въ Царяхъ были современниками, оба служили подъ знаменами Діоклетіана, одинъ стяжалъ мученическій вѣнецъ, другой къ Царскому вѣнцу приобщилъ небесный, тотъ и другой именовались *побѣдоносцами* (*τροπαιοφόρου*) Церковью и Государствомъ. По свидѣтельству же Западныхъ Четій, Константинъ Великій въ Римѣ соорудилъ первую Христіанскую церковь во имя Св. Георгія побѣдоносца.

Но историческое взяло верхъ надъ символическимъ; ибо чудо, совершенное Св. Георгіемъ, было ближе къ понятію народа, чѣмъ символическое изображеніе великаго подвига равноапостольнаго Константина. Посему-то побѣдитель дракона названъ Св. Георгіемъ, который также, освобожденіемъ страны Палестинской отъ чудовища, попралъ тамъ язычество, олицетворен-

(19) Ammian. Marc. XVI, 2: XX, 4.
(20) Imperatorum Romanorum numismata, ab *Ad. Occone* congesta. Mediol. 1730, f.

ное, какъ мы замѣтили, въ образѣ дракона. Такъ точно всадникъ, поражающій дракона на древнихъ Русскихъ печатяхъ и монетахъ выдается за Св. Георгія, между тѣмъ, какъ въ Софійскомъ временникѣ сказано подъ 1536 г.: « бысть знамя на деньгахъ копейныхъ: Великій Князь на конѣ, имѣя мечъ въ руцѣ »; даже на монетахъ Царя Бориса Ѳеодоровича надъ всадникомъ съ дракономъ подъ ногами подписано: Ц. Б. Ѳ. т. е. Царь Борисъ Ѳеодоровичь.

Этотъ драгоцѣнный памятникъ торжества Вѣры Христіанской и низложенія язычества, не безъ основанія названъ въ описяхъ собора *Римскимъ;* ибо изображеніе и надпись взяты съ Константиновыхъ воротъ въ Римѣ на Священной дорогѣ (via sacra) между Колизеемъ и церковью Св. Григорія.

Вѣроятно, этотъ снимокъ составлялъ украшеніе фронтона или фриза какого либо храма или воротъ; ибо драконы, во время владычества Лонгобардскаго, изображались на фасадѣ или внѣшней орѳографіи храмовъ. Въ церкви Св. Михаила, въ Павіи, представленъ воинъ, прободающій копьемъ дракона.

ДРЕВНІЕ СКЛАДНИ,

ТѢЛЬНИКЪ И БЛЯХА СЪ ГЕРБОМЪ.

(Рисунокъ Отд. I. № 22.)

На эстампѣ подъ N 22 изображены въ натуральную величину: 1) Древніе складни, 2) Тѣльной золотой крестъ, или тѣльникъ и 3) Двухглавый орелъ на золотой бляхѣ, богато украшенной финифтью. Всѣ сіи драгоцѣнности хранятся у Графа Мусина-Пушкина и, по преданію, принадлежали Димитрію Самозванцу.

На складняхъ, обдѣланныхъ въ золото съ прекрасною финифтью, изображены искусною кистью въ Византійскомъ стилѣ: Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и Святитель Николай, не въ сакосѣ, (какъ написанъ онъ на древней иконѣ въ Барѣ), но въ кресчатой фелони и омофорѣ, одною рукою благословляющій, а другою держащій Евангеліе. Створчатые складни съ ушками, по видимому, назначены были для ношенія на персяхъ.

На тѣльникѣ четверочастномъ изображенъ осмичастный крестъ безъ распятаго на немъ Спасителя и безъ гривны или цаты, какая видна на средокрестіи у подобныхъ крестовъ XVII вѣка. Надъ крестомъ надписано: Царь Славы, у концевъ его: Іс. Хр. Ника, у подножія: М. Л. Р. Б. т. е. мѣсто лобное — рай бысть. Какъ на лицевой, такъ и на обратной сторонѣ вырѣзаны мѣлкою вязью слова, вѣроятно, молитвы. Если дѣйствительно этотъ

крестъ принадлежалъ Лжедимитрію, то можнобъ его признать за тотъ самый, который онъ показалъ въ Брагинѣ Адаму Вишневецкому, какъ будто данный ему крестнымъ его отцемъ Иваномъ Мстиславскимъ.

Чтожъ касается до бляхи съ двухглавымъ орломъ, увѣнчаннымъ тремя коронами, безъ ѣздеца, или всадника на груди, вѣроятно, она составляла украшеніе Царской утвари.

ДРЕВНІЯ ГРИВНЫ И ОБРАЗКИ.

(Рисунокъ Отд. I. № 23.)

На эстампѣ подъ N 23 представляются намъ: A, B, и C. мѣдный образокъ, найденный въ Рязани и принадлежащій г. Татаринову; G. H. I. K. L. M. N. такіе же образки, вырытые изъ земли въ Новгородѣ и хранившіеся у купца Лаптева, наконецъ такъ называемыя гривны: O, P. древній рѣзной камень, вырисованный изъ книги: Ioannis Macarii Canonici Ariensis Abraxas, Antverpiæ, MDCL, VII, in-4; Q, R, S. Черниговская гривна, хранящаяся въ Императорскомъ Минцъ-Кабинетѣ Эрмитажа; T. V. Гривна, или образокъ изъ металлической композиціи, не принимающій ни какой позолоты. Онъ принадлежитъ Черниговскому помѣщику, артиллеріи Капитану Өедору Пекрицкому, который получилъ его въ подарокъ отъ одного офицера, во время Польской кампаніи, ему же онъ достался отъ больнаго солдата изъ Тульской Губерніи, который, предъ смертію своей, отдалъ ему этотъ образокъ съ слѣд. словами: « Сею святынею благословила меня мать, « а найдена она однимъ изъ моихъ предковъ на Куликовскомъ полѣ.» W, X. Золотой образокъ обронной работы въ натуральную величину, находящійся въ Минцъ-Кабинетѣ Императорскаго Казанскаго Университета.

На всѣхъ этихъ образкахъ и гривнахъ общее то, что изображены змѣи въ разныхъ видахъ. На первыхъ св. Никита Великомученикъ поражаетъ діавола, а св. Өеодоръ Тиронъ змія. Судя по придѣланнымъ къ нимъ уш-

камъ, они были носимы на персяхъ, подобно тѣльнымъ крестамъ и ладонкамъ.

Чтожъ касается до такъ называемыхъ гривенъ, кои составляютъ родъ амулетовъ или абраксовъ, то на одной ихъ сторонѣ изображены Богоматерь или Архангелъ Михаилъ, а на другой похожая на человѣческую голова, отъ коей простираются въ разныхъ направленіяхъ то семь, то девять, то двѣнадцать змѣй, переплетенныхъ въ видѣ узловъ, или вытянутыхъ лучеобразно. Такое изображеніе, по видимому, сходствуетъ съ Медузиною головой; но въ сущности своей, оно различно отъ нея.

Приведемъ здѣсь греческія надписи, надъ изъясненіемъ коихъ трудились многіе ученые мужи. Вокругъ лика Богоматери и Архангела, W, V, X, читаемъ слова, заимствованныя изъ VI гл. 3 ст. Пророка Исаіи и повторяемыя обыкновенно простымъ народомъ при сильныхъ ударахъ грома, какъ предохранительное средство: *Ἄγιος, ἅγιος, ἅγιος κ̄ς Σαβαώθ, πλήρης ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ*, т. е. Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля. S. Гн помозн рабоу своїемоу Василигж. Аминь. ✠ (1) На образкахъ Е. Т. читаемъ вокругъ лика Богоматери: ✠ *ΘΕΟΤΩΚΕ ΣΚΕΠΕ ΚΕ ΘΟΗΘΗΤΩ Ν ΕΧΩΝΤΑ ΣΕΑ* ✠ Ч.

На образкахъ D. P. S. X. сходны греческія надписи, кромѣ нѣкоторыхъ словъ, не вполнѣ разобранныхъ. Одна изъ нихъ S. такъ читается у Кеппена: *ΤΣΣΕΡΑΝΕΛΑ ΜΗΕΛΑΝΟΝΕΝΙΟΙΣ ΙΝ ΔΙΕΤΕΟΣ ΔΡΑΧΟΝΟΤ ΡΤΖΗΣ ΚΕ ΟΣ ΑΡΝΙΟΝ ΤΗΝΙΝΤ*, т. е. *Η. ΣΕΡΑΝΕΛΑ ΜΙΕΛΑΝΟΝΕΝΙΟΣ ΙΝ ΔΙΕΒΕΟΣ ΔΡΑΚΟΝΟΤ ΡΤΖΗΕ ΚΑΙ ΩΣ ΑΡΝΙΟΝ ΑΜΗΙΤΟΝ. Η σερανέλα μιελανονένιος ἰν διεβέος δράκονου ῥύζης καὶ ὡς ἀρνίον ἀμίητον* или *ἀμίηντον*: т. е. гривна златая. Глава попираетъ дракона корни, какъ агнецъ непорочный.

Подобное изображеніе змѣй и подобная надпись находится на медали въ Венеціи у г. Вебера; ее такъ читаетъ Дерптскій Профессоръ Франкъ:

✠ *ΤΟ . . . . . ΜΕΛΑΝΗΜΕ* *ΕΟΣ. ΔΕΟΝΒΡΤ*
ΔΑΙΝΟΜΕΝΗΟΣ *ΧΕΙ ΣΕΚΕΟΣΑΡΝ*
ΟΦΗΣ Η ΔΗΕΣΕΚ *ΟΣΚΤΜΕΙΣΕ.*

Τσέροι, μέλαν ἦμ μιαινόμενος ὁ ὄφις, ἦδε ἔση, καὶ ὡς λέων βρυχήση, καὶ ὡς

(1) На Оршинскомъ камнѣ читаемъ подобную надпись: Въ лѣто зхоа года мца Маїа въ з день доспеня кръ сїи. Ги помози рабу своїему Василию въ крщенїи именемъ Рахволоду сну Борисову. Можетъ быть, гривна сія принадлежала Полоцкому Князю.

ἄρνιον κυλλοῦ, т. е. «Исчезни, черный! или ты теперь будешь, оскверняющій змій, какъ левъ рыкать, и преклонишься, какъ агнецъ.» (2)

Г. Кеппенъ съ К. Калайдовичемъ полагаютъ, что Черниговскую медаль признать можно за древнюю золотую гривну, какая для украшенія носима была Князьями и вельможами на шеѣ. (3)

Но названіе *гривна* есть условное; ибо оно употреблялось для означенія 1) вѣса, какъ напр. въ Печер. Патерикѣ упомянуты пояса въ 50 и въ 20 гривенъ золота, 2) извѣстной монеты, 3) украшенія или знака отличія, какъ видно изъ лѣтописей и Св. Писанія, напр. въ Несторовой лѣтописи по Кенигсб. сп. подъ 1147 годомъ: «Михаила же бьюче, отторгоша на немъ «крестъ и чепи и гривну злату. «*Кн. Бытія* XLI, 41—43.» Фараонъ воз«ложи на Іосифа гривну злату на выю его.» *Притч. Солом.* 119. «Вѣ«нецъ бо благодатей пріимеши на твоемъ версѣ и гривну злату о выи «твоей.» *Прор. Даніила* IV, 7. «И гривна златая на выи его.» Въ значеніи ошейника встрѣчается она въ рукописномъ *Прологѣ*, XIV вѣка, Мартъ, «и по«велѣ гривны велики возложити на выяхъ.» Гривною, или цатою называется также металлическое ожерелье, привѣшенное къ вѣнцу на персяхъ св. иконъ Спасителя, Богоматери и другихъ Святыхъ. Такъ въ переписи Москов. Успенскаго Собора 1627 г. «На образѣ Одигитріи двѣ гривны серебряныя «басменныя, золоченыя.» Слѣдств. гривна была не медаль, но ожерелье, ошейникъ, кольцо, тоже, что у Грековъ *στρέπτον χρίσεον*, у Римлянъ collare, о коемъ не рѣдко упоминается въ надписяхъ на мраморахъ Ольвіи и другихъ колоній на берегахъ Понта.

Но самыя изображенія змѣй и надписи въ родѣ заклинаній заставляютъ думать согласно съ г. Каченовскимъ, что это были амулеты, или обраксы, кои носили на себѣ, такъ какъ и теперь носятъ ладонки для предохраненія отъ напастей, околдованія и порчи. Между абраксами въ Европейскихъ кабинетахъ находятся многіе, на коихъ изображены змѣи съ человѣческими лицами. Такія изображенія змѣй намѣкаютъ на ученіе Офитовъ: слѣд. въ женской головѣ съ семью змѣями можно признать Офитскую Софію и осмеричное число Еоновъ, которое составляла она съ сыномъ своимъ Jaldabadth и шестью остальными духами, отъ него происшедшими.

(2) Sinnbilder u. Kunstvorstellungen der alten Christen von Dr. F. *Münter*, I. H. Altona, 1825, in 4.

(3) Списокъ Русскимъ памятникамъ М. 1822, въ 8.

Софія же, по ученію Офитовъ, родилась отъ третьяго Еона, котораго они называли первою женою, матерью всѣхъ живыхъ. Она безъ мужескаго участія произвела на свѣтъ сына Jaldabadth, родоначальника новаго поколѣнія. Осмеричное число головъ на амулетѣ согласовалось бы съ ученіемъ Офитовъ, еслибъ не было ихъ на другихъ по двѣнадцати. Но какъ Еоны и планетные князья приняли образъ змѣй: то Св. Климентъ Александрійскій объясняетъ намъ, что «Египтяне выражали косное теченіе планетъ змѣями.» (4) Изъ Египетской Гіероглифики потомъ этотъ символъ перешелъ въ Офитскую и даже въ гностическую. Русскіе же, заимствовавъ подобные амулеты отъ Грековъ и Болгаръ, какъ священныя средства, предохраняющія отъ напастей, употребляли и подражали имъ безъ сознанія, иногда замѣняя однѣ изображенія другими и соединяя въ нихъ символическіе образы съ ликами Святыхъ, отечественное съ чужеземнымъ.

(4) Sinnbilder и Kunstverstellungen etc.

НОВГОРОДСКІЕ НАПЕРСНЫЕ КРЕСТЫ.

(Рисунокъ Отд. I. № 24.)

Изображенныя здѣсь подъ N 24, два наперсные креста въ натуральную величину, различные своею формою, находятся въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора. Одинъ изъ нихъ А. В. серебряный вызолоченый, съ филогранью. На лицевой сторонѣ изображенъ, вмѣсто Распятія, Господь Вседержитель, сѣдящій на престолѣ; четыре большихъ яхонта розоваго цвѣта въ гнѣздахъ служатъ украшеніемъ. На обратной сторонѣ вырѣзаны имена тѣхъ Святыхъ, которыхъ мощи заключаются въ этомъ крестѣ. Другой изъ нихъ D. E. серебряный вызолоченый съ финифтью на лицевой сторонѣ и Распятіемъ; въ гнѣздахъ вставлены пять драгоцѣнныхъ камней. На обратной сторонѣ его надпись показываетъ, какихъ Святыхъ мощи вложены во внутренности его. Оба сіи креста служили отличіемъ сана святительскаго. Судя по стилю, первый изъ нихъ древнѣе послѣдняго; по надписи не опредѣляютъ ни вѣка ихъ, ни мѣста, ни соорудителя.

АНТОНІЕВЪ КРЕСТЪ ВОЗДВИЗАЛЬНЫЙ.

(Рисунокъ Отд. I. № 25, 26.)

Изображенный на эстампѣ подъ N 25 крестъ, въ половину уменьшенный противъ натуральной своей величины, принадлежитъ къ числу воздвизальныхъ, кои возносимы были въ соборахъ и нѣкоторыхъ монастыряхъ на праздникъ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста. Различаясь мѣстомъ и назначеніемъ своимъ отъ престольныхъ, благословящихъ, возлагаемыхъ на престолѣ, онъ хранился, или въ ризницѣ, или поставляемъ былъ въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ.

Антоніевъ крестъ, хранящійся въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, сходенъ съ Полоцкимъ св. Евфросиніи и съ Ростовскимъ Авраміевымъ; онъ шестиконечный, деревянный, обложенный басменнымъ золоченымъ серебромъ. Въ шести клеймахъ на лицевой сторонѣ вычеканены изображенія Знаменія Богородицы, Господа Вседержителя, двухъ Херувимовъ и св. Іоанна Богослова. Между ними два креста: одинъ мусійный, осмиконечный, съ распятымъ Христомъ, окруженный ликами Богоматери и св. Іоанна Богослова, или Предтечи, а другой съ частицею Животворящаго Древа. На бокахъ креста вычеканены: о агиос Петрос, о агиос Павлос, о агиос Іо... о агиос Семьонъ, и слѣд. надпись: «Господи помози рабоу своiемоу Антоноу Архiепископоу Новгородьскоумоу давшюмоу крьстъ Святой Софии.

Великій Новгородъ избралъ Антонія въ 1211 году Архіепископомъ, но чрезъ 8 лѣтъ изгналъ его; потомъ вмѣстѣ съ Митрофаномъ, его предшественникомъ, представилъ на судъ Митрополиту Всероссійскому, который,

утвердивъ Митрофана въ Новгородѣ на Владычнемъ престолѣ, далъ Антонію каѳедру въ Перемышлѣ. Послѣ Арсенія, Новгородъ опять вызвалъ Антонія на Архіепископію, съ коей онъ потомъ сошелъ въ Хутынь монастырь, гдѣ и кончилъ жизнь свою.

Ни изъ Исторіи, ни изъ надписи не видно, когда и по какому случаю сооруженъ Владыкою Новгородскимъ этотъ крестъ; но, по древности, болѣе, чѣмъ пятивѣковой, по мѣсту сооруженія и по лицу соорудителя, этотъ надписанный памятникъ начала XIII вѣка принадлежитъ къ любопытнѣйшимъ нашимъ древностямъ.

Вмѣстѣ съ нимъ въ ризницѣ Софійскаго собора, находятся три панагіи, двѣ — Архіепископовъ Новгородскихъ и одна Папская.

B. C. Серебряная, складная, съ изображеніемъ распятія I. X., а на другой — Спасителя.

E. F. Серебряная украшенная финифтью, съ образомъ Святителя Николая.

H. I. Крестъ золотой съ тремя продолговатыми сквозными яхонтами, на коихъ вырѣзано рельефомъ Распятіе I. Христа съ предстоящими Ему Богоматерью и Іоанномъ Богословомъ. На трехъ концахъ креста изображены три пчелы, по видимому, намѣкающія на слова Псалма CXVII, 12, « Обыдоша мя яко пчелы сотъ.» На средокрестіи обратной стороны солнце, коего тройственные лучи выступаютъ и на другую сторону. При подножіи креста, по снимку г. Солнцева, читаемъ надпись Urb. VIII. P. M. т. е. Urbanus VIII, Pontifex Maximus. Но Истор. описаніе Святыни Новгородской, Спб. 1848 г. и Новгородскія Губерн. Вѣдомости 1848 г. N 9, ошибочно присвоиваютъ этотъ крестъ Урбану IX, и Урбану XI.

Императрицею Екатериною II это св. украшеніе пожаловано было Митрополиту Новгородскому и С. Петербургскому Гавріилу Петрову, а отъ него поступило въ ризницу Софійскаго Собора.

КОРСУНСКІЕ КРЕСТЫ.

(Рисунокъ Отд. I. № 27, 28.)

Корсунскими крестами называются запрестольные три креста въ алтарѣ Московскаго Успенскаго Собора. Одинъ изъ нихъ, четвероконечный, обитый позолочеными серебряными листами; лицевая его сторона усѣяна самоцвѣтными каменьями и клеймами съ обронными изображеніями разныхъ Святыхъ; на срединѣ и по концамъ въ кругахъ наведены финифтью: Распятіе, Деисусъ, Благовѣщеніе и Воскресеніе. На обратной сторонѣ поле украшено звѣздами изъ хрусталей; на срединѣ и на концахъ въ клеймахъ чеканныя изображенія господскихъ праздниковъ. Въ переписныхъ книгахъ Московскаго Успенскаго собора, скрѣпленныхъ 1627 г. Симоновскимъ Архимандритомъ Іосифомъ, въ послѣдствіи Патріархомъ, объ этомъ памятникѣ благочестія сказано: « за престоломъ же крестъ большой Корсунскій обложенъ « серебромъ, въ пяти мѣстехъ писаны господскіе праздники мусіею на зо- « лотыхъ цкахъ; въ немъ же въ гнѣздехъ сто семь хрусталей. »

Другіе два креста, четвероконечные, изъ горнаго хрусталя, скрѣпленные серебромъ; они утверждены на древкахъ, для ношенія въ крестныхъ ходахъ.

На этихъ священныхъ памятникахъ нѣтъ надписей, кои бы свидѣтельствовали намъ объ ихъ мѣстности и древности; но преданіе гласитъ, что они перенесены просвѣтителемъ Россіи Владиміромъ I въ столичный градъ Кіевъ изъ покоренной имъ Корсуни, оттуда перешли во Владиміръ и по-

томъ въ Москву. О первомъ крестѣ свидѣтельствуетъ книга *Жезлъ* 1655 г. что онъ «предрагоцѣнный окладомъ, неоцѣненный образомъ, древностію «пречестный, именуемый Корсунскій, олтарь Господень яко солнце про-«свѣщаетъ въ соборномъ храмѣ, въ матери всѣхъ церквей.»

Въ 1812 г. святыни сіи не были вывозимы изъ Москвы.

Примѣч. О звѣздицѣ св. Антонія Римлянина сказано въ статьѣ объ его сосудахъ.

НАКРЕСТОЛЬНЫЙ КРЕСТЪ

ЦАРЯ IОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА.

(Рисунокъ Отд. I. № 29, 30, 31, 32.)

Сей крестъ въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ, изъ чеканнаго вызолоченнаго серебра съ литыми изъ того же металла накладными распятіемъ и образами Богоматери, Іоанна Богослова и другихъ Святыхъ; длиною онъ 2 четверти ¼ вершка, по мѣстамъ украшенъ крупнымъ угловатымъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. На подножіи его слѣдующая надпись означаетъ вкладчика, время и мѣсто сооруженія: „Въ лѣто ҂зѯи (҂афѯ) Апрѣля въ ка день, повелѣніемъ Благовѣрнагѡ Цря Ивана Васильевича всеа Русіи, зделанъ сій крестъ к кз лѣто государства его к пренменітый храмъ и соборъ Архістратіга Михаила, въ Богоспасаемомъ градѣ Москвѣ.» На оборотной сторонѣ креста другая надпись вязью, узловатая, въ нѣсколькихъ кружкахъ, какъ сказано въ старинной описи соборной ризницы, изображена «*большими фряжскими буквами;* она содержитъ въ себѣ имена тѣхъ Святыхъ, которыхъ мощи вложены въ этотъ крестъ. Славянскія буквы названы *фряжскими* по ихъ почерку или пошибу, извѣстному также подъ именемъ Фряжской азбуки, которая состояла изъ связанныхъ между собою узловатыхъ буквъ и употреблялась въ надписяхъ и въ красныхъ строкахъ.

Какъ драгоцѣнныя св. утвари, большею частію, устроиваемы были Государями по обѣщанію и въ ознаменованіе счастливыхъ событій: то,

вѣроятно, и сей крестъ сдѣланъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ возблагодареніе Богу за побѣды его въ Ливоніи, гдѣ, въ 1560 году, Русскіе взяли 11 городовъ, и за успѣхи оружія его въ Крыму.

Другой крестъ напрестольный въ ризницѣ Архангельскаго Собора золотой чеканный, почти одинакой величины съ первымъ; онъ украшенъ драгоцѣнными камнями и крупнымъ жемчугомъ. Работа его отличается чистотою. Изъ надписи на немъ видно, что онъ пожалованъ въ Соборъ Царемъ Ѳеодоромъ Алексіевичемъ 1677 года, въ вѣчное поминовеніе родителя своего.

РѢЗНЫЕ КРЕСТЫ.

(Рисунокъ Отд. I. № 33, 34.)

Изображенные на эстампахъ N 33 и 34 рѣзные на деревѣ кресты, хранящіеся въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ Московской Оружейной Палатѣ, представляютъ намъ памятники рѣзнаго искусства (ἀναγλυπτική, caelatura, toreutice), коимъ издревле славились Византійцы и давно занимались Славяне. Разсмотримъ эти произведенія въ связи съ самимъ художествомъ и его исторіею.

Особеннымъ предметомъ досужества Аѳонскихъ монаховъ было это искусство. По свидѣтельству Ассемани, « они вырѣзывали съ превосходною « обронною работой иконы и кресты изъ бука, кедра и другихъ деревъ, на « коихъ изображали распятаго Спасителя, Богоматерь, дванадесятые празд- « ники и разныхъ Святыхъ Восточной Православной Церкви. Такимъ издѣ- « ліемъ украшая свой досугъ, иноки снискивали себѣ пропитаніе. » (1) Къ этому свидѣтельству присоединимъ другое, не менѣе важное, которое сообщаетъ намъ Греческій врачь XVII вѣка, Іоаннъ Комнинъ, обозрѣвавшій Святую гору; (2) онъ говоритъ, что « Болгары и Русскіе издревле любили « упражняться въ иконописи и рѣзьбѣ, что искусство ихъ отличалось осо- « беннымъ пошибомъ, заимствованнымъ отъ духа и нравовъ отечества.»

(1) *Assemani* Calendaria ecclesiæ Græcæ.
(2) *I. Comneni* descriptio montis Atho, въ *Monfaucon* Palæographia Græca, p. 459—486.

Какъ пошибъ или стиль этотъ былъ иконный, основанный на древнихъ образцахъ и подлинникахъ: то и рѣзьба запечатлѣна тѣмъ же характеромъ, какимъ иконопись Болгарская и Русская. Кромѣ письменныхъ свидѣтельствъ, въ Россіи еще уцѣлѣло много разныхъ памятниковъ Греческой рѣзьбы, которые проявляютъ духъ и характеръ сего искусства, посвященнаго св. Вѣрѣ.

Это искусство, бывшее подъ вліяніемъ Церкви, подчинялось ея завѣтнымъ преданіямъ и уставамъ. Какъ Восточная Православная Церковь отвергала всякое *изваяніе* и *сліяніе* (истуканы, горельефы) согласно съ заповѣдью во Второзаконіи XXVII, 15, гдѣ предается проклятію «сотворившій изваяніе и сліяніе;» то она допускала однѣ только изображенія половинчатыя, или въ полтѣла, т. е. рельефы. Между тѣмъ, какъ Западная Церковь ввела въ обычай изваянія Святыхъ въ натуральную величину, изъ дерева и камня (горельефы, alto relievo, облыя, круглыя фигуры), которыми украшала не только костелы и капеллы, но и площади и перекрестки. (3)

Рѣзное художество, искони любимое Русскимъ народомъ, сперва было орудіемъ идолопоклонства, а потомъ съ насажденіемъ на Руси Христіанской Вѣры, обращено на изображеніе досточтимыхъ ея предметовъ, и украшало вычурными и затѣйливыми орнаментами внѣшность и внутренность храмовъ Божіихъ, которые въ древности были, по большей части, деревянные. На самыхъ избахъ крестьянскихъ видимъ разныя узорныя порѣзки, обличающія досужество, ловкость и замысловатость мастеровъ.

Отъ Византійскихъ художниковъ Кіевъ получилъ первые образцы рѣзныхъ на деревѣ, кости и камняхъ, иконъ, панагій и крестовъ, коимъ подражали Русскіе. Тамъ и донынѣ существуетъ это художество, доставляющее богомольцамъ рѣзные на кипарисѣ кресты и образа. Оно проникло и въ Новгородъ, славившійся въ XVI вѣкѣ своими *рѣзцами* или рѣзными мастерами, которые *налагали лице на камнѣ,* т. е. покрывали рѣзьбою и полировали; оттуда иногда вызывались они въ Москву для украшенія церквей и Государевыхъ Палатъ. На эстампѣ N 4 представлены древнія произведенія рѣзьбы, сохранившіяся въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго Собора. Архангельскъ также славится съ давнихъ временъ рѣзьбою на кости.

(3) Handbuch der christlichen Archaeologie von D. S. W. *Augusti*, 3 B. Leipz. 1836. въ 8.

Въ самой Москвѣ, въ числѣ Царскихъ художниковъ и ремесленниковъ Мастерской Палаты, находились и рѣзчики на деревѣ; изъ нихъ извѣстны своими произведеніями въ XVII вѣкѣ Кондратій Ивановъ и Петръ Ремезовъ. По Государеву указу, они вырѣзывали не только кресты и образа, но и сѣни надъ престолами въ церквахъ, царскія врата, алтарные иконостасы и т. д. Рейтенфельсъ, бывшій въ Москвѣ 1670 г., говоритъ, что «Русскіе выдѣлываютъ весьма искусно изъ дерева разныя вещи.» Рѣзанныя Петромъ Великимъ на кости и на деревѣ разныя изображенія служатъ доказательствомъ, что онъ усвоилъ себѣ это древнее Русское искусство.

Въ XVII вѣкѣ, сблизившемъ Россію съ Западомъ Европы, появились въ ней изваянія Святыхъ изъ дерева и камня, по большей части, отживленныя подъ натуру, т. е. раскрашенныя; онѣ ставились въ церквахъ и часовняхъ на поклонѣ. По словамъ указа Петра I, въ 1722 году, Апрѣля 12, этотъ «обы-«чай устроять неумѣренныя рѣзныя иконы вошелъ въ Россію отъ иновѣр-«ныхъ, а наипаче отъ Римлянъ и порубежныхъ намъ Поляковъ.» На основаніи правилъ церковныхъ, указомъ того же года Октября 11 запрещено было «употреблять въ церквахъ рѣзныя и отливныя иконы, кромѣ Распятій, искусною рѣзьбою устроенныхъ, а въ домахъ, кромѣ малыхъ крестовъ и панагій.»

Изъ сего видно, что рѣзьба и ваяніе вошли въ Россію двумя путями, съ Востока и Запада, что отъ одного заимствовала она рельефныя изображенія Святыхъ, а другому иногда подражала въ изваяніи облыхъ, круглыхъ фигуръ, кои выдалбливались, или высѣкались въ ростъ человѣческій, подобно древнимъ *ξόανα*.

Однимъ изъ главныхъ предметовъ рѣзьбы былъ крестъ, орудіе и знаменіе спасенія. Какъ І. Христосъ распятъ былъ на крестномъ древѣ, то для малыхъ и большихъ крестовъ преимущественно выбиралось дерево, способное для рѣзьбы по своей мягкости, плотности и цвѣту. Таковы были: липа, кипарисъ, букъ, кедръ, чинаръ. Работа производилась долотцами разнаго рода; для окончательной отдѣлки фигуръ употребляли пемзу и хвощь. Рѣзьба была *половинчатая* на полѣ, или фонѣ, и *сквозная*, болѣе или менѣе крупная и мелкая. Иногда фигуры, особо вырѣзанныя, набирались и наклеивались на фонѣ. Нѣкоторые памятники этого художества, находившаго себѣ пріютъ въ монастыряхъ, отличаются твердостью и отчетливостію рисунка, искусствомъ, чистотою и тонкостію отдѣлки, требу-

ющей необыкновеннаго терпѣнія и ловкости; не рѣдко встрѣчаемъ образа въ $1\frac{1}{2}$ вершка, на коихъ вырѣзаны изъ кости или камня всѣ двунадесятые праздники съ надписями ; также на дощечкахъ, величиною отъ 1 до 3 четвертей, обронное изображеніе всей прославленной Церкви въ видѣ алтарнаго иконостаса.

Но въ этихъ произведеніяхъ рѣзьбы находимъ тѣже недостатки, какіе и въ иконописи, касательно группированія, перспективы и вообще тона.

Чтожъ касается до рѣзныхъ на деревѣ крестовъ, то они были *тѣльники*, или *тѣлесные*, *наперсные, напрестольные*, *воздвизальные, водружательные* и *благословящіе;* одни носимы были на персяхъ, какъ залогъ св. крещенія, или какъ отличіе духовенства, другіе возлагались на престолахъ въ алтарѣ, въ воспоминаніе крестной жертвы I. Христа, третьи воздвизаемы были въ праздникъ Воздвиженія Животворящаго Креста и служили иногда запрестольными, четвертые ставропигіальные, даваемые Патріархомъ церквамъ и монастырямъ съ особымъ преимуществомъ, (4) а послѣдніе ставились въ кіотахъ на поклонѣ, какъ св. иконы, и, по большей части, были четвероконечные, согласно съ украшеніемъ св. Григорія Нисскаго, который учитъ, что крестъ четырьмя частями, или краями знаменуетъ высоту, глубину, широту и долготу содержащимся Божіею силою. (5) Сверхъ того, встрѣчаются древніе кресты съ рѣзьбою — *памятные, закладные* и *надгробные;* одни сооружались въ память какого либо событія, другіе закладываемы были въ церковныхъ стѣнахъ, третьи ставились на могилахъ.

Къ числу напрестольныхъ и благословящихъ принадлежатъ изображенные на эстампѣ четвероконечные кресты ; они вырѣзаны на кипарисѣ и отличаются отъ древнихъ особенностію своего вида. У креста подъ N 33, отъ подножія къ рогамъ простираются двѣ вѣтви, на коихъ вырѣзаны поясныя изображенія Пророковъ, а на поверхности его въ клеймахъ двунадесятъ праздниковъ съ греческими надписями. На концахъ Евангелисты съ ихъ сvмволами. Подобные орнаменты въ образѣ вѣтвей, произшедшихъ отъ креста, проявляютъ христіанскій сvмволическій взглядъ на природу. По видимому, и художникъ Византійской школы хотѣлъ выразить, что крестъ Господень есть древо жизни, коего вѣтви осѣняютъ и питаютъ всѣхъ прибѣгающихъ подъ спасительную его сѣнь. На бокахъ описываемаго креста изображена слѣдующая монограмма, вѣроятно, означающая имя художника :

(4) Новая скрижаль, изд. 4. М. 1816, въ 4.
(5) *Жезлъ*, М. 1655, въ л.

А П М S. Т В П Г. Отчетливость рисунка, тщательность и чистота отдѣлки обличаютъ въ немъ остроту и вѣрность глаза, ловкость руки.

Тѣже предметы, тотъ же пошибъ и тѣ же письмена находимъ на другомъ крестѣ подъ N 34. Изъ чего съ достовѣрностію можно заключить, что они произведеніе одного художника, судя по надписямъ—Грека, а по сличеніи съ подобными издѣліями Аѳонскихъ иноковъ—Святогорца; ибо послѣдніе не рѣдко присылали Царямъ въ Москву рѣзные кресты, панагіи и образа въ благословеніе. Вѣра, художество и наука сближали Аѳонъ съ Кіевомъ и Москвою.

Начиная съ XI по XVIII вѣкъ, Аѳонъ доставлялъ южной и сѣверовосточной Руси не только образцы иконописнаго и рѣзнаго художества, но и правила для иноческой жизни, Болгарскіе и Сербскіе переводы Твореній Св. Отцевъ, драгоцѣнныя Греческія рукописи для исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ и наконецъ ученыхъ иноковъ, насадившихъ семена просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ.

8

ИЗМАЙЛОВСКІЕ

КРЕСТЪ И БРАТИНА.

(Рисунокъ Отд. I. № 35.)

На рисункѣ представляются два памятника изъ подмосковнаго села Измайлова, гдѣ живали лѣтомъ Цари Михаилъ Ѳеодоровичь, сынъ его Алексій и внукъ Ѳеодоръ съ семействомъ своимъ, гдѣ проводилъ свои дѣтскія лѣта Петръ I, отъискавшій тамъ ботикъ, *дѣдушку Россійскаго флота*. Сіи памятники, не многоцѣнные, но важные по своему значенію въ народной жизни: рѣзной изъ дерева, позолоченный и разцвѣченный крестъ и братина, окрашенная по левкасу. Онѣ срисованы на мѣстѣ въ 1837 г. Г. Солнцевымъ. По всему вѣроятію, что эта святыня и домашняя утварь принадлежали къ дворцовому обиходу, отъ коего остатки хранятся въ собраніяхъ отечественныхъ древностей Оружейной Палаты, Кн. М. А. Оболенскаго, П. Ѳ. Корабанова и М. П. Погодина. Четвероконечный крестъ этотъ ни запрестольный, ни напрестольный; но, по видимому, онъ осѣнялъ какой нибудь кивотъ въ дворцовой церкви.

Братины, напоминающія своимъ названіемъ и значеніемъ братство и круговыя чаши, въ старину составляли не только необходимую столовую утварь, но даже извѣстную мѣру жидкостей. Обыкновенная форма ихъ была круглая, кубовастая, на подобіе горшечка. Дѣлались онѣ изъ золота, серебра, мѣди и олова, чеканныя, гладкія, чешуйчатыя, грановитыя, дорожчатыя, ложчатыя съ травами, проводками, личинами, мишенями, плащами, съ чернью, фи-

нифтью, иногда съ драгоцѣнными камнями; не рѣдко ихъ ободокъ или вѣнчикъ украшался надписью, означающею имя владѣльца, или какое нибудь нравоучительное изрѣченіе. Въ крестьянскомъ быту онѣ устроивались, большею частію, изъ дерева. Измайловская братина простотою вещества соотвѣтствовала простотѣ жизни нашихъ Государей въ сельскомъ родовомъ пріютѣ, гдѣ у нихъ столовая посуда была деревянная и оловянная.

ЦАРСКІЕ БРАЧНЫЕ ВѢНЦЫ

и

МИТРОПОЛИЧЬЯ ПАНАГІЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 36, 37.)

Въ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора сохранились древніе, серебряные съ позолотою, брачные вѣнцы, мужскій и женскій, какіе при вѣнчаніи возлагались на Царей и Царицъ. Они устроены въ видѣ обруча, выдавшагося на челѣ коронкою, съ городками по краямъ; на одномъ изъ нихъ вырѣзанъ Деисусъ, а на другомъ Знаменіе Богородицы, Богоотцы Іоакимъ и Анна.

Судя по стилю работы, вѣнцы сіи принадлежатъ XVII вѣку; фигурою своей сходствуютъ съ древними изъ серебра, мѣди, желѣза и дерева, какіе употреблялись при вѣнчаніи.

Вѣнецъ вообще какъ символъ вѣчности, въ особенности вѣнецъ брачный (*νυμφίκος στέφανος*) какъ знакъ таинственнаго союза, награды за цѣломудріе и благословеній небесныхъ, извѣстенъ былъ у Іудеевъ, что видно изъ словъ *Исаіи Пророка* LXI, 10. « яко на жениха возложи вѣнецъ.»(1) Въ *Пѣсняхъ Пѣсней* III, 11, божественный Женихъ представляется, въ вѣнцѣ « имже вѣнча его мати его, и въ день обрученія его и въ день веселія сердца его.» Восточная православная Церковь ввела въ употребленіе при бракосочетаніи вѣнцы, означав-

(1) Новая Скрижаль Преосв. Веніамина. Handbuch der christlichen Archaeologie, III. B. von D. I. C. W. *Augusti*. Leipz. 1837, in-8.

шіе, по толкованію Св. Іоанна Златоуста, «побѣду надъ соблазнами и сочетаніе двухъ въ плоть едину.» Отъ нихъ и самое бракосочетаніе называется *вѣнчаніемъ* (*στεφάνωμα*) т. е. благословеніемъ церковнымъ, которое преподается новоневѣстнымъ съ возложеніемъ на главы ихъ вѣнцовъ.

Вѣнчанію предшествовало обрученіе перстнями, какъ приготовительная часть брака, въ знаменіе «обрученія Господу Богу церкви честной;» перстень у мужа былъ золотой, у жены—желѣзной или серебряной, (2) знаки преимущества и владычества одного, подчиненности и покорности другой. Въ древнихъ требникахъ встрѣчается еще чинъ *постриганія*, совершавшагося крестообразно на главѣ вѣнчаемыхъ, предъ возложеніемъ вѣнцовъ, дотолѣ лежавшихъ въ алтарѣ на престолѣ. Послѣ вѣнчанія, въ эктеніи новобрачные нарекались *князёмъ* и *княгинею*. (3) Можетъ статься, сіи названія даны имъ отъ того, что въ первые вѣка христіанства на Руси вѣнчались только князья и бояре; ибо современникъ Нестора, Іаковъ черноризецъ представлялъ Митрополиту Іоанну, что «не бываютъ на простыхъ людяхъ благословеніе вѣнчанія; но бояре токмо и «Князья вѣнчаются.» Въ продолженіи семи дней вѣнцы съ новобрачныхъ не снимались; на восьмый день было *разрѣшеніе вѣнцовъ* (*λύσις τῶν στεφάνων*). Сей чинъ церковный совершался съ молитвой, положенною въ Требникѣ, въ возблагодареніе Богу за соблюденіе новобрачныхъ въ цѣломудріи.

Въ послѣдствіи эти обряды сокращены и вѣнцамъ брачнымъ дана форма короны.

На эстампѣ подъ N 36, вмѣстѣ съ брачнымъ вѣнцомъ изображена святительская панагія, золотая; на лицевой сторонѣ ея вставленъ древній камей, представляющій Пророка Даніила (*προφῆτις Δανιὴλς*) съ двумя львами при подножіи; вокругъ камея четыре самоцвѣтные камня въ гнѣздахъ, размѣщенные крестообразно. На обратной сторонѣ вырѣзанъ крестъ на Голгоѳѣ съ вѣнцомъ на междукрестіи, съ копіемъ и тростію; на поляхъ слѣдующая надпись: «в сей иконѣ мощи святаго Апостола Андрея Первозваннаго «и святаго Апостола Варнавы, святаго Великомученика Георгія, святаго «мученика Аѳеногена, да мощи Царя Константина.»

Хотя въ надписи на эстампѣ и означено, что панагія сія принадлежала «Іосифу, Митрополиту Вологодскому;» но между Іерархами Вологодской

(2) Потребникъ мірской. М. 1639, въ л.
(3) Требникъ уставный, на бумагѣ, въ 4, конца XVI, или начала XVII вѣка. Изъ библіот. Кн. М. А. Оболенскаго.

Епархіи не было Митрополитовъ, а Епископы и Архіепископы, въ числѣ которыхъ встрѣчаются Архіепископъ Іосифъ I, хиротонис. 1708 г. и Іосифъ II, хиротон. 1761 г. По описи же соборной, панагія сія извѣстна подъ именемъ *Іосифовской* отъ того, что взята изъ Іосифовскаго Волоколамскаго монастыря, гдѣ окончилъ жизнь свою Всероссійскій Митрополитъ Даніилъ, лишенный святительскаго сана, 1539 года. По всему вѣроятію, эта панагія ему принадлежала; въ чемъ удостовѣряетъ изображеніе на ней тезоименитаго ему Пророка Даніила. Послѣ кончины сего Святителя, извѣстнаго въ гражданской Исторіи распрями своими съ боярами, а въ церковной Словесности своими полемическими сочиненіями, сіе знаменіе святительства его, вѣроятно, по завѣщанію, поступило въ Успенскій соборъ, гдѣ онъ поставленъ въ Всероссійскіе Митрополиты 1522 года, Февраля 27, изъ игуменовъ Іосифова Волоколамскаго монастыря.

ЗОЛОТОЕ КАДИЛО

ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОБОРѢ.

(Рисунокъ Отд. I. № 38.)

Кадило это, драгоцѣнное по металлу и по камнямъ, его украшающимъ, равно и по искусной работѣ, вѣсомъ 4 фунта, 33½ золотника. Чашкѣ его съ крышкою дано художникомъ подобіе одноглавой церкви съ рѣшетчатыми окнами и съ осмиконечнымъ на главѣ крестомъ. На внѣшнихъ ея стѣнкахъ между арабесками наведены чернью Соборъ Архангела Михаила и лики Святыхъ, въ числѣ которыхъ видны тезоименитые Царю Өеодору Іоанновичу и Царицѣ Иринѣ св. Өеодоръ Стратилатъ и св. мученица Ирина. Въ гнѣздахъ по мѣстамъ вставлены изумруды и яхонты, граненые и неграненые. Четыре кольчатыя цѣпи, къ коимъ прикрѣплено кадило, имѣютъ въ срединѣ четыре креста съ яхонтами; самая ерданка, или рукоять изъ чистаго золота, богато украшена чернью и драгоцѣнными каменьями. Казалось, мастеръ истощилъ свое искусство, чтобы сдѣлать утварь сію, сколь можно, великолѣпнѣе, согласно съ желаніемъ усердствовавшей особы.

Хотя въ надписи на рисункѣ и сказано, что кадило сіе Царя Өеодора Алексѣевича; но на поддонѣ изъ узловатой надписи, наведенной по золоту чернью, узнаете, что « кадило сіе сдѣлано повелѣніемъ Благовѣрныя Вели-« кія Государыни, Царицы и Великія Княгини Ирины, во иноцѣхъ Алек-« сандры по Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Өеодорѣ Іоан-« новичѣ къ его Царскому гробу, 1598 году.

ДРЕВНІЯ КАДИЛА.

(Рисунокъ Отд. I. № 39.)

То высокое значеніе, какое Православная Церковь даетъ кадилу, употребляемому при богослуженіи, побуждаетъ насъ присоединить къ историческо-археологическому описанію двухъ изображенныхъ здѣсь кадилъ XVII вѣка, замѣчанія о происхожденіи, употребленіи и знаменованіи куренія ладаномъ и кадилъ.

Всѣ восточные, греческіе и латинскіе Требники и Служебники почитаютъ куреніе ѳиміама одною изъ существенныхъ принадлежностей богослуженія. Начало этому находимъ въ ветхозавѣтныхъ обрядахъ. (1) Самъ Богъ чрезъ Моvсея повелѣлъ Аарону « кадить надъ Кивотомъ ѳvміамомъ сложенымъ бла-« говоннымъ рано по утру и съ вечера, когда вжигаются свѣтила.» *Исход.* XXX, 7 и 8. Апокалvпсисъ изображаетъ намъ кажденіе Ангела предъ алтаремъ, да « вознесетъ молитвы Святыхъ къ Богу.» *Апокал.* VIII. 3.

Древнѣйшее свидѣтельство объ употребленіи ѳvміама въ Церкви новозавѣтной находимъ въ III правилѣ св. Апостолъ: « Не лѣть приносити что « въ жертвенникъ, развѣ елей въ святый свѣтильникъ и ѳvміамъ во время « божественнаго возношенія.» Это свидѣтельство дополняется св. Діонисіемъ Ареопагитомъ, который въ церковн. Іерархіи, гл. 3. говоритъ, что « священнодѣйствіе начиналось куреніемъ ѳvміама предъ алтаремъ и во всемъ

(1) Handbuch der christlichen Archaeologie von Dr. C. W. *Augusti.* III B. Leipzig, 1836, in-8.

святилищѣ.» Первый примѣръ кадильницы золотой (θυμιαστήριον, thuribulum) встрѣчаемъ у Евагрія Hist. eccles. VI, 21; но историкъ говоритъ объ ней, какъ уже объ извѣстной вещи. А Григорій Великій подтверждаетъ, что ни одинъ церковный обрядъ не обходится безъ куренія ладана и ѳиміама. По сему не справедливо сказаніе Платины въ жизни Сикста I и Полидора Виргилія, будто Левъ III первый ввелъ въ литургію куреніе ладаномъ.

По ученію Церкви, куреніе ѳиміама означаетъ не только восхожденіе усердныхъ молитвъ къ Богу, но и нисхожденіе благодати Духа Святаго, таинственно услаждающей души вѣрующихъ. « Кажденіемъ, говоритъ св. Симеонъ Солун. « святыя мѣста и вещи чествуются, а предстоящіе освящаются.»

Нерѣдко этотъ сосудъ представляетъ подобіе одноглавой церкви, каково напр. кадило Препод. Никона въ Троицкой лаврѣ. Кадила, имѣющія видъ пятиглавой церкви, называются *Патріаршими*, потому что онѣ употреблялись при Патріаршихъ служеніяхъ.

Въ Никоновской Скрижали объяснено символическое значеніе всѣхъ частей кадила. Родъ ручныхъ кадильницъ въ нѣкоторыхъ пустыняхъ и скитахъ извѣстенъ подъ именемъ *кацей*. (2)

Изображенныя же здѣсь кадила, серебряныя съ позолотою, состоятъ изъ двухъ полусферическихъ чашекъ, накрывающихъ одна другую. Верхъ ихъ увѣнчанъ церковною главой, на одной съ четвероконечнымъ, а на другой съ осмичастнымъ крестами. По ободку надпись вязью показываетъ, что онѣ устроены въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича 1644 года.

Сіи кадила, такъ равно и серебряное блюдо, замѣчательное по изяществу работы и по старинѣ, принадлежатъ Московскому купцу Лаврову.

(2) « Каціи, или кадильницы съ рукоятками введены въ употребленіе ради воспоминанія явленія въ нѣкоемъ общежитіи Ангела.» См. Истор. описаніе Глинской Богородицкой пустыни, сост. *Н. Самойловымъ*. 2 ч. Спб. 1836, 8. Но Е. Р. Ф. въ Исторіи Русской Церкви съ 988—1237 г. стр. 96, пр. 146, объясняетъ *кацею* кропильною чашею отъ чешск. сл. *кацати*, брызгать водою. Карамзинъ слова Кіев. Лѣтоп. « и кадильницы двѣ и *каца* » читаетъ неправильно *какое*. *Карамз*. И. Г. Р. 11, пр. 296.

АЛАВАСТРЪ.

(Рисунокъ Отд. I. № 40.)

Это узкогорлый металлическій сосудъ, покрытый перламутровою чешуей, съ крестомъ на верху изъ драгоцѣнныхъ камней; алавастромъ онъ названъ отъ ἀλβάστρον, алебастръ и сосудъ изъ него для храненія ароматъ. По преданію, онъ представляетъ подобіе того самаго алавастра, изъ коего Марія Магдалина излила драгоцѣнное мνро на ноги Іисусовы, какъ свидѣтельствуетъ св. Евангелистъ Марко XIV, 3. Въ первые вѣка Русскаго Христіанства алавастръ съ мνромъ присланъ изъ Греціи въ Кіевъ, откуда взятъ въ Москву. По древнему обычаю, при таинственномъ освященіи мνра въ Успенскомъ соборѣ, въ память общенія нашей отечественной Церкви съ Восточною, прибавляется изъ алавастра въ составъ мνра нѣсколько капель и пополняется новымъ, чтобы никогда не изсякалъ сей священный источникъ.

КОРОНКА НА ГВОЗДЬ ГОСПОДЕНЬ.

(Рисунокъ Отд. I. № 41.)

Среди святынь Московскаго Успенскаго собора находится гвоздь Господень въ серебряномъ чеканномъ ковчегѣ. Верхъ этого ковчега украшенъ золотою коронкой съ четвероконечнымъ крестомъ, усѣянною драгоцѣнными камнями. На корпусѣ ея наведены эмалью четыре Херувима, а по ободку вычеканена надпись изъ церковныхъ Грузинскихъ письменъ, которую здѣсь передадимъ по объясненію Академика Броссе: « Царь всея Грузіи Давидъ, сынъ Русуданы, соорудилъ влагалище для святаго гвоздя. » (1) Г. Броссе почитаетъ сего Давида за Нарина-Давита, царствовавшаго въ Грузіи съ 1237 по 1272 годъ. Но стиль самой коронки и письменъ, по видимому, относятся къ позднѣйшему времени, такъ какъ и ковчегъ, устроенный въ концѣ XVII вѣка Имеретинскимъ царемъ Арчиломъ сыномъ Вактанга IV.

Сей государь, нашедшій себѣ покровительство и пристанище у Русскаго Царя, привезъ въ Москву въ 1686 г. сію святыню, которая, по преданію, дарована была Грузіи первымъ ея христіанскимъ государемъ Миріаномъ, современникомъ Константина Великаго. До 1715 года гвоздь Господень хранился въ домовой его церкви. Когда же, по просьбѣ брата сво-

(1) Monographie georgienne de Moscou, par M. Brosset. 1838, à S. P. in-8.

его Георгія, Арчилъ послалъ его въ Грузію, гдѣ свирѣпствовало моровое повѣтріе: тогда губернаторъ, остановивъ ковчегъ съ св. гвоздемъ въ Казани, донесъ объ этомъ Императору Петру I. Государь повелѣлъ препроводить сію святыню въ Москву для храненія въ Большомъ Успенскомъ соборѣ. (2)

(2) Заволжскій Муравей, Казань. 1833.

ЯШМОВЫЙ СОСУДЪ

ДЛЯ ЦАРСКАГО МѴРОНОМАЗАНІЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 42, 43.)

Въ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора хранится яшмовый (сосюритовый) сосудъ съ поддономъ и крышкою изъ того же камня съ золотымъ вѣнцемъ и ободками, покрытыми прекрасною эмалью. На крышкѣ припаяна изъ золота съ эмалью змѣя, свившаяся кольцомъ, какъ сѵмволъ мудрости и здравія.

Повидимому, стиль и работа сосуда принадлежатъ новѣйшей эпохѣ художествъ.

Сколько замѣчательна эта утварь по цѣнности матеріала и по изяществу отдѣлки, столько почтенна по употребленію ея при вѣнчаніи на царство Государей Россійскихъ; ибо въ нее тогда вливаютъ священное мѵро, для ихъ помазанія.

Нѣкоторые изъ нашихъ любителей отечественной старины, особенно г. Свиньинъ въ Картинахъ Россіи 1838 г. (1) выдавали яшмовый сосудъ за « крабійцу Августа Кесаря, » которую, по свидѣтельству Русскихъ лѣтописей, прислалъ 1113 г. Греческій Императоръ Алексій Комнинъ къ Великому Князю Владиміру Мономаху съ царскою утварью. Сосудъ этотъ тѣмъ болѣе казался драгоцѣннымъ для державцевъ Русскія земли, что принадлежалъ Августу Кесарю Римскому, котораго они признавали родоначальникомъ

(1) Прежде его издатель Историч. Путеводителя по Москвѣ, 1827 г. 1.

Рюрика. (2) Въ духовныхъ же грамотахъ Великихъ Князей, начиная отъ сына Калиты Іоанна I до Василья II, (3) упомянута *сердоничная* и *сердоличная коробка, кованая золотомъ*, которая переходила въ наслѣдство къ старшему сыну. Вѣроятно, это была таже самая сердоликовая крабія, изъ коей, по словамъ нашихъ лѣтописей, « веселяшеся Августъ Кесарь. » При этомъ надобно замѣтить, что нѣкоторые изъ Византійскихъ Императоровъ присвоивали себѣ титло Августовъ и Кесарей. Чтожъ касается до слова *крабія, крабица*, то оно встрѣчается намъ и въ Чешскомъ языкѣ : krabice, krabia отъ krabaty, вогнутый, выдолбленный, scrinium, скрынка, коробочка, ковчежецъ. (4) Подобное названіе могло быть дано въ древности сосуду, высѣченному изъ драгоцѣннаго камня. Въ описяхъ Оружейной Палаты XVII вѣка между посудою или судами упоминается и *крабійца*.

Посмотримъ теперь, съ какого времени она появляется при мvропомазаніи Государей Россійскихъ.

Послѣ перваго торжественнаго вѣнчанія на царство юнаго Димитрія, въ 1498 году, державный его дѣдъ Іоаннъ III подарилъ ему на пиршествѣ *сердоликовую крабію Августа Кесаря.* Изъ словъ Ростовскаго лѣтописца не видно, чтобы Димитрій принялъ помазаніе мvромъ при вѣнчаніи и чтобы Августовъ сосудъ употребленъ былъ при этомъ св. обрядѣ, хотя въ рѣчи своей къ вѣнчанному на царство отроку Всероссійскій Митрополитъ Симонъ сказалъ : « да сподобитъ его Богъ помазатися елеемъ радости. » При вѣнчаніи на царство Василія III и Іоанна IV современные имъ лѣтописцы не упоминаютъ ни объ Августовой крабіи, ни о мvропомазаніи, о коемъ свидѣтельствуетъ только новая рукописная Степенная книга. (5) Но вѣроятно, чинъ сего священнодѣйствія показался недостаточнымъ; потому что Царь Іоаннъ Васильевичь, по свидѣтельству Курбскаго, посылалъ къ Цареградскому Патріарху Соловецкаго инока Ѳеодора просить чина Царскаго вѣнчанія. Первый изъ Царей Русскихъ, сколько намъ извѣстно, Ѳеодоръ I удостоенъ сего освященія; но въ чинѣ его вѣнчанія не сказано, изъ какого именно сосуда онъ былъ помазанъ св. мvромъ, хотя всѣ принадлежности сего обряда, по обыкновенію, исчислены подробно.

(2) Руcская Лѣтопись съ Воскресенскаго списка. Спб. 1793. — Собраніе Госуд. грам. I 303 и 599.
(3) Древн. Росс. Вивліоѳика, I, 423.
(4) Slownic česko.-německyj. *Jungmanna.* w Praze, 1836.
(5) *Карамз.* И. Г. Р. VIII, пр. 161.

Пересмотримъ чины вѣнчанія послѣдующихъ Царей, не встрѣтится ли эта крабія при ихъ мѵропомазаніи. Для помазанія Царей: Михаила Ѳеодоровича въ 1613 г. принесли Архіепископы и Епископы великое и святое мѵро на *златомъ блюдѣ;* (6) а для Алексія Михаиловича въ 1645 г. *скляничный Веницейскій драгій сосудъ.* (7) Изъ дѣлъ придворнаго Архива узнаемъ, что въ 1682 году къ коронаціи Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей велѣно было передать изъ мастерской Оружейной Палаты въ Успенскій соборъ для мѵропомазанія *розгольникъ*, а въ самомъ описаніи ихъ вѣнчанія на царство сказано, что: « великое, святое и пречистое мѵро принесено Архіереями « на златомъ блюдѣ *въ хрустальномъ драгомъ сосудѣ:*» слѣдовательно этотъ розсольникъ былъ хрустальный, а не сердоликовой и не яшмовой. (8) Изъ чина коронованія Императрицы Екатерины I, въ 1724 г., видимъ только, что св. мѵро подано на блюдѣ въ *собственномъ сосудѣ*, т. е. назначенномъ для сего священнаго дѣйствія. Наконецъ въ описаніи коронаціи Императрицы Анны Іоанновны 1731 г. является описываемый нами яшмовый сосудъ, коего и рисунокъ приложенъ къ книгѣ, гдѣ онъ названъ *нарочнымъ къ тому дѣлу драгимъ сосудомъ*, а въ церемоніалѣ коронаціи Императрицы Елисаветы Петровны 1742 г. *нарочно къ тому приготовленнымъ драгимъ яшмовымъ, пребогато золотомъ и преизрядно финифтью* съ *рѣзною работою украшеннымъ*, и даже въ чинѣ дѣйствія коронованія Императора Александра I, 1801 г.—*драгоцѣннымъ сосудомъ, для сего великаго дѣла нарочно устроеннымъ.* Слова: *собственный, нарочный* и *нарочно приготовленный къ тому*—не значатъ ли, что этотъ сосудъ былъ въ началѣ XVIII вѣка устроенъ и назначенъ для мѵропомазанія? Потомъ въ обозрѣніи достопамятностей Успенскаго собора, Протоіерея его А. Левшина, 1783 г., читаемъ: « Сосудъ яшмовый и съ покрышкою, изъ котораго благо- « честивѣйшихъ Государей помазаютъ мѵромъ; по верхъ той крышки змѣйка « золотая съ финифтомъ высокой работы.»

Нигдѣ доселѣ въ оффиціальныхъ извѣстіяхъ не сказано, чтобы это была *Августова крабійца,* которую лѣтописи и грамоты называютъ *сердоничною, сердоличною, сердоликовою,* и нигдѣ не встрѣчается подтвержденій мнѣнію, что яшмовый сосудъ, съ начала XVIII вѣка, употребляющійся при мѵро-

(6) Рукопись: Вѣнчаніе на царство Ц. и В. К. Михаила Ѳеодоровича 7121 г. N 82, въ 4 въ Главн. Архивѣ М. И. Д.
(7) Древн. Росс. Вивліоѳика, VII. 463.
(8) тамъ же.

помазаніи Государей, была Августова утварь. За подлинно также неизвѣстно, куда дѣлась Августова крабійца сердоничная. Не утратилась ли она въ нашествіе Поляковъ, или не перешла ли, по завѣщанію или сдѣлкамъ Московскихъ державцевъ, къ Рязанскимъ Князьямъ?

При этомъ не льзя оставить безъ вниманія одной сердоликовой чаши въ собраніи антиковъ Графа С. Г. Строганова; она получена изъ Рязанской губерніи, гдѣ, еще 1822 года, въ старой Рязани найдены древнія Княжескія утвари, теперь хранящіяся въ Оружейной Палатѣ и стилемъ своимъ сходныя съ означенною чашей (9). Можетъ статься, и она принадлежала къ числу этихъ утварей.

Сосудъ этотъ изъ цѣльнаго сердолика, оправленъ въ золото; его золотый поддонъ, украшенный сканью и венисами въ гнѣздахъ, или оправахъ, походитъ фигурою своей на Мономахову шапку. На *пузѣ* (корпусѣ) его наведены посредствомъ инкрустаціи золотыя полосы, однѣ пересѣкаемыя другими; по мѣстамъ насажены рубиновыя искорки въ золотыхъ репьяхъ. Подъ вѣнчикомъ наведены золотомъ слѣдующія слова, дающія поводъ къ разнымъ догадкамъ, болѣе или менѣе вѣроятнымъ: ✠ *В В П Δ К Θ Т Ξ Н.*

Основываясь на предположеніи Графа Строганова, подтвержденномъ г-мъ Газе, предлагаемъ объясненіе сихъ монограммъ:

В. В. Βασιλεὺς βασιλέων, Царь Царей. Это титло Византійскихъ Императоровъ часто встрѣчается на легендахъ, такъ какъ *П Δ πορφυρογέννητος Δεσπότης*, Порфирородный Владыка.

К. Θ. Κονσταντῖνος Θεοφίλου, или *Θέκλα.*

Этотъ Константинъ, по мнѣнію однихъ, былъ сынъ, а по другимъ, внукъ Θеофила иконоборца и Θеодоры, поборницы иконопоклоненія. На монетахъ 856 года онъ изображается вмѣстѣ съ Михаиломъ III, который, по свидѣтельству Льва Грамматика, имѣлъ его отъ Евдоксіи Пафлагонянки. Въ числѣ Византійскихъ монетъ одна представляетъ Михаила и Константина на обратной сторонѣ, а Θеофила на лицевой, тогда когда уже сего послѣдняго не было въ живыхъ. И такъ, ежели *Θ* читать *Θεοφίλου*: то выдетъ, что Константинъ былъ Θеофиловъ сынъ или внукъ (*ἔγγονος, ἀπόγονος* или *υἱός*), или въ буквальномъ переводѣ: боголюбезный и благочестивый—титло Государей. Но какъ у Θеофила была дочь Θекла, которая, и по заключеніи ея матери св. Θеодоры и сестръ въ монастырь, признана была Августою и участвовала

(9) Письма объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи К. *Калайдовича.* М. 1823. въ 8.

въ правленіи: то могло статься, что Θ начальная буква означала ея имя. Смутная эпоха этого правленія продолжалась отъ 859 до 866 года (10) т. е. до начала царствованія Василія I Македонянина, современника нашему Варяго–Руссу Рюрику. (11) Потомъ, ежели принять, согласно съ мнѣніемъ Графа Строганова, остальныя три буквы (съ черточкой вверху) надписи *TΞH* за цыфры 368: то, подразумѣвая 6000, выдетъ, что утварь сія относится къ 860 году, когда жили Ѳеодора, Константинъ и Ѳекла.

Соображая всѣ сіи обстоятельства, приходишь къ догадкѣ, не есть ли этотъ сердоликовый сосудъ та самая сердоликовая Августова крабія, или сердоличная коробка, о коей упоминаютъ наши лѣтописи и грамоты.

(10) Essai de classification des suites monétaires Byzantines, par F. de *Sauley*. Metz. 1836, in-8.
(11) Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinichen Chronologie, von *P. Krug*, S. P. 1810, in-8.

НОВГОРОДСКАЯ БРАТИНА.

(Рисунокъ Отд. I. № 44, 45.)

Братиной названъ въ надписи на эстампѣ, у Кеппена кратиромъ (*κρατὴρ*) (1) этотъ серебряный вызолоченный сосудъ съ двумя ручками, болѣе похожій на стопу, или достоканъ, какіе употреблялись для почерпанія Богоявленской воды ; (2) потому что братина собственно была круглый, кубовастый сосудъ, сходный съ горшкомъ. Иногда принимался онъ за извѣстную мѣру жидкихъ тѣлъ, (которая была менѣе стопы), ставился на монастырскихъ и святительскихъ трапезахъ, служилъ тамъ чашей. Общія, братскія, круговыя чаши, подъ именемъ *богородичныхъ,* или *Пречистыя*, *трапезныхъ*, *тропарныхъ*, *заздравныхъ* и т. д. предлагались присутствовавшимъ по очередно и переходили изъ рукъ въ руки. Чаша Пречистыя съ виномъ или медомъ подаваема была на царскихъ, святительскихъ и монастырскихъ столахъ въ честь и славу Пречистыя Богородицы, преимущественно въ праздники Богородичныя ; *тропарною* она именовалась отъ пѣнія тропарей въ продолженіи сего дѣйствія. Св. Ѳеодосій Печерскій дозволялъ въ монастырѣ своемъ три чаши тропарныя, одну во славу І. Христа, другую въ честь Пречистыя Богородицы, а третью за здравіе Князя. Послѣднюю Византійскіе историки называютъ *Σδράβιτζα*, *здравицею*, заздравною чашею. (3) За Царскими столами, въ Москвѣ,

(1) Списокъ Русскимъ памятникамъ. М. 1822, въ 8.

(2) Въ Уставѣ Москов. Патр.; « Въ навечеріи Богоявленія изъ кратира самъ Патріархъ трижды причастился воды и Государю подавалъ. » *Древн. Росс. Вивліоѳ.* VI, 159.

(3) Scyphus mero plenus. *Manuel. Matal.* in Chron. M. S. p. 629.

Патріархъ, при чтеніи канонарха, дѣйствовалъ надъ чашею Пречистыя. (4) И такъ Новгородскій кратиръ, вѣроятно, служилъ такою чашею или употребляемъ былъ для почерпанія св. воды.

Литохромированный здѣсь кратиръ, въ половину натуральной величины, замѣчателенъ по искусству, особенной замысловатости и красивости обронной работы. Въ первомъ мѣстѣ, на внѣшнихъ разграненыхъ стѣнкахъ, представляются изображенія I. Христа, одною рукой благословляющаго, а въ другой держащаго Евангеліе, потомъ Богоматери съ простертыми въ моленіи дланями, далѣе ѡ агиосъ Петръ съ жезломъ и свиткомъ въ рукѣ, и агиа Варвара и и агиа Настасія съ крестами въ рукахъ. Величина фигуръ не превышаетъ шесть головъ. Вокругъ ихъ размѣщены чеканные узоры въ Византійскомъ вкусѣ, состоящіе изъ птицъ и переплетенныхъ между собою листьевъ и цвѣтовъ. Верхъ поддона обнимаетъ бафтъ изъ чеканныхъ костей. По ободку, или вѣнчику простирается надпись, которую мы предлагаемъ по снимку г. Солнцева: піите из нея вси, се ѥсть кровь моя новго завта; потомъ на поддонѣ: ✠ ся сасудъ Петрова.

Судя по первой надписи, сосудъ этотъ долженъ быть служебнымъ потиромъ (*ποτήριον ἅγιον, μυστικὸν*); но самая его форма и названіе показываютъ другое его назначеніе въ священнодѣйствіи, именно то, какое имѣли кратиры. Вѣроятно, малограмотный художникъ снялъ надпись съ какого нибудь древняго потира, на коихъ обыкновенно она изображается; но не забылъ начертать свое имя на днѣ сосуда въ слѣдующей употребительной формулѣ: Гй помози рабоу своемоу Константиноу. Когда дѣлалъ. аминь.

Чтожъ касается до вкладчика Петрова, то намъ не извѣстно его историческое значеніе: о соименномъ же и современномъ ему гостѣ Петровѣ упоминаетъ Нижегородская лѣтопись, въ XV вѣкѣ, что «не было больше «его изъ гостей, что онъ своею казною откупилъ множество плѣнныхъ, «пріобрѣлъ себѣ покупкою вотчины у В. Князя за Кудмою рѣкою, на «рѣчкѣ на Сундованѣ шесть селъ; потомъ переселился въ Москву.» (5) Одно ли это лице, или разныя, рѣшить не можемъ. Изображенные на кратирѣ Святые, безъ сомнѣнія, имѣютъ отношеніе къ семейству соорудителя

(4) Древняя Росс. Вивліоѳика, XI, 183 и 85.
(5) *Карамз.* И. Г. Р. V, пр. 45.

сей утвари; потому что вкладчики не рѣдко на утваряхъ церковныхъ и иконахъ изображали лики тезоименитыхъ себѣ Святыхъ. Хотя въ соборной описи и сказано, что кратиръ сдѣланъ тщаніемъ Архіепископа Евѳимія; но неизвѣстно, котораго: Евѳимія ли, по прозванію *брадатаго*, съ 1423 по 1429 г. или Евѳимія *святаго*, съ 1429 по 1458 годъ; самая на сосудѣ надпись ничего объ этомъ не говоритъ. Другой подобный сему кратиръ пожертвованъ Петриловымъ и женою его Варварою, а дѣланъ Ѳъроломъ Братиловымъ, какъ значится въ самой надписи. И такъ два еще доселѣ неизвѣстныя имени Константина и Флора должны быть внесены въ списокъ Русскихъ художниковъ, гдѣ занимаютъ почетное мѣсто Козьма, Парамша, Шишка, Макаръ и проч.

Письмена на обоихъ сосудахъ сходны между собою, но на послѣднемъ нѣтъ уже буквы ІЕ, встрѣчающейся на первомъ; вмѣсто буквы О и Е, употребленъ Ѣ.

НОВГОРОДСКАЯ ЛАМПАДА.

(Рисунокъ Отд. I. № 46, 47.)

Такъ называемая *лампада Великаго Князя Владимира*, или *свѣчка Великаго Новгорода* хранится въ ризницѣ Софійскаго Новгородскаго собора; въ описи его сказано: «лампада большая, мѣдная, Греческая, сквозная, на верхнемъ обручѣ и вокругъ образа рѣзные Херсонскіе.» Объ ней мимоходомъ упоминаютъ Кеппенъ въ спискѣ Русскихъ Памятниковъ и Аделунгъ въ сочиненіи о Корсунскихъ вратахъ.

Внѣшность ея заслуживаетъ вниманіе по художническимъ орнаментамъ и лицамъ историческимъ.

Обручи или ободы съ поддонами двухъ ярусовъ этого паникадила украшены искусною сквозною рѣзьбой, которая изображаетъ, между лиліями и узорами, Денсуса съ предстоящими ему двумя Архангелами, Апостолами Петромъ и Павломъ, и другими Святыми; въ числѣ ихъ находятся св. Петръ (Петра), св. Василій, два Саввы и Сергій, какъ можно видѣть изъ Славянскихъ надписей у Святыхъ на хартіяхъ, разобранныхъ Г. Солнцевымъ. На верхнемъ и нижнемъ обручахъ вычеканены, въ коймахъ, крылатые центавры съ такими жъ скипетрами и державами, какіе у Архангеловъ; на поддонахъ шестокрылые Херувимы и также центавры.

Подобное смѣшеніе предметовъ христіанскихъ съ языческими, какъ прежде замѣтили мы, допускалось на многихъ памятникахъ не только за-

падной, но и восточной Церкви. Чтожъ касается до стиля сего паникадила, то онъ ближе къ готическому и ломбардскому хотя и слыветъ, подобно другимъ древнимъ памятникамъ искусства въ Россіи, *Корсунскимъ;* можетъ быть, это паникадило сдѣлано подъ вліяніемъ Ганзейскихъ художниковъ.

Кромѣ церковной описи 1804 года, въ письменныхъ памятникахъ не находится свидѣтельствъ, а самая лампада не представляетъ достовѣрныхъ признаковъ, по коимъ можно бы отнести ее ко времени св. Владимира. По недостатку данныхъ, обратимся къ именамъ Святыхъ, здѣсь изображенныхъ, которыя не рѣдко способствуютъ къ приблизительному опредѣленію вѣка и значенія художественныхъ памятниковъ. Между ними замѣтили мы св. Петра въ святительскомъ облаченіи, а Сергія въ одеждѣ преподобнической. Ежели первый не Епископъ Севастійскій, братъ св. Василія Великаго и Григорія Нисскаго, ежели не одинъ изъ Епископовъ Никійскихъ, или Александрійскихъ III вѣка, то долженъ быть св. Петръ Митрополитъ Всероссійскій, прославленный отечественною Церковію въ XIV вѣкѣ. Въ мѣсяцословѣ также не одинъ Преподобный Сергій; ибо Марта 20 празднуется память Преподобнаго Сергія, убіеннаго въ обители св. Саввы отъ Сарацынъ въ VIII вѣкѣ; Іюня 28 Препод. Сергія Валаамскаго XV вѣка; Іюля 5 Препод. Сергія Радонежскаго, котораго св. мощи открыты въ 1427 году. Принявъ святителя за Севастійскаго или Никійскаго Епископа мы поставимъ преданіе на нѣкоторую степень вѣроятности; признавъ же за Преподоб. Сергія одного изъ двухъ послѣднихъ, изображенныхъ на лампадѣ, находимъ преданіе не основательнымъ и должны отнести этотъ памятникъ не ко времени св. Владимира, но къ началу или половинѣ XV вѣка. Тогда уже Великій Новгородъ чествовалъ новоявленныхъ Святыхъ отечественной Церкви, Петра Митрополита и Преподобныхъ Сергія Радонежскаго и Валаамскаго; въ 1414 году во имя перваго сооружена была каменная церковь на вратахъ у святой Софіи. (1)

Самое же названіе Софійской лампады *свѣчкою Великаго Новгорода* даетъ поводъ предполагать, что она была обѣтнымъ его приношеніемъ дому святой Софіи въ память какого либо важнаго событія. Священнымъ же именемъ Владимира преданіе запечатлѣло какъ этотъ, такъ и другіе памятники храмоваго художества, въ знакъ народнаго благоговѣнія къ Равноапо-

(1) Новгородская III лѣтопись.

стольному Князю. Могло случиться, что лампадѣ присвоено названіе Владимировой потому, что она посвящена была Новгородомъ гробу св. благовѣрнаго Князя Владимира Ярославича, въ Софійскомъ соборѣ; ибо самыя граматы, лѣтописи и преданія не рѣдко смѣшиваютъ имена сего Владимира и Владимира Мономаха съ Равноапостольнымъ Владимиромъ.

ЖЕЛѢЗНОЕ НОВГОРОДСКОЕ ПАНИКАДИЛО.

(Рисунокъ Отд. I. № 48.)

Когда, по прибытіи въ Новгородъ Архіепископа Пимена, въ 1558 году, открыты были св. мощи Епископа Новгородскаго Никиты, которыя скрывала могила 450 лѣтъ: тогда Новгородцы, благоговѣйные къ его памяти, устроили къ гробу его желѣзную лампаду, или такъ названную свѣчу. По формѣ своей и знаменованію тверди, она сходствуетъ съ древними хоросами, (coronæ, circuli), (2) какіе употреблялись въ церквахъ и вѣшаемы были предъ св. иконами и мощами; также называется *кандиломъ* (*κανδῆλα*, candela, candelabrum), а отъ многихъ свѣчь — *поликандиломъ,* или *паникадиломъ,* которое вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 12 свѣчь, и тѣмъ разнится отъ перваго. Въ круговой прорѣзной надписи на ней изображено узловатыми вызолоченными словами: Свѣча великаго Новгорода всѣхъ православныхъ хрестьянъ поставлена нокомꙋ чꙋдотворцꙋ Никитѣ а лѣто ҂зѯѕ Апрѣля к а день, при Архіепіскопѣ Пименѣ.

(1) Новгородскія Губерн. Вѣдомости, 1848, N 9.
(2) *Григоровича Барскаго* путешествіе ко св. мѣстамъ, стр. 521.

СЕРЕБРЯНАЯ ДАРОХРАНИТЕЛЬНИЦА.

(Рисунокъ Отд. I. № 49, 50, 51, 52.)

О значеніи дарохранительницъ, или правильнѣе сказать, Сіоновъ и Іерусалимовъ, упомянуто въ предыдущихъ статьяхъ о подобныхъ утваряхъ въ соборныхъ церквахъ Новгорода и Москвы. Чтожъ касается до древности этого Новгородскаго Сіона, то, кромѣ стиля чеканной и рѣзной работы, ни надписи, ни мѣстныя описи, ни преданія ничего о немъ не сообщаютъ. На кровлѣ его вычеканены поясныя изображенія Деисуса: т. е. Спасителя, съ девятью чинами, въ вѣнцѣ, одною рукой благословляющаго двуперстнымъ сложеніемъ, а въ другой держащаго Евангеліе; Богоматери и Предтечи въ моленіи; Архангеловъ Михаила и Гавріила съ жезлами въ рукѣ и ,, о агїω вални̑,, (Василія) въ фелони и омофорѣ. Если это дѣйствительно св. Василій Великій: то онъ помѣщенъ здѣсь, какъ составитель Литургіи, или какъ тезоименитый св. Василію Архіепископу Новгородскому, который устроилъ въ Софійскомъ соборѣ мѣдныя, вызолоченыя двери и въ 1338 г. велѣлъ Гречину Исаакію росписать каменную церковь Входъ во Іерусалимъ. На корпусѣ этого Іерусалима вычеканены во весь ростъ св. Евангелисты Лука, Іоаннъ, Матѳѣй и Марко въ одинакихъ одеждахъ, съ Евангеліями въ рукахъ, а другіе семь Апостоловъ съ свитками, только Петръ съ тремя ключами въ одной рукѣ, а въ другой съ жезломъ, который увѣнчанъ крестомъ, утвержденнымъ на полумѣсяцѣ. Очевидно, что художникъ въ изображеніи лицъ подражалъ Византійскимъ образцамъ; самыя надписи, начертанныя от-

вѣсно, состоятъ изъ смѣси греческихъ буквъ съ славянскими, напр. о Агиос Петрос о Агиос Павлъ, *Іω̃ προδρο* т. е. *Ιωάννης προδρόμος*, Іоаннъ Предтеча. При нѣкоторыхъ поставлены въ концѣ четыре точки, крестообразно расположенныя, и змѣевидная фигура. Столбики, или правильнѣе, полуколонки, служащія опорами полукруглымъ теремкамъ, такъ равно и другія вычурныя украшенія носятъ на себѣ печать Византійскаго стиля и сходствуютъ съ подобными памятниками XV и XVI вѣковъ. Четвероконечный крестъ, осѣняющій верхъ этого Сіона, имѣетъ на концахъ репьи и шесть яблокъ; онъ утверждается на стоянцѣ, или подсвѣчникѣ съ Херувимами.

ДАРОХРАНИТЕЛЬНИЦА.

(Рисунокъ Отд. I. № 53.)

Дарохранительница сія серебряная, вызолоченная, формою своей сходствуетъ съ подобною утварью, описанною подъ N 49; но разнится тѣмъ, что на верху ея, образа замѣняются репейками изъ самоцвѣтныхъ каменьевъ. Между столбиками нѣтъ перегородокъ и дверцы, какія находятся на первой. На исподней части купола вырѣзанъ четвероконечный крестъ съ изображеніемъ Спасителя на средокрестіи; на концахъ его четыре репейка; на полѣ означенъ вѣсъ: 15 *гривенокъ.* Хотя утварь сія, находящаяся въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, попорчена и мѣстами передѣлана; но еще сохраняетъ типъ своей древности, по видимому, восходящей до XV столѣтія.

ПАНАГІЯ АРТОСНАЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 54, 55, 56, 57, 58.)

Утварь сія названа въ надписи на рисункѣ и въ соборной описи, какъ увидимъ, *артосною*. Артосъ (*ἄρτος*, квасной хлѣбъ), особенною молитвой освященный въ день св. Пасхи, раздается народу въ субботу на свѣтлой седмицѣ; (1) но хлѣбъ, влагаемый въ панагію, есть богородичный. Чтожъ касается до *Панагіи*, *παναγία*, или всесвятой, пресвятой, т. е. Богородицы, то подъ ея названіемъ разумѣется не только троеугольная частица благословеннаго хлѣба, посвященная имени Пречистыя и Пресвятыя Богородицы, но и складный раковинообразный ковчежецъ, вмѣщавшій въ себѣ сію частицу (*παναγιάριον*, ciborium), какой здѣсь изображенъ. За столомъ она возносилась съ молитвословіемъ и, по раздробленіи ея, вкушаема была присутствовавшими. Для такого дѣйствія въ Уставѣ церковномъ положенъ особенный чинъ, (2) донынѣ исполняемый въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и пустыняхъ. При Византійскомъ дворѣ, какъ свидѣтельствуетъ намъ Кодинъ, этотъ обрядъ былъ торжественнѣйшій. «По снятіи кушанья со стола,» говоритъ онъ, «когда Доместикъ приноситъ хлѣбъ въ панагіарѣ (на блюдѣ, покрытомъ «пеленою, съ изображеніемъ Пресвят. Богородицы), тогда Императоръ

(1) см. Послѣдованіе Артоса въ Пентикостаріи въ Тріодѣ цвѣтной, л. 15 и 16.
(2) Чинъ возношенія Панагіи въ Слѣдованной Псалтыри.

« встаетъ; потомъ первѣйшій изъ сидящихъ за столомъ, принявъ панагі-« аръ, ставитъ его на трапезу, и возвысивъ хлѣбъ, подаетъ его чрезъ До-« местика Императору. Какъ только Императоръ приложитъ къ устамъ « этотъ хлѣбъ, всѣ возглашаютъ ему *многая лѣта.* » (3) Подражаніе этому обряду встрѣчаемъ и при Россійскомъ дворѣ въ XVII столѣтіи. Такъ на родильные Царскіе столы несли предъ Патріархомъ панагіаръ, на коемъ онъ возносилъ богородичный хлѣбъ по уставу. (4) Хлѣбъ сей возвышаемъ былъ не только за трапезою, какъ значится изъ толкованія Сѵмеона Солунскаго, но и во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ жизни, если кто « хо-« четъ отъити на службу, или въ путь шествовати, или по водамъ плавати, « во всѣхъ нашихъ требахъ и обстояніяхъ помощницу тую и хранитель-« ницу сущую твердѣйшую призываемъ и множайшую получаемъ отъ воз-« ношенія хлѣба сего помощь. » (5) О значеніи, данномъ въ послѣдствіи панагіи, какъ высокому отличію Духовенства, сказано въ своемъ мѣстѣ. (4) Панагія же, вмѣщавшая богородичный хлѣбъ, для различія отъ наперсной, именовалась *столовою, трапезною*, иногда *артосною*, *ἀρτοφορίον*, принимая Артосъ въ общемъ его знаменованіи. Изображенная здѣсь на рисункѣ въ церковной описи Новгородскаго Софійскаго собора 1804 года такъ обозначена: « Подъ N 875 панагія артосная, серебряная, золоченая, « внутри вырѣзана Троица съ Воплощеніемъ, на верху крышки въ кругѣ « Вознесеніе вольящатое, т. е. литое. По краямъ скань золочена, а подъ « панагіею четыре Ангела литые, золоченые, поддонъ на литыхъ львахъ « поддѣланъ мѣдью, мѣстами поломано; вѣсу въ ней съ мѣдью одиннад-« цать фунтовъ. » Воплощеніемъ въ описи названъ образъ Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, обыкновенно именуемый Знаменіемъ Пресвятыя Богородицы; вокругъ ея по краямъ вырѣзанъ ирмосъ: Честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую во истинну серафимъ, безъ истлѣнія Бога слова рождшую, сущую Бцу тя величаемъ. Складной ковчегъ влагается сверху въ стоянецъ, поддерживаемый съ четырехъ сторонъ четырьмя литыми Ангелами; они попираютъ львовъ, которые, одинъ у другаго держа въ зубахъ хвостъ, такимъ образомъ соединяются. Изъ этой купы фигуръ слагается цѣлое—сто-

(3) *Codinus* de officiis Curiæ et Ecclesiæ Constantinop. VII, 23.
(4) см. ниже о панагіяхъ Патріаршихъ.
(5) Древняя Росс. Вивліоѳика, XI, 185 и 87
(6) Новая Скрижаль. изд. 4, М. 1816, въ 4.

янецъ для панагіи. Круглый поддонъ по верхнему ободку увѣнчанъ фризомъ изъ цвѣтовъ.

О времени и мѣстѣ сооруженія этой панагіи, равно и о сорудителѣ свидѣтельствуетъ намъ самая на ней надпись:

✠ Въ лѣто ѕ҃ нов. д҃. сотное. м҃ д҃е (7) индикта д҃і мц҃а семт҃ебря д҃і дн҃ь на въздвиженье чт҃наго кр҃та створена бысть понагиа си. повелѣньемь пресв҃щнного Архиеп҃кпа великогω Новагорода влдц҃и Еоудимиа при великомъ кн҃зѣ Васильѣ Васильевичѣ всеа Роуси. при кн҃зѣ Юрьѣ Лоугвеньевичѣ. при посадникѣ великог Новагород Борисѣ Юрьевичѣ. при тысацкомъ Дмитреѣ Васильевичѣ. а мастеръ Иванъ Арипъ.

Здѣсь намъ представляются власти духовная и гражданская великаго Новгорода: Великій Князь, Новгородскій Князь, Посадникъ, Тысяцкой и, сверхъ того, самый мастеръ.

Не касаясь В. К. Василія Темнаго, довольно извѣстнаго изъ отечественной Исторіи, скажемъ о прочихъ лицахъ, по ближайшему ихъ отношенію къ Исторіи Великаго Новгорода и къ одному изъ памятниковъ его художества.

Литовскій Князь Юрій Семеновичь, Лугвеньевичь, или Лугвеньевъ съ женою своей переѣхалъ въ Новгородъ 1433 года. Пробывъ тамъ около семи лѣтъ, онъ отправился въ Литву, гдѣ Великій Князь Казимиръ Ягайловичь далъ ему свою отчину: Мстиславль, Кравчевъ и другія волости. « Онъ же « возгордясь, засяде Смоленскъ и Полотескъ и Витепскъ, и бяше ему не « полезно, и людемъ мятежъ велій и брань; » по сему онъ того же лѣта удалился въ Москву. (8)

Въ Исторіи Новгорода Евфимій II достопамятенъ не только архипастырскими подвигами, но и сооруженіемъ многихъ каменныхъ церквей и палатъ, поставленіемъ звонящихъ часовъ. По свидѣтельству I Софійскаго лѣтописца, « онъ устрои сосуды церковные служебные и иные сосуды на потребу « церквей. » Къ этому числу отнести можно и описываемую нами панагію, которая показываетъ, на какой степени стояло художество въ добровольномъ Новгородѣ подъ вліяніемъ Ганзейскихъ мастеровъ. Этотъ Архіепископъ, причтенный къ лику Святыхъ, правилъ Епархіей Новгородской съ 1429 по 1458 годъ.

(7) (6944 — 1436)
(8) *Татищева* Истор. Росс. Спб. 1784, IV, 510, 540 и 41.

Новгородскій Посадникъ Борисъ Юрьевичь встрѣчается и въ Новгородскомъ лѣтописцѣ. (9) Имя его на панагіи служитъ къ опредѣленію времени, когда онъ занималъ эту должность.

Дмитрій Васильевичь, какъ Тысяцкой, т. е. военачальникъ въ городѣ, занималъ второе мѣсто послѣ Посадника, какъ Намѣстника.

Наконецъ мастеръ Иванъ Арипъ, дотолѣ нигдѣ не попадавшійся намъ въ письменныхъ памятникахъ, долженъ быть иностранецъ, одинъ изъ Ганзейскихъ мастеровъ. У Дюканжа въ Словарѣ среднелатин. Aripus значитъ сабля. Но имя это встрѣчается намъ и въ половинѣ XVIII столѣтія. Такъ называемая Запорожская Библія въ 1743 году обдѣлана и украшена зо-« лотыхъ дѣлъ мастеромъ Арипомъ. Если онъ былъ потомокъ Новгородскаго « Арипа, жившаго предъ нимъ за три вѣка, какъ замѣчаетъ Академикъ Кеп-« пенъ, то можетъ статься, что, въ продолженіе всего этого времени, ма-« стерство переходило отъ отца къ сыну и тогда у насъ встрѣчаемъ мы нѣ-« которымъ образомъ тоже, что иностранцы называютъ Künstlerfamilien.» Какъ I Новгородская лѣтопись упоминаетъ о Нѣмецкихъ и Новгородскихъ мастерахъ, которые приводили въ исполненіе благочестивыя желанія Владыки Новгородскаго: то къ числу первыхъ принадлежалъ и Арипъ, современникъ Ѳлора Братилова и Константина, золотыхъ дѣлъ мастеровъ.

(9) Списокъ Русскимъ памятникамъ. М, 1822, въ 8.

СТАРИННЫЯ ЛАМПАДЫ,

КАЛИТА И ТРУБА ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА.

(Рисунокъ Отд. I. № 59.)

Первыя хранятся въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ уѣзднаго города Александрова, а остальныя въ Печерскомъ монастырѣ близъ Пскова.

Лампады сіи изъ мѣди и серебра, разной формы, какъ значится на рисункѣ; кромѣ стиля и преданія, ничто не опредѣляетъ ихъ древности.

Калита, давшая прозваніе Великому Князю Московскому Іоанну I, есть слово татарское, значущее суму, кошелекъ на поясѣ; оно встрѣчается въ духовныхъ грамотахъ Великихъ Князей. (1) Калита Іоанна IV устроена изъ красной камки съ серебряными вызолочеными бляшками. Сходный съ нею кошелекъ находится въ собраніи древностей у П. Ѳ. Карабанова. По видимому, набожный Царь оставилъ эту калиту на память въ любимой имъ Псково-Печерской обители, которой не могъ взять Стефанъ Баторій и которая многократно и доблественно выдерживала сильныя нападенія и осады Лифляндскихъ рыцарей. (2)

Мѣдная вызолоченая труба, безъ сомнѣнія, есть одинъ изъ трофеевъ войны Русскихъ съ Лифляндцами и Поляками. На краяхъ ея вырѣзана слѣд. надпись: HANNS HUPSCMAN NURMKEK. 16. V. T. 45.

(1) см. Собраніе Государств. грамотъ, I, N 34 «поясъ золотъ съ калитою.»
(2) Исторія Княжества Псковскаго, соч. *М. Евгенія.* ч. I, Кіевъ, 1831, въ 12.

СІОНЫ.

(Рисунокъ Отд. I. № 60.)

Сіонами, или церковными Іерусалимами назывались ковчеги, имѣющіе подобіе церкви. Происхожденіе и подлинное ихъ значеніе въ богослуженіи намъ мало извѣстно. Въ лѣтописи читаемъ, что въ 1160 году Суздальскій Князь Андрей Боголюбскій во Владимирскій соборъ устроилъ церковный златый Іерусалимъ, украшенный драгоцѣнными камнями. (1) Въ соборныхъ церквахъ Кіева, Новгорода, Пскова, Владимира и Москвы такіе Іерусалимы выносимы были во время Архіерейскаго служенія, на маломъ выходѣ предъ Евангеліемъ и на великомъ выходѣ, вмѣсто митры, (2) также въ крестныхъ ходахъ, и ставились на престолѣ въ алтарѣ. (3) Наконецъ въ древнихъ требникахъ Римско-Католической Церкви, между прочими утварями упоминается Сіонъ (Sion, Sium), который носилъ Епископъ, вмѣсто знамени. (4) Въ пѣснопѣніяхъ Восточной православной Церкви Сіонъ иногда принимается въ смыслѣ Іерусалимской Церкви, какъ напр. въ стихирахъ 8 гласа: «Радуйся, Сіоне святый.» По сему такой ковчегъ называется въ старыхъ описяхъ то *Сіономъ,* то *Іерусалимомъ.* Самая Церковь

(1) *Карамз.* И. Г. Р. III, пр. 27.
(2) Описаніе Новгор. Соф. собора въ *Новгор. Губ. Вѣдом.* 1848, N. 9.
(3) Древн. Росс. Вивліоѳика. т. X, 169.
(4) *Ducangii* Glossarium med. et inf. Latinitatis, v. *Sion.*

Христова въ книгахъ Новаго Завѣта именуется *высшимъ* и *новымъ Іерусалимомъ*, а подъ названіемъ горы Сіонъ разумѣется Церковь торжествующая. По сказанію г. Муравьева, Соборнымъ храмамъ Успенія Богоматери въ Грузіи дается названіе *Сіоновъ* потому, что Владычица міра преставилась на горѣ Сіонѣ (5). (6) Два Сіона, хранящіеся въ ризницѣ Московскаго Успенскаго Собора, внѣшностію своей представляютъ модель церквей круглыхъ и квадратныхъ, одноглавыхъ и пятиглавыхъ, какія сооружались тогда въ Россіи согласно съ Византійскими первообразами.

Утвари сіи серебряныя, вызолоченыя, съ чернью. Названная въ описи 1616 года, *большимъ Сіономъ*, вышиною 1 арш. и 3$\frac{1}{2}$ вершка, шириною 11 вершковъ, вѣсомъ 1 пудъ 11 ф. и 7 зол.; она имѣетъ видъ круглой пятиглавой церкви, обставленной вычеканенными рельефно изображеніями XII Апостоловъ съ надписаніемъ ихъ именъ; та половинка между столбиками, на коей изображенъ св. Апостолъ Петръ съ ключемъ въ рукѣ, служитъ дверцою во внутренность, гдѣ только желѣзный стержень по срединѣ утверждается вверху на желѣзныхъ связяхъ. Верхъ этого храма состоитъ изъ тройныхъ теремковъ, выступающихъ одни изъ другихъ и, какъ подобіе Голгоѳы, служащихъ подножіемъ шейкѣ съ главою, которая увѣнчана четвероконечнымъ крестомъ. На теремкахъ, или закомарахъ вычеканены четыре Пророка, окруженные крылатыми звѣрями; рѣшетки въ окнахъ шейки или трибуна состоятъ изъ свившихся змѣй. На чешуйчатой главѣ наведены чернью личинки людей, птицъ, звѣрей. Двухъ малыхъ главъ недостаетъ въ соотвѣтственность двумъ другимъ.

О времени и мѣстѣ устроенія этой утвари свидѣтельствуетъ намъ слѣдующая надпись, начертанная на обратной сторонѣ дверцы: в лѣто ҂ѕцчд сдѣланъ бысть си Ꙇ҇рсалимъ повелѣнїемъ благовѣрнаго ї Христолюбивого великаго Князя Ивана Васильевича Господаря всея Руси въ к҃е лѣто господарьства. въ церковь Успенїя Пречистыя ї ко гробу Чудотворца Петра на Москвѣ.

Къ желѣзному поддону этого ковчега придѣланы ручки для ношенія.

Другой Іерусалимъ, по описи *малый Сіонъ*, изображаетъ подобіе одноглавой квадратной церкви, вышиною 12 вершковъ, а шириною 5 верш-

(5) Грузія и Арменія, ч. I, 50. Спб. 1848, въ 12.
(6) *Галат. Посл.* IV, 26. *Апокалипс.* XXI, 2 и 3.

ковъ; вѣсу въ немъ 11 ф. 67 зол. Четыре стороны этой церкви украшены чеканными ликами І. Христа съ Богоматерью и Предтечею, четырехъ Евангелистовъ и Апостоловъ Петра, Павла, Іакова, Сімона и Андрея, по большей части, съ книгами въ рукахъ, какъ знаменіями ихъ посланія.

Верхъ храма состоитъ изъ тройныхъ теремковъ, въ коихъ вычеканены поясныя изображенія 36 Ангеловъ. Надъ теремками еще видны четыре головы съ вѣнцами, вѣроятно, Евангелистовъ. На шейкѣ съ рѣшетчатыми окнами возвышается чешуйчатая глава, осѣненная осмиконечнымъ крестомъ. Дверцы во внутренность этого Сіона нѣтъ. Надъ карнизомъ идетъ слѣдующая подпись: в лѣто ҂ѕччд сдѣлан быстъ си Ерусалим повелѣніемъ благовѣрнаго і Христолюбивого великаго Княѕя Ивана Васильевича Господаря всея Руси в ке лѣто господарства его. в цркова Успенія Прчтыя и ко гробу чудотворца Петра на Москвѣ.

Сооруженіе сихъ Іерусалимовъ относится къ 1486 году, ознаменованному покореніемъ Тверскаго Княжества Московскому Государству и возвращеніемъ Всероссійскаго Митрополита Геронтія на свой престолъ. Судя по стилю памятника и надписямъ это дѣло Московское.

КОВЧЕГЪ СЕРЕБРЯНЫЙ
ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОБОРѢ.

(Рисунокъ Отд. I. № 61.)

Дарохранительница сія, или ковчегъ замѣчателенъ не столько вычурностію и затѣйливостью работы, драгоцѣнностію украшеній, какою отличаются древнія утвари, сколько простотою стиля и знаменитостію вѣнценоснаго вкладчика, если только можно заключить объ этомъ изъ словъ самой надписи: « Сія святая скинія содѣлана въ Архангельскій соборъ, что в царствующемъ великомъ градѣ, при державѣ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра. » Хотя скинія эта имѣетъ видъ гробницы съ крышкой; однако она, подобно церкви, увѣнчана тремя главами. На лицевой сторонѣ вырѣзана Тайная Вечеря, надъ коею читаемъ: Вечери Твоея Тайныя, а на обратной Херувимъ.

СТАРИННАЯ ЛАДАННИЦА.

(Рисунокъ Отд. I. № 62, 63.)

Мѣдное ладанохранилище сіе, подобно другимъ ладанницамъ и св. утварямъ, представляетъ пятиглавую церковь, увѣнчанную осмиконечными крестами; на одномъ изъ нихъ литое распятіе. На нижней ея части, въ узорочной каймѣ изображены левики; съ двухъ сторонъ карнизъ замѣненъ слѣдующею надписью, снятою нами съ рисунка г. Солнцева: Преѡбраженїа Гда Бга и Спаса нашегѡ Їнса Хрста въ Старицкой соборъ въ монастырѣ їнокъ Ѳеѡгностъ Їѡсифова монастыря. Въ соборномъ служеніи такая ладанница, подобно Сіонамъ, или Іерусалимамъ, выносима была на маломъ и великомъ выходахъ.

ЛАДАННИЦА.

(Рисунокъ Отд. I. № 64, 65.)

Принадлежностью къ кадилу была изображенная здѣсь ладанница (arcula thuraria), которую носилъ діаконъ и архидіаконъ на маломъ и великомъ выходѣ, какъ видно на старинныхъ образахъ. Св. Архидіаконы Стефанъ, Лаврентій и Евплъ иногда изображаются на алтарныхъ дверяхъ церкви, съ ладанницею въ лѣвой рукѣ и съ кадиломъ въ правой, какъ знаменіями своего служенія.

Представленная здѣсь на эстампѣ серебряная ладанница имѣетъ подобіе шатроваго храма, утвержденнаго на подножіи; внѣшнія ея стѣнки украшены изображеніями разныхъ Святыхъ съ ихъ утварями. Узорочность орнаментовъ и отдѣлка обнаруживаютъ замысловатость и ловкость художника, а стиль вообще сего памятника свидѣтельствуетъ о древности его. На краю вырѣзано: д҃ гривеньнги м҃к спол. Сходная съ нею ладанница XVII вѣка въ Новоспасскомъ монастырѣ содержитъ въ себѣ два помѣщенія, одно для ладана, другое для темьяна, или ѳиміана, который въ чинѣ освященія церквей также называется *воскомастикою* отъ соединенія воска съ мастикою и ладаномъ. (1)

(1) см. Акты Археограф. Экспедиціи, III, 191.

ЗОЛОТОЙ ПОТИРЪ

ЦАРЯ ѲЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

(*Рисунокъ Отд. I. № 66.*)

Потиръ этотъ, вышиною 8 вершковъ $\frac{3}{4}$, съ дискосомъ, лжицею и копіемъ, изъ чистаго золота, украшенъ крупными изумрудами и яхонтами; на чашѣ, кромѣ надписанія словъ Спасителя у *Матѳ.* XXVI, 27, *Марка* XIV, 23 и *Луки* XXII, 20, наведены финифтью поясныя изображенія Деисуса, замѣчательныя искусствомъ работы, такъ какъ и въ шести клеймахъ на поддонѣ изображенія страстей Христовыхъ.

Вѣсомъ потиръ сей съ приборомъ 30 фунтовъ, 58 золотниковъ.

О времени устроенія сей драгоцѣнной утвари свидѣтельствуетъ слѣд. на ней надпись: Повелѣніемъ Великого Гдаря Цря и Великого Князя Ѳеѡдора Алексѣевича всея великія и малыя Россіи и бѣлыя Самодержца сіи сосуды златыя построены къ соборную Церковь Успенія Пресвятыя Бцы в лѣто ҂зрпи (1680)

ЗВѢЗДИЦА И ТАРЕЛОЧКА ЗОЛОТЫЯ И ЛОЖКА КОСТЯНАЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 67.)

Въ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора Звѣздица (ἀστερίσκος) покрывающая дискосъ, богата по металлу и по украшеніямъ финифтью и драгоцѣнными камнями. Состоя изъ четырехъ луковъ, между коими четыре луча, она образуетъ осмиконечную звѣзду, подобіе небеснаго свѣтила, путеводившаго Волхвовъ въ Виѳлеемъ. (1) На ней читаемъ слѣд. надпись: « лѣта ҂з҃ч҃г (1585) мѣсяца іюлія въ и҃ день сдѣлана бысть сія звѣзда въ соборную и апостольскую церковь Пречистыя Богородицы честнагѡ и славнагѡ ея Успенія, при благовѣрномъ Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, повелѣніемъ Господина Преосвященнаго Діонисія, Митрополита всея Росіи. »

Къ ней принадлежатъ два золотыя блюдца, которыя называются у Грековъ λόγχαι, у Римлянъ patinæ, patenæ. На одномъ наведенъ финифтью осмиконечный крестъ на Голгоѳѣ, съ терновымъ вѣнцемъ на средокрестіи и съ надписью по краямъ: « Кресту твоему покланяемся Владыко » и пр. а на другомъ — Воплощеніе въ видѣ Знаменія Богоматери и съ надписью вокругъ: « Все упованіе мое къ Тебѣ возлагаю, Мати Божія, сохрани мя во Своемъ ти кровѣ. »

Края обоихъ блюдцевъ усажены изумрудами и яхонтами въ гнѣздахъ.

(1) Истор. догмат. и таинств. изъясненія на Литургію, изд. 2. М. 1818, въ 4.

Наконецъ на этомъ же рисункѣ представлена ложка изъ рыбьей кости, принадлежавшая, по преданію, Первосвятителю Московскому Петру; но въ соборной описи 1628 г. она названа лжицею св. Іоны Митрополита. Въ соборной же описи 1627 года упомянута: « ложка костяная, на кольцѣ, обложена серебромъ лжичка и ворворка низана жемчугомъ. » По видимому, лжица сія принадлежитъ къ келейной, а не къ церковной утвари.

АНТОНІЕВЫ СОСУДЫ.

(Рисунокъ Отд. I. № 68.)

У этого потира чаша, рукоятіе и поддонъ изъ празеленой яшмы; вся поверхность его усѣяна гранеными изумрудами, лазоревыми и червчатыми яхонтами въ гнѣздахъ съ золотыми листочками, врѣзанными въ яшму, подобно яшмовой братинѣ, съ такою же нарѣзкой, въ Московской Оружейной Палатѣ. Съ обѣихъ сторонъ чаши, на золотыхъ плащахъ финифтяныя изображенія Пресвятой Троицы и четверочастный крестъ съ копіемъ, тростію и слѣдующими монограммами: IC. XP. NK. ФП. ФП. ТК. ПР., а по вѣнцу чаши наведены золотомъ слова I. Христа: ✠ *ΠΙΕΤΕ ΕΞ ΑΥΤΟΥ ΠΑΝΤΕΣ* ✠ т. е. «Піите изъ нея вси.» Какъ граненые камни и золотая нарѣзка, такъ равно и плащи съ финифтью наложены въ послѣдствіи на этотъ потиръ, который въ Россіи находится уже болѣе семи вѣковъ.

По описи соборной 1627 г. назначена цѣна сему потиру 451 рубль, 6 алтынъ и 4 деньги.

Къ нему принадлежатъ лжица изъ агата съ серебрянымъ стеблемъ, дискосъ изъ празеленой яшмы въ золотой оправѣ, на подобіе блюдца съ мусійнымъ изображеніемъ Предвѣчнаго Младенца подъ звѣздою на дискосѣ, между четырьмя четвероконечными крестами. На двухъ дугахъ или лукахъ золотой звѣздицы вырѣзаны слѣдующія слова побѣдной пѣсни Тріѵпостасному Богу, возносимой на Литургіи: ✠ *ΤΟΝ ΕΠΙΝΙΚΙΟΝ ΥΜΝΟΝ ΙΑΔΟΝΤΑ ΒΟΩΝΤΑ ΚΕΚΡΑΓΟΤΑ ΚΑΙ ΛΕΓΟΝΤΑ: ΑΓΙΟΣ, ΑΓΙΟΣ, ΑΓΙΟΣ.* т. е. τον ἐπινίκιον ὕμνον: ᾄδοντα, βοῶντα,

κεκραγότα καὶ λέγοντα: ἅγιον и пр. поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще: Святъ, святъ, святъ.

Подобныя надписи Греческія и Славянскія обыкновенно встрѣчаются на потирахъ (*ποτήρια*, calices eucharistici), кои означаютъ не только такую чашу, но даже другіе сосуды, изъ коихъ вкушали пречистую кровь причастники Тайной Вечери. На древнихъ иконахъ Іисусъ Христосъ изображенъ причащающимъ Апостоловъ изъ узкогорлаго сосуда, похожаго на алавастръ. Въ отличіе потира отъ обыкновенной посуды называютъ его *святымъ*, (*ἅγιον*) *царственнымъ*, (*βασιλικὸν*) *спасительнымъ* (*σωτήριον*) и т. д.

Такіе потиры дѣлаемы были, по принятой Церковію формѣ и изъ опредѣленнаго къ тому вещества, особенно изъ хрусталя или дерева, (1) также изъ благородныхъ металловъ, золота и серебра. Древній хрустальный потиръ хранится въ ризницѣ Успенскаго собора, а деревянные сосуды Преп. Сергія и Никона въ ризницѣ Троицко-Сергіевой Лавры. (2) Св. Іоаннъ Златоустъ въ 51 Бес. на Матѳея упоминаетъ о *ποτήριον χρυσοῦν καὶ λιθοκόλλητον*. Самоцвѣтные камни агатъ и яшма употребляемы были въ Христіанской Церкви на служебные сосуды, къ которымъ относятся и описываемые нами, извѣстные подъ именемъ *Антоніевыхъ*. Въ запискахъ Новгородскаго Антоніева монастыря означено, что « сосуды его были яшмовые, сердоликовые и хрустальные.» Всѣ эти три сосуда донынѣ хранятся въ ризницѣ М. Успенскаго собора. (3)

Названіе свое получили они отъ св. Антонія Римлянина, игумена одного изъ первыхъ монастырей въ Новгородѣ. По сказанію Пролога, положивъ эту драгоцѣнную утварь въ бочку, онъ пустилъ ее въ море, откуда она приплыла въ Волховъ; тамъ рыбаки вытащили ее сѣтью близъ того мѣста, гдѣ нынѣ Антоніевъ монастырь; а самъ Антоній приплылъ чудеснымъ образомъ на камнѣ, который вдѣланъ въ стѣну паперти монастырскаго собора. (4) Въ княженіе Мстислава Владиміровича Мономаха, Римскій выходецъ Антоній поселился въ Новгородѣ, гдѣ основалъ и монастырь 1106 г. Великій Новгородъ чтилъ эти сосуды, какъ святыню отечественную; но Царь Иванъ Васильевичь, по приведеніи его на всю свою волю, взялъ ихъ въ Москву

(1) Handbuch der christlichen Archæologie von D. S C. *Augusti*, III, Leipz. 1837.
(2) и въ другихъ церквахъ. См. Русская старина, сост. *И. Снегиревымъ*, т. IV, V и VI.
(3) Исторія Росс. Іерархіи. III, 126.
(4) *Карамз.* И. Г. Р. II, пр 210.

и посвятилъ Дому Пресвятой Богородицы вмѣстѣ съ другими Новгородскими святынями.

Сперва Антоніевы сосуды хранились въ Патріаршей ризницѣ, а теперь украшаютъ ризницу Успенскаго собора.

Они употреблялись при торжественнѣйшихъ служеніяхъ. Такъ при вѣнчаніи на царство Ѳеодора Алексіевича 1676 года, Патріархъ Іоакимъ изъ большаго Антоніева потира положа въ кристальный Пречистой крови Христовой, подалъ вкусить Государю. (5) На соборѣ противъ раскольниковъ 1682 г. въ Грановитой Палатѣ подъ предсѣдательствомъ Царевны Софіи, сей же Патріархъ представлялъ имъ Антоніевы сосуды въ доказательство древности четверочастнаго креста, на нихъ изображеннаго. (6)

(5) Древняя Росс. Вивліоѳика, XI, 191.
(6) Описаніе Стрѣлецк. бунта очевидцемъ,современ. рукопись въ библіот. И. Н. Царскаго, въ 12.

СТАРИННОЕ ПАНИКАДИЛО

ТЕРЕМНОЙ ЦЕРКВИ.

(Рисунокъ Отд. I. № 69.)

Это мѣдное и вызолоченое паникадило въ три яруса; его перья съ шандалами обвиваютъ матицу на подобіе цвѣтовъ. Верхъ ея увѣнчанъ осмиконечнымъ крестомъ, а низъ оканчивается мѣднымъ глобусомъ; къ нему прежде привѣшено было строфокамиловое яице, коему Максимъ Грекъ въ своихъ сочиненіяхъ даетъ символическое значеніе. Соразмѣрное въ частяхъ и красивое въ цѣломъ паникадило это виситъ предъ алтаремъ въ кремлевской церкви Словущаго Воскресенія. По сравненіи его съ другими паникадилами XVII столѣтія, украшающими Московскія церкви, можно заключать, что оно имъ современно.

СТАРИННОЕ МѢДНОЕ ПАНИКАДИЛО.

(Рисунокъ Отд. I. № 70.)

Паникадило это виситъ предъ древнимъ алтарнымъ иконостасомъ въ верхнемъ придѣлѣ Московскаго Благовѣщенскаго собора, не во имя св. Іоанна Богослова, какъ сказано въ надписи на рисункѣ, но въ честь Входа во Іерусалимъ.

Оно изъ желтой мѣди, прежде позолоченой. Главныя части его литыя, а прочія кованыя и чеканныя. На матицѣ его утвержденъ осмиконечный крестъ, а глобусъ оканчивается звѣриною головой, съ отверстою пастью : по видимому, это, голова дельфина ; потому что дельфинъ, по сказанію Григорія Великаго, служилъ употребительнѣйшимъ символомъ въ Церкви, какъ намѣкъ на плавателей и на корабль ; посему даже и свѣтильники церковные назывались delphini. (1) Прекрасно выдѣланные шандалы утверждены на перьяхъ, перевитыхъ виноградными листьями. Осмиконечный крестъ, вѣнчающій верхъ матицы, кажется, послѣ придѣланъ, соотвѣтственно назначенію сего многосвѣтильника въ Православной Церкви. Легкость и красивость рисунка, чистота и ловкость работы, отличая это паникадило отъ прочихъ XVII вѣка, дѣланныхъ Дмитріемъ Сверчковымъ и Иваномъ Григорьевымъ съ товарищи, даютъ поводъ предполагать, что оно произведено иностранными мастерами, каковъ былъ Голландецъ Госсомъ, (2) украсившій паникадилами

(1) *Gregori magni* Epist. I, 66.
(2) Расходная книга по Патріарш. приказу, 7162 (1644 г.) N 32. « Иноземецъ Голландскія земли Нѣмецъ Иванъ Госсомъ дѣлалъ восемь паникадилъ. »

нѣкоторые кремлевскіе храмы при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, или вывезено сыномъ его Алексіемъ изъ Литвы въ числѣ военной добычи.

Въ Восточной и Западной Церквахъ издревле находились такія паникадила, извѣстныя подъ именемъ: coronæ, Kronleuchter, phara, cabatæ, canthara, pharacanthara, λύχνοι. (3) Такъ какъ онѣ служили украшеніемъ и вмѣстѣ освѣщеніемъ храма, то Россійскіе Государи давали ихъ вкладомъ въ разныя церкви, ознаменовывая даръ этотъ гербомъ, который короновалъ ихъ матицу. Устроенныя же доброохотными дателями и Святителями въ XVII вѣкѣ, были съ осмиконечнымъ крестомъ на верху матицы. Одно изъ огромнѣйшихъ и богатѣйшихъ паникадилъ пожертвовано въ М. Успенскій соборъ бояриномъ Морозовымъ, въ 1660 году; оно было о шести ярусахъ со многими шандалами, во 113 пудъ и 1 фунтъ. На позолоту его употреблено 2000 червонцевъ и столько же заплачено за работу иностранному мастеру. Въ 1812 году оно похищено непріятелями.

(3) Handbuch der christlichen Archæologie, von *D. I. C. Augusti*, III B. Leipz. 1837, in-8.

ТРИ СТАРИННЫЕ ПОДСВѢЧНИКА.

(Рисунокъ Отд. I. № 71.)

Два изъ нихъ мѣдные, находятся въ кремлевской церкви Рождества Богородицы, что на сѣняхъ. Одинъ поставной предъ мѣстными иконами, а другой — выносной. Въ рисункѣ ихъ обнаруживается красивость фигуры, а въ стилѣ — сходство съ подобными произведеніями XVII столѣтія; но ни художникъ, ни вкладчикъ не ознаменовали этихъ памятниковъ надписями. Малоцѣнность вещества и затѣйливость формы отличаютъ другой запрестольный желѣзный подсвѣчникъ въ церкви св. Іоасафа Царевича, въ подмосковномъ Государевомъ селѣ Измайловѣ. Посрединѣ его стержня клеймо съ двуглавымъ орломъ означаетъ принадлежность его къ Царской церкви, или Царскій вкладъ.

ДРЕВНІЯ ВОЩАНИЦЫ.

(Рисунокъ Отд. I. № 72, 73.)

Въ Ризположенской церкви Московскако Кремля предъ мѣстными образами стоятъ четыре вощаницы, или тощія росписныя свѣчи на мѣдныхъ поддонахъ съ тремя левиками. Онѣ состоятъ изъ деревяннаго столба, вышиною въ 5 четвертей, обложеннаго воскомъ, по коему наведены мозаично восковыми красками травы и цвѣты въ родѣ энкаустики, извѣстной Грекамъ и Римлянамъ. Три вощаницы сохранены въ первоначальномъ своемъ видѣ, а четвертая, послѣ 1812 года, возобновлена по образцу первыхъ. Сверху надъ ними утверждены мѣдные шандалы, какихъ прежде не было; ибо свѣчи вставлялись въ средину вощаницы. По крайнему ободу идетъ вязью надпись, которая показываетъ намъ время устроенія сихъ узорочныхъ свѣчь въ Патріаршество Іосифа, правительствовавшаго съ 1642 по 1652 годъ, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ о существованіи тогда при этой церкви Патріаршаго двора. Передаемъ надписи съ двухъ свѣчь, кромѣ третьей, гдѣ слова, большею частію, изгладились или обломались, и кромѣ четвертой, на коей вновь изображены онѣ согласно съ первыми.

1) Лѣта ҂зрна поставлена сїя свѣща предъ образомъ Пресвятыя Богородицы Ризъ Положенїя, повелѣнїемъ Великаго Господина Святѣйшаго Іосифа Патрїарха Московскаго и всея Русїи въ церкви Ризположенїя, что на Патрїаршемъ дворѣ.

2) Лѣта ҂зрнг Октября въ е҃ день повеленіемъ Великого Господина Святѣйшаго Іосифа Патріарха Московского и всея Руси въ церкве Пречистые Богородицы Ризположеніе, что на его Государя Патріарше дворе, предъ мѣстой образъ Пресвятые Богородицы Одегитріе поставлена сія свѣща.

Представляя здѣсь памятникъ церковнаго благолѣпія изъ XVII вѣка, нельзя оставить безъ замѣчанія, что прежде не въ одной Ризположенской Патріаршей церкви, но и въ соборахъ и церквахъ, кромѣ подсвѣшниковъ и лампадъ, находились такія вощаницы, у образовъ, на поклонѣ въ алтарномъ иконостасѣ, и назывались *поставными, тощими, мѣстными*, а выносныя свѣчи *ослопными*. Подобно какъ у Грековъ православныхъ, у Русскихъ нерѣдко бывали вощаницы и лампады обѣтными и неугасимыми, (1) кои горѣли предъ образами, или св. мощами день и ночь; въ срединѣ ихъ вкладывалась свѣча, которую и зажигали. Такія вощаницы ставили Великіе Князья предъ чудотворными иконами и раками угодниковъ Божіихъ, но и предъ гробами родительскими. Иногда всѣмъ Новгородомъ и Псковомъ сооружаема была, по обѣщанію, неугасимая свѣча въ Софійской или Троицкой соборы. Такъ Великій Князь Василій въ 1509 году устроилъ предъ Св. Троицею въ Псковъ, а предъ Софіею Премудростію Божіею свѣщи неугасимыя. (2) Царь Іоаннъ IV въ 1569 году прислалъ въ Новгородъ къ мощамъ св. Никиты Епископа Новгородскаго мѣстную свѣчу, которая поставлена была на каменномъ бѣломъ стулѣ. Лѣтописи наши нерѣдко упоминаютъ о чудесномъ самовозгораніи свѣчей въ церквахъ. Св. Алексій Митрополитъ взялъ съ собою въ Орду для исцѣленія Тайдулы свѣщу отъ вощаницы, затеплившейся въ Успенскомъ соборѣ.

Предъ гробами отеческими Великіе и Удѣльные Князья ставили неугасимыя свѣчи съ тѣмъ, какъ они оговариваются въ духовныхъ своихъ грамотахъ, чтобы «не перестала память родителей и свѣча бы ихъ не угасла.» (3) Загасить свѣчу надъ гробомъ, по объясненію Арцыбышева, значило тоже что шевелить костями. (4) Но также послѣ отпѣванія, загасить и положить свѣчу на гробъ усопшаго, знаменовало вѣчное забвеніе всякой вражды. Ближайшій примѣръ тому встрѣчаемъ въ новомъ Іерусалимѣ, гдѣ

(1) *κανδήλα ἄσβεστος*, неугасимое, *ἀκοίμητος*, неусыпающее. *Sniceri* Thesaurus eccl. II. p. 32.
(2) *Карамз.* И. Г. Р. VII. пр. 383.
(3) Собран. Госуд. грам. I. гр. 1353 г.
(4) Повѣствованіе о Россіи. I. стр. 161, пр. 454.

при передѣлкѣ пола, на гробницѣ Никона Патріарха найдены положенныя восковыя зеленыя свѣчи, какія Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь устроилъ для его отпѣванія. Поставленіе свѣчи у гроба родительскаго почиталось дѣломъ столь важнымъ и священнымъ, что сынъ Даніила Галицкаго прислалъ 1294 г. къ умиравшему Князю Волынскому Владиміру Перемышльскаго Святителя Мемнона выпросить у него Брестъ « на свѣчу для гроба Даніилова. » (5) Кромѣ того, при свадебныхъ обрядахъ Государей, сверхъ обручальныхъ, употреблялись, свадебныя вощаницы, похожія на Ризположенскія мѣстныя; на нихъ были обручи большіе, широкіе, края чеканные, обои золоченые. Такъ на свадьбѣ Царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіею Стрѣшневою, Государева свѣча была въ три пуда, а Государынина въ два. (6)

Таково назначеніе давали свѣчамъ въ отечественной Церкви, гдѣ онѣ, составляя необходимую принадлежность при Богослуженіи, имѣютъ духовное, символическое знаменованіе.

(5) *Карамз.* И. Г. Р. IV, 118.

(6) Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1616 году, Февр. 5 и пр. М. 1810 г. въ 4.

СТАРИННЫЙ ФОНАРЬ.

(Рисунокъ Отд. I. № 74.)

Этотъ выносный фонарь принадлежитъ Воскресенскому монастырю, что называется Новый Іерусалимъ; онъ устроенъ изъ дерева, обложеннаго вычурными орнаментами изъ мѣди и бляшками изъ олова. Ему дано подобіе церкви съ шатровыми верхами, у коихъ недостаетъ только крестовъ. Вмѣсто стеколъ, вставлена слюда. Затѣйливость и красивость въ цѣломъ и частяхъ свидѣтельствуютъ объ искусствѣ и тщательности художника. По видимому, этотъ выносный фонарь относится ко времени основателя Новаго Іерусалима, Патріарха Никона.

Самое названіе, какъ и утварь заимствованы изъ обрядника Византійской Церкви; потому что *φανάρη* значитъ свѣтецъ, фонарь. (1) Такіе церковные фонари въ крестныхъ хожденіяхъ носили предъ св. иконами, или предъ св. дарами, когда ихъ препровождали изъ церкви въ домъ къ опасно больнымъ. Они изображены на старинныхъ св. иконахъ и встрѣчаются въ церковныхъ описяхъ, такъ на пр: въ описи Московъ. Успенскаго собора 1628 года: «фонарь слюденъ круглой.» Изъ его устава видно, что при Патріархахъ употреблялись въ крестныхъ хожденіяхъ фонари: *большой, средній и малый.* (2) Огромный фонарь, съ двуглавымъ орломъ, донынѣ обыкновенно носятъ въ крестныхъ ходахъ Московскихъ.

(1) *Ducangii* Glossar. mediæ et inf. Graecitatis.

(2) Древняя Росс. Вивліоѳика, X, 165, 166 и 285.

ЧАША ВРЕМЕНЪ ЦАРЯ ІОАННА IV,

ШАНДАЛЪ ВРЕМЕНЪ ЦАРЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА И СТАРИННОЕ КАДИЛО.

(Рисунокъ Отд. I. № 75.)

Сіи церковныя утвари, разныхъ вѣковъ и разнаго стиля, хранятся въ Архіерейской ризницѣ, въ Смоленскѣ.

Чаша серебряная, по видимому, водосвятная; подпись кругомъ ея вѣнчика свидѣтельствуетъ, что утварь эта устроена при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ.

Шандалъ, или правильнѣе, выносный подсвѣчникъ, серебряной, отличается красивостью рисунка и чистотою работы, не позднѣе XVII вѣка. Перехваты и вычурные его кропштеты вызолочены.

Мѣдное кадило замѣчательно какъ древностью своей, такъ и необыкновенною формою; сквозная крышка его похожа на шатровый верхъ церкви.

БИЛО, РИПИДА И КРЕСТИКИ.

(Рисунокъ Отд. I. № 76.)

Мы уже представили здѣсь нѣсколько достопамятныхъ древностей изъ ризницы Новгородскаго Софійскаго собора; теперь еще обратимъ вниманіе на хранящіяся въ ней вещи, кои изображены на эстампѣ подъ N 76: древнюю рипиду, крестики и било.

1) Рипида (отъ ῥιπίδιον, опахало, вѣеръ) имѣетъ верхъ серебряный, образующій четырьмя клеймами крестъ, рукоятіе деревянное, обтянутое краснымъ сукномъ. Чинъ литургіи намъ указываетъ ея употребленіе, которое, по сказанію св. Іакова Апостола у Климента VIII, 12, въ священнодѣйствіи было древнее. Въ первенствующей Церкви рипиды устроиваемы были изъ павлиныхъ перьевъ, или тонкихъ пергаминныхъ кожицъ. Первоначальнымъ ихъ назначеніемъ было отгонять воздушныхъ насѣкомыхъ, чтобы онѣ не могли коснуться святаго хлѣба, или впасть въ раствореніе чаши; потомъ рипидамъ дано высшее, духовное знаменованіе и подобіе шестокрылатыхъ Херувимовъ, какіе вѣроятно изображены были и въ клеймахъ Новгородской рипиды, представляя присутствіе небесныхъ духовъ при совершеніи таинства. (1)

2) Крестики тѣльные, или тѣльники, яшмовые, оправленные въ серебро позолоченное и украшенные самоцвѣтными камнями. Подобные нерѣдко

(1) Историч. догмат. и таинств. изъясненіе на Литургію *И. Дмитревскаго*, изд. нов. М. 1818, въ 4.

попадаются въ числѣ привѣсокъ на образахъ, въ соборныхъ и монастырскихъ ризницахъ и въ собраніяхъ древностей у любителей.

3) Мѣдная чаша на поддонѣ съ неснятою по краямъ надписью, хотя и названа на эстампѣ *биломъ* или *кандіею;* но било собственно есть деревянная доска, или полоса желѣза, въ которую ударяли колотушкою въ тѣхъ обителяхъ, гдѣ не было колоколовъ, какъ напр. въ Палестинѣ: оно называется у Греческихъ монаховъ (*σημαντήριον*, или *σημάντρον*, pulsus lignorum) (2) Чтожъ касается до изображенной здѣсь чаши, то она ничто иное, какъ настоятельская трапезная, въ которую Игуменъ или Архимандритъ ударялъ за братскою трапезою, когда слѣдовало перемѣнять, или снимать кушанье. Для такого употребленія, какъ видно изъ Мстиславовой грамоты Юрьеву монастырю, Всеволодъ далъ ему серебряное блюдо: « Велѣлъ іесмь бити въ « ніе на обѣдѣ, коли игуменъ обѣдаіетъ. » Еще въ древнѣйшія времена монашества былъ извѣстенъ обычай ударять въ чашу или звонить въ колокольчикъ за столомъ для перемѣны кушанья, чтобы не нарушить безмолвія въ монашескихъ общежитіяхъ; объ немъ упоминаетъ Кассіанъ, писатель V вѣка, въ книгѣ своей: de institutis coenobiorum, IV, 17. (3)

(2) Handbuch der christlichen Archæologie von D. S. C. *Augusti*, III. B. Leipz. 1837, in-8.
(3) Труды и Записки Общества Ист. и Древн. Росс. III. 1.

ЕВАНГЕЛІЕ, ПИСАННОЕ АЛЕКСОЮ ВЪ XII ВѢКѢ.

(Рисунокъ Отд. I. № 77.)

Славянское сіе Евангеліе въ десть, XII вѣка, харатейное, по древности своей, второе послѣ Остромирова списка, составляетъ одно изъ палеографическихъ сокровищь Московскаго Архангельскаго собора; оно, какъ значится въ послѣсловіи, писано въ 1125 году Алексою Лазаревымъ, сыномъ пресвитера, для Новгородскаго Князя Мстислава Владимировича, внука Всеволода, отъ котораго дошла до насъ грамота Юрьеву монастырю. Миніатюры, писанныя корпусными красками, во многомъ сходны съ Остромировымъ спискомъ, какъ напр: по изображенію тельца съ хартіею, который является Евангелисту съ высоты, усѣянной звѣздами и по надписи: симь образомь тельчемь Дхъ Стыи авися лицѣ. Въ послѣсловіи сказано « и возникъ Црю городу и оучиниихъ химипетъ. » Послѣднее слово, остававшееся доселѣ неизъясненнымъ, (1) весьма вѣроятно происходитъ отъ *χαμεπετέω*, преклоняюсь до земли, и значитъ поклоненіе.

Рукопись эта, драгоцѣнная въ палеографическомъ отношеніи, не менѣе важна и въ художническомъ, по своему окладу древней, можетъ быть, современной ей работы. Доски Евангелія покрыты съ лица золотою сканью съ 12 мусійными клеймами, на коихъ изображены разные Святые и съ

(1) Списокъ Русскимъ памятникамъ *П. Кеппена*, М. 1822, стр. 32. — Труды Общества Исторіи и Древн. Росс. ч. III, к. 1. Примѣч. на грамоту В. К. Мстислава Влад. *Митрополита Евгенія*.

середникомъ, на коемъ наведенъ мусіею ликъ Спасителя, окруженнаго четырьмя Евангелистами, двумя Архангелами и двумя Серафимами. Подписи Греческія и Славянскія. Окладъ убранъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Судя по его древности и стилю, можно предполагать, что списатель, во время пребыванія своего въ Константинополѣ, украсилъ трудъ свой Греческимъ дѣломъ, на иждивеніе Князя Мстислава, котораго онъ называетъ *своимъ царемъ*. Титулъ этотъ, по замѣчанію Кеппена, здѣсь встрѣчается въ первый разъ при имени Князей, которые иногда величаемы были Каганами. Извѣстно, что удѣльный Князь Мстиславъ послѣ 1125 г. вступилъ на Великокняжескій Кіевскій престолъ, или, какъ онъ говоритъ самъ въ грамотѣ своей: « дьржа Роускоу землю въ своіе княженіе. »

НАПРЕСТОЛЬНОЕ ЕВАНГЕЛІЕ НАЧАЛА XIVᵛ ВѢКА.

(Рисунокъ Отд. I. № 78.)

Харатейное Евангеліе съ Апостоломъ, хранящееся въ ризницѣ Троицко-Сергіевой лавры, какъ памятникъ палеографіи и торевтики XIV вѣка, драгоцѣнно пятивѣковою древностью и достопамятно вѣнценоснымъ его вкладчикомъ, современникомъ Преподобному Сергію. Оно писано на пергаментѣ въ десть, въ два столбца, четкимъ уставомъ; дневныя чтенія изъ Евангелистовъ и Апостоловъ расположены по церковному порядку. Доски его обложены басменнымъ вызолоченымъ серебромъ, на коемъ выбиты разныя изображенія распятаго I. Христа (Іис Хсъ Црь Славы), Божіей Матери (Бм Мфмрн), Іоанна Богослова (Агл ию) и Евангелистовъ. На окладѣ передней доски наведена черню слѣдующая надпись: «въ лѣто ѕѿнв мѣсяца Декабря осьмый надесять день, на память стго мчнк Савастіана, создано бысть Еуагльє се благовѣрнымъ Княземъ Великимъ Сімеономъ Івановичемъ.» Слова сіи указываютъ, безъ сомнѣнія, на украшеніе Евангелія; рукопись же могла быть и древнѣе.

Подобные памятники благочестія почти всегда были въ связи съ какими нибудь важными происшествіями. Сынъ и преемникъ Калиты, Симеонъ возвратился изъ Орды 1344 года, Октября 26, «пожалованный «Богомъ и Царемъ.» Предполагаютъ, что это Евангеліе устроено Симеономъ въ благодарность Господу за благополучное совершеніе опаснаго путешествія. (1)

(1) Историч. описаніе Святотроицкія Сергіевы лавры. М. 1843, стр, 37. *Арцыбышева* повѣствованіе о Россіи, II.

Такое соображеніе можетъ быть правдоподобнымъ; но вмѣсто 5508 лѣтъ отъ С. М., слѣдовало бы вычитать 5509 л.; ибо мѣсяцъ сооруженія былъ Декабрь. Въ такомъ случаѣ выйдетъ 1343 годъ, когда В. К. Симеонъ съ Митрополитомъ Ѳеогностомъ ѣздилъ въ Орду къ Хану Джанибеку. Въ 1346 или 47 г. Симеонъ, по призыву Новгородскаго Владыки Василія и по благословенію Митрополита Ѳеогноста, « сѣде на столѣ своемъ » въ Великомъ Новгородѣ. (2) Вскорѣ появился въ землѣ Русской « моръ золъ, » извѣстный подъ именемъ черной смерти, отъ коей суждено кончить жизнь Великому Князю въ 1353 году. Такія событія, важныя въ государственной жизни, давали поводъ къ сооруженію церквей и св. утварей, какъ благодарственныхъ или умилостивительныхъ жертвъ.

Тогда Сергій подвизался въ пустынномъ уединеніи, а братъ его Стефанъ былъ игуменомъ Московскаго Богоявленскаго монастыря и духовникомъ Великаго Князя Симеона Іоанновича. Изъ чего слѣдуетъ, что устроеніе этого напрестольнаго Евангелія въ Москвѣ современно основанію Троицко-Сергіевой обители. Но какъ изъ надписи не видно, чтобы оно предназначено было для сей обители: то, можетъ статься, послѣ дано вкладомъ на поминовеніе соорудителя и скрыто было во время нашествія Эдигея, предавшаго огню Троицкій монастырь, въ 1408 г.

(2) *Новгородская* I и II *лѣтопись* въ Полномъ собраніи Русскихъ лѣтописей, I.

НАПРЕСТОЛЬНОЕ ЕВАНГЕЛІЕ КОНЦА XIV ВѢКА.

(Рисунокъ Отд. I. № 79, 80, 81.)

Харатейное сіе Евангеліе въ десть, писанное уставомъ, переплетено въ бархатъ; верхняя доска его обложена вызолоченнымъ серебромъ со сканью, по краямъ закраи изъ того же металла съ финифтяными изображеніями святыхъ Ефрема, Саввы, Евѳимія, Николая Еписк. Мирликійскаго, трехъ вселенскихъ Святителей, изъ Московскихъ одного Петра, изъ Ростовскихъ Леонтія и Преподобнаго Сергія. По краямъ лицевой доски вырѣзана слѣдующая надпись: « в лѣт. ҂ѕ҃ц (1392) Март. индикта а҃і, оковано быс Еѵаглїе се при Велицѣмъ Кназѣ Васильи Дмитрїевичѣ всеа Р(уси) и Пресвещ҃нм Кипрїан Митрополитѣ Кїевском всеа Р(уси) повеленьем ра(ба) Бж҃а Ѳеодора Андрѣевича. » Послѣднее имя встрѣчается намъ 1371 и 1389 г. между послухами духовнаго завѣщанія Великаго Князя Димитрія Іоанновича. (1) На первомъ листѣ Евангелія читаемъ собственноручную подпись Митрополита Платона: « Сіе Евангеліе дано отъ Великаго Князя Василія Димитріевича, подписалъ смиренный Платонъ, Митрополитъ Московскій и Архимандритъ Троицы Сергіевой лавры, 1798 года. » (2) Но изъ первой надписи не видно, чтобы оно дано было въ Сергіеву обитель самимъ Великимъ Княземъ, а только въ его княженіе устроено повелѣніемъ Ѳеодо-

(1) Собр. госуд. грам. I, стр. 92 и грам. 1271 г. стр. 61.
(2) Троицко-Сергіева лавра. соч. И. С. 1842, въ 12.

ра Андрѣевича, который былъ Московскій бояринъ и, вѣроятно, братъ бояръ, свидѣтельствовавшихъ духовную Великокняжескую, Александра и другаго Ѳеодора Александровичей.

Хотя надпись ета прямо указываетъ намъ на 1392 годъ устроенія оклада на Евангеліе; но сему противорѣчитъ изображеніе на немъ Препод. Сергія, который преставился въ томъ же самомъ году, а св. мощи его открыты и прославлены въ 1425 году. Изъ этого можно съ вѣроятностью заключать, что при позднѣйшемъ возобновленіи и украшеніи оклада, присоединенъ образъ Преподобнаго основателя Троицкой лавры.

ЦАРСКОЕ НАПРЕСТОЛЬНОЕ ЕВАНГЕЛІЕ 1693 ГОДА.

(Рисунокъ Отд. I. № 82, 83, 84.)

Драгоцѣннѣйшее по матеріаламъ, великолѣпнѣйшее по украшеніямъ, прекрасное по художеству, сіе Евангеліе, единственное въ своемъ родѣ, вышиною 1 аршинъ съ $\frac{1}{4}$, шириною 11 вершковъ. Оно напечатано на большой Александрійской бумагѣ Евангельскими буквами, въ Москвѣ 1689 года. Заставки въ заглавіяхъ замѣняются миніатюрами, писанными искусною кистью, каймы по листамъ кругомъ разцвѣчены красками съ золотомъ. Изображенія четырехъ Евангелистовъ отличаются правильностью и твердостію рисунка, блескомъ колорита. Такъ какъ въ числѣ Царскихъ иконописцевъ находились тогда Русскіе и чужестранные живописцы: то съ достовѣрностію можно полагать, что сіи миніатюры ихъ произведеніе.

Но окладъ несравненно превосходитъ богатствомъ и великолѣпіемъ драгоцѣнныхъ украшеній роскошную печать св. книги; съ обѣихъ сторонъ онъ золотой. По верхней его доскѣ наложены короны, цвѣты, травы и узоры изъ алмазовъ, изумрудовъ и яхонтовъ съ финифтью, между коими на семи большихъ изумрудахъ вырѣзаны обронною работой лики Господа Вседержителя, Богоматери, Предтечи и четырехъ Евангелистовъ. Вся поверхность лицевой доски столь роскошно усѣяна драгоцѣнными камнями, что они сливаются какъ бы въ одну массу. На обратной доскѣ наведены финифтью по золоту лики разныхъ Святыхъ.

По краямъ оклада вырѣзана слѣд. надпись:

«Во славу Всетворца Господа Бга и въ честь Пречистыя Дѣвы Богородицы Маріи, Благочестивѣйшіе Великіе Государи Цари и Великія Князи Іоаннъ Алексѣевичь и Петръ Алексѣевичь всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцы и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичи и дѣдичи и наслѣдники и государи и обладатели и повелители въ 12 лѣто царства ихъ, и мати ихъ, благочестивая Великая Государыня, благовѣрная Царица и Великая Княгиня Наталія Кириловна въ Богожеланномъ своимъ царскимъ усердіи, изволиша сіе святое Евангеліе Іисусъ Христово напечатанное устроити изряднымъ художествомъ и украсити отъ своихъ царскихъ сокровищь превеликимъ иждивеніемъ, златомъ и драгимъ каменіемъ, при благороднѣйшемъ Великомъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Алексѣи Петровичѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, на 4 году возраста его, и устроя повелѣша оное отдать въ великую соборную Церковь Успенія Пресвятыя Богоматери, при Великомъ Господинѣ Святѣйшемъ Киръ Адріанѣ, Архіепископѣ Московскомъ и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріархѣ, въ царствующемъ, великомъ и преславномъ градѣ Москвѣ, мірозданія 7202, отъ воплощенія же Бога слова Іисусъ Христа 1693 года, мѣсяца Декемврія въ 25 день.»

Время устроенія сего напрестольнаго Евангелія совпадаетъ съ путешествіемъ юнаго Петра въ Архангельскъ, куда не хотѣла отпускать заботливая мать его, для перваго морскаго путешествія. Вѣроятно, это было обѣтнымъ ея приношеніемъ Дому Пресвятой Богородицы о сохраненіи сына ея. Въ царствованіе Екатерины II Евангеліе это было возобновлено украшеніями и въ такомъ видѣ сохранилось до нашихъ временъ, какъ священный и драгоцѣнный памятникъ Царскаго благочестія. Въ храмовой праздникъ и въ день коронованія Государей Россійскихъ оно выносится двумя діаконами на маломъ выходѣ.

МИТРЫ ІОВА И НИКОНА,

ПАТРІАРХОВЪ ВСЕЯ РОССІИ.

(Рисунокъ Отд. I. № 85, 90.)

Въ Московской Патріаршей ризницѣ, митры перваго и шестаго Патріарховъ Всероссійскихъ Іова и Никона, напоминая намъ лица, замѣчательныя въ Исторіи Іерархіи и Государства и отчасти сходныя своимъ жребіемъ, въ тоже время обращаютъ вниманіе на происхожденіе, первоначальное знаменованіе и введеніе сего главнаго іерархическаго отличія.

Митра есть слово Греческое *μίτρα*, означающее головную повязку, увясло, наглавіе, кидаръ, тоже что *τιάρα*, какая извѣстна была у Фригійцевъ и другихъ восточныхъ народовъ. (1) Такъ какъ она составляла отличительное украшеніе вообще Іудейскихъ первосвященниковъ, а со времени Давида и Царей, (2) то въ подражаніе первымъ Архипастыри Христіанской Церкви усвоили себѣ подобное наглавіе. У первосвященниковъ на златой дщицѣ, украшавшей чело кидара, изображены были слова: *святыня Господня*, (3) замѣненныя на митрѣ Архіерейской ликами Спасителя, Богоматери и другихъ Святыхъ. (4) Въ вѣкъ І. Христа, по свидѣтельству Іосифа Флавія, жрецы изъ

(1) *I. Iani* Archæologia biblica. Viennæ, 1814, in-8.
(2) II *Царствъ* XII, 30.
(3) Начертаніе церковно-библейской Исторіи, Митрополита *Филарета*, Спб. 1827, въ 8.
(4) Разсужденіе о началѣ, возможности и знаменованіи церковныхъ облаченій, соч. *К. Китовича*. Спб. 1804. въ 4.

племени Маккавеевъ, бывшее вмѣстѣ и Царями, къ митрѣ присоединили тройную корону. И такъ, по первоначальному происхожденію, митра составляла главную утварь Царей и первосвященниковъ, какъ сѵмволъ помазанія и власти. Церковь Христіанская, нерѣдко обращающая внѣшнее, вещественное въ сѵмволы духовнаго, сообщила митрѣ высокое значеніе *славы Господа и власти*, данной отъ него служителямъ святилища, (5) посему-то Евсевій называетъ ее *вѣнцемъ славы*. (6) Вселенскій Святитель Іоаннъ Златоустъ въ похвалѣ Евангелію внушаетъ рукополагаемому Епископу, что « *принятіе* вѣнца (*τιάρας*) знаменуетъ Евангеліе, что хотя онъ всѣмъ глава « и надъ всѣми имѣетъ державу, но и самъ состоитъ подъ закономъ. »

Первое употребленіе митръ святительскихъ встрѣчается намъ въ первенствующей Церкви. По свидѣтельству Епифанія и Евсевія, Апостолы св. Іаковъ, братъ Господень и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, въ знакъ духовнаго помазанія, носили на своемъ наглавіи *дщицу злату*. Это подтверждается дѣяніями Константинопольскаго собора, въ IX вѣкѣ, противъ Фотія, гдѣ между прочимъ сказано, что Патріархъ Іерусалимскій Ѳеодосій послалъ въ даръ къ Цареградскому Патріарху Игнатію съ подиромъ и нарамникомъ *митру* (*μίτρα*) св. Іакова, брата Господня. (7) Этотъ же самый Ѳеодосій утверждаетъ, что предмѣстники его, Патріархи и онъ самъ, возлагали себѣ на главу митру, когда имъ надлежало входить въ святилище для богослуженія. По примѣру св. Апостоловъ, и Вселенскіе Святители украшались кидаромъ; ибо св. Григорій Назіансинъ называетъ *кидаромъ* (*κίδαρις*) то наглавіе или увясло, которое онъ носилъ; впрочемъ онъ не изъяснилъ намъ, какую оно имѣло фигуру и употреблялось ли прочими Епископами. Въ нашихъ отечественныхъ лѣтописяхъ упомянуто *о шапкѣ Іоанна Златоуста*, привезенной въ Москву 1558 года Юрьевскимъ Архимандритомъ. (8) До раздѣленія Церкви на Восточную и Западную и въ послѣдствіи, извѣстно было въ Римско-Католической Іерархіи употребленіе митръ, которыя, до Ліонскаго собора въ 1249 году, служили отличіемъ для кардиналовъ. Во времена же Патріарха Валсамона, въ XII вѣкѣ, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ, одинъ только Патріархъ Александрійскій надѣвалъ на себя митру въ слу-

(5) *Исход.* XXVIII, 36 и 40. *Премудр Солом.* XVIII, 24
(6) *Eusebii* Historia eccles. X, c. 4.
(7) Euchologion, s. rituale graecorum, opera *Iac. Goar*, ed. II, Venetiis, 1730, in-f. p. 315.
(8) *Карамз.* И. Г. Р. VIII, пр. 587

женіи. Причиною сему онъ полагаетъ то, что, когда св. Кириллъ, Патріархъ Александрійскій предсѣдательствовалъ на III Вселенскомъ Соборѣ за Целестина Римскаго Патріарха, тогда возложилъ на главу свою золотую митру, какую носили Римскіе Патріархи по праву, данному св. Сильвестру Константиномъ Великимъ. (9) Но видно, что постоянное употребленіе митры въ то время еще не было узаконено; ибо, по словамъ Вальсамона незадолго до него, даже одинъ хартофилаксъ Константинопольской церкви надѣвалъ митру въ служеніи и въ торжественныхъ шествіяхъ.

По сказанію великаго логоѳета Епифанія, (10) Императоръ Василій Младшій, современникъ Владимира I, царствовавшій въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка, возложилъ царскую діадиму на Патріарха Іерусалимскаго Ѳеофила, за примиреніе съ Цареградскимъ Патріархомъ. Вѣроятно, по примѣру его, Царь Алексій Михайловичь пожаловалъ корону Патріарху Никону. Въ XV вѣкѣ, какъ свидѣтельствуетъ Симеонъ Ѳессалонійскій, не только Патріархъ Александрійскій, но и многіе другіе носили уже митры, основываясь на древнемъ, еще ветхозаконномъ преданіи. Когда же съ паденіемъ восточной Имперіи, Церковь утратила много велелѣпія своихъ обрядовъ и утварей, тогда, вѣроятно, прекратилось употребленіе митръ Епископами; ибо Русскіе наши путешественники въ Іерусалимъ Арсеній Сухановъ (11) около половины XVII вѣка и Василій Барскій въ 1727 году (12) согласно свидѣтельствуютъ что, кромѣ Іерусалимскаго Патріарха, никто изъ тамошнихъ Епископовъ не возлагалъ на себя митры при священнослуженіи.

Между тѣмъ какъ на Христіанскомъ востокѣ, подъ владычествомъ Латиновъ и Магометанъ, внѣшнія отличія сана Іераршескаго подверглись измѣненію, Россійская Церковь и подъ ярмомъ Монгольскимъ удержала ихъ ненарушимо, въ такомъ видѣ, въ какомъ они приняты были отъ Византійской Церкви.

Въ числѣ святительскихъ отличій и митра издревле въ отечествѣ нашемъ служила украшеніемъ не только Епископовъ, но даже и нѣкоторыхъ Архимандритовъ, какъ видно изъ соборнаго свитка, напечатаннаго при Іоаки–

(9) Разсужденіе о началѣ, важности и знаменованіи церковныхъ облаченій. Спб. 1804, въ 4.
(10) *Epiphanii* adversus haereticos, t I l. IX. ed. Coloniæ. 1682, f.
(11) Проскинитарій, или поклонникъ, въ рукоп.
(12) *Василія Григоровича Барскаго* путешествіе къ Святымъ мѣстамъ. Спб. 1778, стр. 225.

мовскомъ служебникѣ 1668 г., также изъ дѣяній Московскаго собора, бывшаго при Патріархѣ Іоасафѣ 1675 года. Но предоставленіе сего отличія зависѣло отъ соизволенія Царя и Святителя, а послѣ уже введено въ общее употребленіе у всѣхъ Россійскихъ Архіереевъ и Архимандритовъ. (13)

Какъ Царская корона, или вѣнецъ, такъ равно и Архіерейская митра нерѣдко назывались *шапками*. Но первоначально между *митрою* и *шапкою* полагалось то различіе, что первая была съ образами и украшала Архіереевъ, а послѣдняя только съ перекрестьемъ и носима была Архимандритами; въ послѣдствіи названія сіи были смѣшаны. Святительскія митры, жалованныя Царями подъ именемъ коронъ, имѣютъ вокругъ шапки зубчатый вѣнецъ, или обручь; одна изъ таковыхъ коронъ называлась *большою*, а другая *меньшою*. Митры Патріаршія и Митрополичьи различались отъ Епископскихъ и Архимандричьихъ не столько формою, сколько украшеніями и матеріаломъ. Такъ напр. въ великіе праздники на служеніи Патріарху предоставлена уставомъ митра съ крестомъ и короною, Митрополитамъ шапка золотая, или серебряная позолоченая, Архіепископамъ и Епископамъ шапка среброкованая. (14)

Чтожъ касается до изображенныхъ здѣсь митръ перваго и шестаго Патріарховъ Московскихъ, въ концѣ XVI и въ половинѣ XVII вѣка, то онѣ разнятся какъ своею формою, такъ равно и убранствомъ. Первая сходствуетъ съ древними митрами Митрополитовъ и Епископовъ, въ какихъ они обыкновенно изображаются на старинныхъ иконахъ. Она имѣетъ видъ низменной шапочки съ опушкою или околышемъ изъ горностаеваго мѣха; сдѣлана изъ лазоревой камки, шитой волоченымъ золотомъ. На маковицѣ ея, вмѣсто креста, какой осѣняетъ другія Патріаршія митры, вышитъ и обнизанъ мѣлкимъ жемчугомъ образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, вокругъ коего слѣдующія слова: «Все оупованіе мое к Тебѣ возлагаю, Мати «Божія, Ты мя сохрани подъ кровомъ Твоимъ!» На челѣ изображенъ Деисусъ, по сторонамъ св. Апостолы Петръ и Павелъ и другіе Святые, которыхъ имена трудно разобрать. Надъ околышемъ кругомъ идетъ надпись, низанная жемчугомъ: «Призри съ небесе, Боже, и виждь и посѣти «виноградъ сей, его же насади десница Твоя!» На серебряномъ плащѣ

(13) Разсужденіе о началѣ, важности и знаменованіи церков. облаченій. Спб. 1804, въ 4.
(14) Исторія Росс. Іерархіи. 1 и 11.

вырѣзано: «лѣта ҂з҃р҃д҃і Сентября въ а҃і день сдѣлана сія шапка повелѣніемъ Святѣйшаго Іова Патріарха Московскаго и всея Росіи.»

Въ духовной грамотѣ своей Іовъ, 1597 г. упоминаетъ, что онъ «устро-«илъ на свои келейныя, заздравныя и заупокойныя милостинныя деньги «въ домъ Пресвятыя Богородицы *шапки*, саки и пр.» (15) Присланная же Іову отъ Цареградскаго Патріарха митра, слывущая короною Палеолога, вдвое выше описанной нами шапки, конусообразная съ перекрестьемъ на тульѣ и съ осмиконечнымъ крестомъ на верху.

Никонова митра, названная въ описи *большою короною*, отличается отъ первой величиною, искусствомъ работы, роскошью и узорочностью украшеній, тѣмъ велелѣпіемъ, какое сей Патріархъ старался придать Святительскому сану. По серебряной вызолоченой доскѣ ея, надъ обручемъ въ коронкахъ размѣщены изображенія Спасителя и XII Апостоловъ, какія украшали корону Царицы Ирины, супруги Ѳеодора I (16); надъ ними въ четырехъ клеймахъ накладныя съ финифтью иконы Богоматери и Гавріила Архангела благовѣствующаго, потомъ тезоименитыхъ Царю Алексію Михайловичу и Царицѣ Маріи Ильиничнѣ св. Алексія Божія человѣка и Маріи Египтяныни. Съ верху митры спущено перекрестье, состоящее изъ разныхъ драгоцѣнныхъ каменьевъ и обнизанное кафимскимъ жемчугомъ; на маковицѣ ея возвышается четвероконечный крестъ изъ Греческихъ алмазовъ; при подножіи его двойная осмиугольная звѣзда — сvмволъ надежды. (17) На обручѣ, обнимающемъ, вмѣсто мѣховой опушки, края, или рога митры, въ гнѣздахъ и репьяхъ вставлены изумруды, лалы и яхонты, кои представляютъ въ ней *вѣнецъ отъ каменій драгихъ*. Святолѣпная утварь сія запечатлѣна слѣдующею лѣтописью въ звѣздѣ: «Въ царство благочестивѣйшаго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича всея великія и малыя Росіи Самодержца, духовнаго пастырства при Великомъ Господинѣ, Архіепископѣ царствующаго града Москвы и всея великія и малыя Росіи Святѣйшемъ Патріарсѣ Никонѣ, въ вѣчную память Болярина Никиты Ивановича Романова ҂з҃х҃н҃е г. Іюнія а҃ день.» Какъ святительская утварь сія, такъ равно и надпись напоминаютъ намъ блестящую эпоху славы и могущества Никона, когда Самодержецъ, при-

(15) Древняя Росс. Вивліоѳика, IV, 123.
(16) *Карамз.* И. Г. Р. X, пр. 217.
(17) *Andreæ Alcati* emblemata cum commentariis. Patavii, 1661, in-4.

знательный за его подвиги ко благу Церкви и государства, за спасеніе своего семейства отъ моровой язвы, именовалъ его своимъ другомъ и далъ ему титло *Великаго Государя*. Но Никонъ, отрекавшійся отъ сего высокаго титла, названъ въ надписи на сей митрѣ *Великимъ Господиномъ*, а на другой митрѣ Греческой: *κύριος, κύριος*, что значитъ и Господинъ и Государь. Кромѣ благоволенія и признательности Царя къ Патріарху, этотъ даръ свидѣтельствуетъ о благоговѣніи его къ памяти дяди своего, боярина и дворецкаго Никиты Ивановича Романова, погребеннаго 1655 года, Декабря 11, (18) въ Новоспасскомъ монастырѣ, этомъ родовомъ кладбищѣ рода Романовыхъ, гдѣ Никонъ до Патріаршества своего былъ Архимандритомъ. Здѣсь нельзя не замѣтить, что какъ на этой коронѣ, такъ и на Греческой митрѣ Никона, годъ изображенъ Арабскими цыфрами не отъ сотворенія міра, но отъ Рождества Христова, что̀ служитъ доказательствомъ употребленія Арабскихъ цыфръ и лѣтосчисленія отъ Р. Х. еще до Петра I. Если же принять числовый знакъ 1 за церковный, а не Арабскій, то судьба это число мѣсяца обрекла Никону концемъ его Патріаршескаго служенія; извѣстно, что онъ, спустя послѣ того три года, добровольно оставилъ Святительскій престолъ 10 Іюня. (19)

(18) Выходы Государей Царей и Великихъ Князей съ 1632 по 1682 годъ, изд. *П. Строева*. М. 1844, въ 4.
(19) Акты Археографической Експедиціи. IV, 149.

ПАТРІАРШАЯ МИТРА.

(Рисунокъ Отд. I. № 86.)

Митра сія, по преданію, Патріарха Іоакима, болѣе походитъ на Царскую корону, чѣмъ на Святительскую шапку; въ описи Патріаршей ризницы она названа *среднею*. На ней нѣтъ образовъ и надписей, кои опредѣляли бы ея значеніе и время устроенія; но она замѣчательна богатствомъ и великолѣпіемъ украшеній, искусствомъ Царскихъ ювелировъ XVII вѣка.

Золотое ея перекрестье, или запона, наложенная на червчатый бархатъ, блистаетъ драгоцѣнными каменьями и жемчугами. Вокругъ митры надъ нижнимъ вѣнцемъ одиннадцать золотыхъ коронокъ съ лалами, изумрудами, яхонтами и алмазами. Между перекрестьемъ наложены репьи, или розетки изъ драгоцѣнныхъ камней; вдоль простираются пряди бурмицкаго жемчуга. Верхъ увѣнчанъ алмазнымъ четвероконечнымъ крестомъ.

Вѣсу въ этой митрѣ 4 фунта и 69 золот.

МИТРА НИКОНА ПАТРІАРХА.

(Рисунокъ Отд. I. № 87.)

Эта митра, названная въ описи *большею*, одна изъ драгоцѣннѣйшихъ по богатству украшеній и по искусству работы. Какъ и въ предыдущей, золотая ея запона, усѣянная лалами, червчатыми и лазоревыми яхонтами, изумрудами и алмазами, образуетъ четвероконечный крестъ, соединенный вверху съ многоугольною звѣздой въ запонѣ, а къ низу съ вѣнцомъ изъ крупныхъ драгоцѣнныхъ камней между двумя прядями жемчуга. Звѣзда служитъ подножіемъ четвероконечному кресту изъ алмазовъ и яхонтовъ; другой алмазный крестъ утвержденъ на передней сторонѣ митры. Между перекрестьемъ, обнизаннымъ прядями окатистаго жемчуга, вставлены четыре клейма съ финифтяными изображеніями Евангелистовъ съ крупными изумрудами. Подъ клеймами на финифтяныхъ плащахъ читаете слѣдующую надпись:

Здѣлана сїя святительская шапка великомꙋ Господинꙋ Святѣйшемꙋ Никонꙋ Патрїархꙋ Московскомꙋ и всея Рꙋсїи лѣта ҂зрѯ҃, Октября въ к҃ день повелѣнїемъ Великаго Госꙋдаря Царя и Великаго Князя Алексїя Михайловича и его благовѣрныя Царицы и Великїя Княгини Марїи Ильиничны.

Хотя въ надписи и означенъ 1651 годъ; но въ описи Патріаршей ризницы правильнѣе 1653 г.; ибо Никонъ облеченъ саномъ Патріарха 1652 г. Іюля 25.

Въ 1775 году Святительская митра сія передѣлана, по желанію Свѣтлѣйшаго Князя Потемкина, когда онъ, оставивъ дворъ, учился церковному уставу въ Александро-Невской лаврѣ и носилъ монашескую одежду. (1) Преданіе говоритъ, что Потемкинъ примѣривалъ эту митру, будетъ ли она ему въ пору.

Вѣсомъ утварь эта 6 фунтовъ $6\frac{1}{2}$ золотниковъ.

(1) Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, сост. *Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ*, ч. IV.

МИТРА,

ПОЖАЛОВАННАЯ ЦАРЕМЪ АЛЕКСІЕМЪ МИХАЙЛОВИЧЕМЪ НИКОНУ ПАТРІАРХУ.

(Рисунокъ Отд. I. № 88.)

Эта драгоцѣнная утварь, подобно предъидущей, есть памятникъ особеннаго благоволенія Царя Алексія Михайловича къ Никону Патріарху, котораго онъ называлъ своимъ другомъ.

Формою своей она болѣе походитъ на древнія митры, чѣмъ другія Патріаршія митры и короны. Основа ея алтабасная. Перекрестье ея и вѣнецъ состоятъ изъ крупнаго жемчугу, между коимъ вставлены репьи изъ драгоцѣнныхъ камней и на передней сторонѣ камей изъ лазореваго яхонта съ изображеніемъ Воскресенія Христова. Верхъ ея осѣненъ осмиконечнымъ крестомъ. Между перекрестьемъ вставлены четыре клейма финифтяныя съ изображеніемъ четырехъ Евангелистовъ. При подножіи ихъ наведена финифтью слѣд. надпись: Здѣлана сїѧ свѧтительскаѧ шапка великомꙋ Господинꙋ Свѧтѣйшемꙋ Никонꙋ Патрїархꙋ Московскомꙋ и всеѧ Рꙋсїи, лѣта ҂зрѯа, марта кн, повелѣнїемъ Великаго Гдрѧ и Великаго Кнзѧ Алексїѧ Михайловича всеѧ Рꙋсїи и ево благовѣрной Црцы и Великой Кнгни Марїи Ильиничны.

ГРЕЧЕСКАЯ МИТРА.

(Рисунокъ Отд. I. № 89.)

Въ описи Патріаршей ризницы она названа *меньшею*, также извѣстна подъ именемъ *Цареградской* и болѣе походитъ на Царскую корону, чѣмъ на святительскую митру. На золотой алтабасъ этой митры наложена золотая прорѣзная запона, усѣянная драгоцѣнными каменьями и украшенная финифтяными травами и цвѣтами; между ними размѣщены золотыя съ чернью пупки. На запонѣ изображенъ Спаситель; по сторонамъ чеканные золотые образа четырехъ Евангелистовъ. Подъ осмиконечнымъ крестомъ золотая чашка съ чернью, коею наведены поясныя изображенія трехъ Московскихъ Святителей и о агіос Василиос Кесарискіи. Кромѣ послѣднихъ словъ, нѣтъ никакихъ признаковъ Греческаго дѣла; да и Греческія слова могли быть списаны Московскимъ художникомъ съ Греческаго образа. Соединеніе же трехъ мѣстныхъ Святителей ясно показываетъ, что митра сія устроена между учрежденіемъ праздника ихъ при Іовѣ Патріархѣ и принесеніемъ въ Москву мощей св. Филиппа Митрополита при Іосифѣ Патріархѣ. По видимому, она была передѣлана, какъ и показываютъ ея орнаменты, относящіеся не къ одному времени и не къ одному стилю.

Вѣсу въ ней 3 фунта и 26 золотниковъ.

МИТРА,

ПРИСЛАННАЯ ИЗЪ ГРЕЦІИ КЪ ПАТРІАРХУ НИКОНУ.

(Рисунокъ Отд. I. № 91.)

Митра эта, названная въ описи *короною,* по преданію, прислана къ Никону изъ Греціи, гдѣ уже извѣстно было имя и вліяніе на дѣла Московскаго Первосвятителя. Форма ея соотвѣтствуетъ этому названію, а богатство разнообразныхъ узорочій ея назначенію въ Патріаршемъ служеніи, ознаменованномъ торжественностью и великолѣпіемъ.

Основу митры составляетъ серебряная вызолоченая доска, на коей положено перекрестье, запоны и репьи изъ разныхъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуговъ. На верхушкѣ двѣ осміугольныя звѣзды, вставленныя одна въ другую, служатъ подножіемъ четвероконечному кресту изъ червчатыхъ яхонтовъ и изумрудовъ. Вокругъ звѣздъ на финифтяномъ ободкѣ изображена слѣдующая надпись изъ Псалма XX, 4: « *ἔθηκας ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αυτοῦ στέφανον ἐκ λίθου τιμίου. Ζωὴν ἠτήσατό σε, καὶ ἔδωκας αὐτῷ μακρότητα ἡμερῶν. Τοῦ μακαριωτάτου Πατριάρχου τῆς μεγάλης πόλεως Μοσχοβίας καὶ πάσης Ρωσίας κυρίου κυρίου Νίκωνος σημημαιω, (σημεῖον?)* т. е. « Положилъ « еси на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна. Живота просилъ есть, у тебе и « далъ еси ему въ долготу дній. Блаженнѣйшаго Патріарха великаго града « Москвы и всея Россіи, Господина Никона знаменіе, 1653. »

Хотя образа на митрѣ Греческаго дѣла и писмена на нихъ Греческія; но изъ самой надписи не видно, что корона ета прислана изъ Греціи Ни-

кону Патріарху, вскорѣ по вступленіи его на святительской престолъ. Вѣроятнѣе, она доставлена отъ вселенскихъ Патріарховъ одному изъ предшественниковъ Никона, а имъ она только украшена драгоцѣнными камнями и Греческою надписью; потому что онъ и другія древнѣйшія утвари своихъ предшественниковъ запечатлѣлъ своимъ именемъ.

Между перекрестьемъ, на четырехъ золотыхъ плащахъ, или клеймахъ, вычеканены и наведены чернью Св. Евангелисты съ Греческими надписаніями ихъ именъ и зачала Евангелій у каждаго. Надъ нижнимъ вѣнцомъ возвышаются двѣнадцать городковъ, или репьевъ изъ жемчуговъ, изумрудовъ и яхонтовъ, представляющихъ подобіе криновъ и числомъ своимъ намѣкающихъ на XII Апостоловъ. Вѣсомъ ета митра 5 фунтовъ. Сходная съ нею и, какъ вѣроятно, по образцу ея сдѣланная, также кованая митра есть даръ Патріарху отъ Царя Алексія Михаиловича и Царицы Маріи Ильиничны, какъ показываютъ самыя надписи на ней и финифтяные образа Св. Алексія Божіяго человѣка и Маріи Египетской, имъ тезоименитыхъ. Съ того времени распространились митры златокованныя, которыя замѣнили прежнія мягкія; онѣ жалуемы были, какъ особыя преимущества, Архіереямъ и даже Архимандритамъ.

ПАТРІАРШІЕ КЛОБУКИ.

(Рисунокъ Отд. I. № 92, 93.)

Патріаршіе клобуки, здѣсь изображенные, даютъ намъ поводъ коснуться вообще значенія и употребленія клобуковъ, преимущественно бѣлыхъ, нѣкогда составлявшихъ предметъ состязаній на соборахъ Россійской Церкви и посему относящихся какъ къ Исторіи, такъ равно и Археологіи.

Собственно *клобукъ,* на новогреческомъ *καβούκη* есть покрывало изъ шерстяной, или шелковой ткани, носимое монахами сверхъ каптыря, или камилавки; въ таинственномъ смыслѣ онъ означаетъ *шлемъ спасенія.* (1) Изъ отечественной исторіи открывается намъ, что въ древности на Руси отъ употребленія клобуковъ или черныхъ шапокъ заимствовали свое названіе народы Черкасскаго племени, *Черные клобуки* и что не только Великіе и удѣльные Князья, но и слуги Княжескіе носили на головѣ клобуки; (2) потомъ даже при крещеніи на младенцевъ, какъ видно изъ древняго Требника, надѣвали клобучки, или куколи, родъ шапочекъ. (3) Чтожъ касается до монашескаго наглавія, то нерѣдко подъ словомъ *клобукъ* разумѣютъ и покрываемую имъ

(1) Новая Скрыжаль, соч. *Преосв. Веніамина*, изд. 4. М. 1816, въ 4.
(2) *Карамз.* И. Г. Р. 1, пр. 90, 457, 11, 71, 152, пр. 353.
(3) Молитвенникъ или Требникъ изъ Греч. языка на Словенской преведенный изслѣдован нымъ изъ друкарнѣ Пана Ѳ. Ю. Балабаба, Стратинское выданье, року 1606, въ 4.

камилавку; даже въ среднемъ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ *καμίλαβα*, camilabo, значитъ покрывало на камилавкѣ святительской, спущенное крылами, или космами, на обѣ стороны, тоже что клобукъ. Шапочка сія, или скуфья *καμελαύκιον*, по мнѣнію Кедрина, Леона Аллація и Гоара, происходитъ отъ *κάμηλος* верблюдъ и *αὐχὴν*, выя и тѣсный входъ, потому что у Восточныхъ иноковъ для защищенія головы отъ солнечнаго зноя, она дѣлалась изъ верблюжей шерсти съ покрываломъ, или клобукомъ, коего заднимъ концемъ образуется горбъ, что̀ подало поводъ другимъ производить слово сіе отъ *καῦμα*, зной, варъ и *ἐλαύνω*, укрощаю, слѣд. шапка, защищающая отъ жара. (4) И такъ наглавію сему, сперва принятому необходимостью, въ послѣдствіи придано символическое значеніе, наконецъ оно обращено въ знакъ отличія.

Въ порядкѣ іераршескомъ Россійской Церкви издревле клобуки Митрополичьи и даже Епископскіе отличались иногда бѣлымъ цвѣтомъ отъ черныхъ клобуковъ монашескихъ; но такое отличіе не было въ ней повсемѣстнымъ и постояннымъ, какъ видимъ въ восточныхъ церквахъ православнаго исповѣданія. Въ Александрійской Церкви, при торжественныхъ случаяхъ, и скитскіе старцы облекались въ бѣлую одежду.

По сомнительному сказанію Русскаго толмача Димитрія, бывшаго въ Римѣ въ началѣ XVI вѣка, бѣлый клобукъ первоначально былъ дарованъ въ IV вѣкѣ по Р. Х. Константиномъ Великимъ Римскому Патріарху Сильвестру; въ XIV вѣкѣ изъ Рима перенесенъ въ Царьградъ, откуда Патріархъ Филоѳей, рукоположившій Св. Алексѣя Митрополита, прислалъ въ даръ Новогородскому Архіепископу Василію бѣлый клобукъ, хранящійся въ ризницѣ Софійскаго Новгородскаго Собора. Такое іераршеское отличіе присвоили себѣ и преемники его, въ томъ числѣ Геннадій, къ которому писалъ сказаніе изъ Рима Димитрій толмачь. Но Московскій соборъ 1666 года призналъ это сказаніе лживымъ и неправымъ, « еже писа отъ вѣтра главы своея. »

Митрополитъ Платонъ, основываясь на томъ, что гораздо прежде Василія Новгородскаго, первый Епископъ Ростовскій Леонтій носилъ бѣлый клобукъ, съ вѣроятностію полагаетъ, что обыкновеніе сіе заимствовано не изъ Новгорода; но существовало прежде отъ самаго начала Христіанства

(4) *Ducangii* Glossarium ad scriptt. mediæ et infimæ graecitatis, 2 t. Lugduni, 1688, f.

въ Россіи. (5) Обращаясь къ исторіи Константинопольской Церкви, откуда вѣра христіанская пересаждена въ Россію, мы находимъ тамъ образцы бѣлому клобуку, коего Димитрій Толмачь отъискивалъ въ Римѣ, именно: Іоаннъ Кантакузинъ, при описаніи вѣнчанія на Царство Іоанна Палеолога, замѣчаетъ, «что на главѣ у Патріарха было бѣлое покрывало, украшен-«ное золотомъ и съ изображеніемъ Спасителя, Богоматери и Предтечи «(ἐπὶ τῆς κεφαλῆς), какое обыкновенно нашивали прежніе Патріархи изъ бѣлаго Духовенства» (6). Послѣ того какъ у Грековъ оставленъ былъ обычай производить Патріарховъ и Митрополитовъ не изъ монашества: то и вышелъ изъ употребленія бѣлый клобукъ, замѣненный чернымъ, какой донынѣ у нихъ носятъ Патріархи и Митрополиты. Вѣроятно, на такомъ основаніи Цареградскій Патріархъ даровалъ бѣлый клобукъ Новгородскому Архіепископу Василію, избранному и хиротонисанному въ 1331 году изъ приходскихъ священниковъ Козмодемьяновской церкви въ Новгородѣ.

Сверхъ того, о древнѣйшемъ употребленіи бѣлаго клобука Россійскими Архипастырями, представляютъ намъ различныя мнѣнія два Московскіе собора 1564 и 1666 годовъ. На первомъ, бывшемъ послѣ смерти Всероссійскаго Митрополита Макарія, прежде Архіепископа Новгородскаго, въ присутствіи Царя Іоанна Васильевича, разсуждаемо было: «почему Митро-«политъ Всероссійскій носитъ черный клобукъ, тогда какъ прежніе Русскіе «первопрестольницы Петръ и Алексій, Іоаннъ Архіепископъ Новгородскій, «Леонтій, Игнатій и Исаія Ростовскіе Святители носили бѣлые клобуки и «теперь Пименъ Архіепископъ Новгородскій, подобно предшественникамъ «своимъ, употребляетъ такой же клобукъ?» Въ подтвержденіе сего приведены соборною грамотой и образа Первосвятителей Московскихъ и Владыкъ Ростовскихъ и потомъ сказано, что «въ писаніи не обрѣли, чего для «бѣлые клобуки оставлены Всероссійскими Митрополитами. (7) Но спустя послѣ того столѣтіе, Московскій соборъ подъ предсѣдательствомъ Восточныхъ Патріарховъ Паисія и Макарія, вопреки первому, объявилъ въ статьѣ объ иконописцахъ, подписанной по арабски однимъ Антіохійскимъ Патріархомъ, что «неправедно иконописцы пишутъ Св. Петра, Алексія и Іону,

(5) *М. Платона* Краткая Церковная Росс. Исторія. М. 1805, ч. I, стр 239 и 40.

(6) Historiarum Ioannis Cantacuzeni ex imperatoris. III, c. 36.

(7) Соборная грамота о бѣломъ клобукѣ въ 1 т. Актовъ историческихъ, изд. Археограф. Коммисіею. Спб. 1841, въ 4.

« Московскихъ Чудотворцевъ въ бѣлыхъ клобукахъ, зане они клобуки бѣ-
« лые не носиша и ниже бысть еще въ Россійскихъ странахъ при нихъ
« сей обычай и ниже Кипріанъ и Фотій Митрополиты и прочіи, которіи
« поставлени быша во Царьградѣ во Архіерейство, носиша бѣлыя клобуки. »
Съ Василія, «Архіепископа Новгородскаго, продолжаетъ дѣяніе соборное, начали Новгородскіе Іерархи носить бѣлые клобуки, кои, послѣ Геннадія, приняли и Московскіе Митрополиты. (8) По видимому, дѣяніе собора 1564 года, неизвѣстно было собору 1666 года и свидѣтельства лѣтописей, изъ коихъ Никоновская и Русскій Временникъ подтверждаютъ, что « бѣлые клобуки изначала носили въ Россіи Митрополиты и Епископы » Этому доказательство представляетъ памятникъ XI вѣка Святославовъ сборникъ, гдѣ на миніатюрѣ изображены Святители не въ черныхъ клобукахъ, но въ бѣловидныхъ. Сверхъ того, лѣтописецъ указываетъ намъ на Митяя, нареченнаго преемникомъ Св. Алексія Митрополита, что онъ самовольно возложилъ на себя бѣлый клобукъ, потомъ упоминаетъ о Св. Кипріанѣ, пріявшемъ такой клобукъ, наконецъ о Митрополитѣ Пименѣ, съ котораго снятъ былъ бѣлый клобукъ, по повелѣнію В. К. Димитрія Донскаго. (9) Такіе факты опровергаютъ слова соборной грамоты: « ниже бысть еще въ Россійскихъ « странахъ сей обычай и что предъ Геннадіемъ Архіепископомъ Новгород- « скимъ никто отъ Архіерей нигдѣ носи бѣлый клобукъ, точію единъ Ген- « надій. » Присутствовавшіе на соборѣ Восточные Патріархи и духовныя особы изъ Бѣлорусцевъ, не зная, по видимому, Русской Исторіи и Русскихъ древнихъ обычаевъ, судили объ этомъ по обычаю своей страны, который распространили и на Русское Духовенство.

Между тѣмъ, опровергнувъ неосновательное сказаніе Димитрія Толмача, они не отвергли « нѣкотораго древняго обычая въ Великороссійскомъ Госу- « дарствѣ, » по коему дозволили Митрополитамъ носить бѣлый клобукъ. Объ этомъ древнемъ обычаѣ, какъ увидимъ далѣе, упоминаетъ дѣяніе Московскаго собора 1675 г.

Какъ бы то ни было, но и въ Россіи XVI вѣка, не повсемѣстно и безразлично было употребленіе сего Святительскаго отличія, основанное на древнемъ отечественномъ обычаѣ. Такъ при поставленіи Митрополита Іоа-

(8) Никон. Лѣтопись, IV, 231.
(9) *Карамз.* И. Г. Р. IV, 273, пр. 360. V, 57, 61. пр 60, 232.

саѳа 1539 г. упомянутъ просто *клобукъ;* а 1564 г. въ чинѣ хиротонисанія Аѳанасія, бывшаго дотолѣ протопопомъ Благовѣщенскаго собора и духовникомъ Царя Іоанна Васильевича, сказано о возложеніи *бѣлаго клобука.* (10) Хотя въ 1564 году « Царь со всѣмъ освященнымъ соборомъ уложили и « укрѣпили, что отъ сего времени Митрополитамъ Русскимъ учинить древ« нюю почесть носить имъ клобуки бѣлые съ рясами и Херувимами; » но въ чинѣ поставленія Митрополита 1581 года значится, что ношеніе бѣлаго или чернаго клобука зависѣло отъ соизволенія Государя — « како Царь повелитъ. » (11)

Съ учрежденіемъ же Патріаршества въ Москвѣ, 1589 года, постоянно узаконено Святителямъ употребленіе бѣлаго клобука; одинъ только Никонъ, по примѣру восточныхъ Патріарховъ, иногда носилъ черный клобукъ, какой донынѣ хранится въ ризницѣ Воскресенскаго, что новый Іерусалимъ, монастыря.

Въ Патріаршей ризницѣ находится 24 бѣлыхъ клобука, кои въ старой описи называются Митрополичьими и Патріаршими; всѣ они изъ шелковой ткани, низменные, съ полусферическимъ каптыремъ, съ малыми воскриліями или рясами, и только на одномъ изъ нихъ вышитъ Серафимъ, какъ увидимъ далѣе.

Отличіемъ Патріаршихъ клобуковъ отъ Митрополичьихъ были нашитыя на нихъ изображенія Деисуса и Херувимовъ, также водруженный на маковицѣ ихъ крестъ. Хотя М. Евгеній утверждаетъ, будто до Никона Патріарха клобуки были безъ св. иконъ и безъ воскрилій, съ какими носили ихъ Новгородскіе Архіепископы; (12) однако на клобукѣ Патріарха Филарета видимъ и св. иконы и воскрилія. Покрывало сіе обыкновенно было или чешуйчатое камчатное, или вязеное изъ шелка; оно украшалось жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями; образа на немъ были шитые шелкомъ или наведенные черною на серебряныхъ и золотыхъ дробницахъ, или плащахъ. По назначенію своему и времени употребленія, клобуки были *большаго наряда,* какіе надѣвались въ большіе праздники, *средняго* и *меньшаго наряда, рядовые* или повседневные; (13) потомъ теплые изъ лисьихъ черевъ,

(10) Акты Археографической Експедиціи. I, и въ Актахъ историческихъ, I, N 173, Соборная грамота о бѣломъ клобукѣ.

(11) Собраніе Госуд. грам. II, 69.

(12) Историч. разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода. М. 1808, въ 4.

(13) Книга: Списокъ съ переписной Патріаршей домовой казны, 7166 г. N 543.

покрытые бѣлымъ бархатомъ. Каптырь или камилавка была низменная, полусферическая, похожая на скуфью. Съ Никонова времени замѣтно болѣе великолѣпія и знаменательныхъ украшеній, какія онъ любилъ придавать своему сану; тогда вошли въ употребленіе Греческіе такъ называемые рогатые клобуки. На соборѣ 1675 года опредѣляется это Святительское отличіе слѣдующимъ обра-« зомъ: Патріархъ имѣетъ въ ношеніи на великіе праздники клобукъ бѣлый, « на немъ водруженъ крестъ вверху, въ концахъ же образы чудотворцевъ об-« низанные. Въ прочіе дни на клобукахъ Серафимы и кресты обнизаны « напреди имущіе. Патріаршій камилавъ имѣти, аще и бѣловидѣнъ изъ « яковы либо вещи, по обычаю нашея Всероссійскія страны, точію со на-« шеніемъ Херувима, паче же прискреннѣ имѣти нашвенъ образъ кре-« ста. » (14) Изъ числа клобуковъ большаго наряда изображены здѣсь два, замѣчательные по богатству украшеній и по принадлежности ихъ знаменитымъ въ отечественной исторіи Святителямъ; одинъ, по описи Патріарха Филарета Никитича, другой Патріарха Никона, которые имѣли титло *Великихъ Государей*. Лица одного писаны съ стариннаго портрета въ Теремномъ дворцѣ, а другаго съ современнаго Никону Патріарху портрета въ Воскресенскомъ, что новый Іерусалимъ, монастырѣ. Первый вязеный изъ крученаго шелка, съ Херувимомъ на главѣ, вынизаннымъ изъ жемчуга; на рясахъ или воскриліяхъ восемь золотыхъ дробницъ, или плащей, на коихъ наведены чернью лики св. Николая, трехъ Вселенскихъ, трехъ Московскихъ и трехъ Ростовскихъ Святителей, на заднемъ крылѣ дробница изображаетъ св. Варлаама, Новгородскаго чудотворца. На маковицѣ клобука нѣтъ креста, какой водруженъ на клобукѣ Никона. На семъ клобукѣ камчатномъ, вмѣсто Херувима въ главѣ, вышитъ шелками и обнизанъ жемчугомъ Деисусъ, а на воскриліяхъ три Вселенскихъ и четыре Московскихъ Святителя, въ томъ числѣ и св. Филиппъ Митрополитъ, наконецъ св. Алексій Божій человѣкъ, тезоименитый Царю Алексію Михайловичу. Края воскрилій обсажены негранеными изумрудами, яхонтами и крупнымъ жемчугомъ. Хотя на сихъ Патріаршихъ наглавіяхъ нѣтъ лѣтописи, кромѣ надписанія на ликахъ Святыхъ, но сіи самые лики замѣняютъ ее. На клобукѣ Филарета Ростовскіе Святители напоминаютъ, что прежде онъ былъ Ростовскимъ Митрополитомъ; на Никоновомъ ликъ св. Филиппа знаменуетъ

(14) Древн. Росс. Вивліоѳика. XVI, 308.

присоединеніе сего Іерарха Патріархомъ къ собору Московскихъ Святителей, а изображеніе св. Алексія Божія человѣка указываетъ на дружественныя отношенія Царя къ Патріарху, котораго онъ называлъ въ грамотахъ своихъ «избраннымъ и крѣпкостоятельнымъ пастыремъ, возлюбленнымъ «любимцемъ и содружебникомъ своимъ.» (15)

(15) Акты Археографической Экспедиціи, IV, N 57.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ СЪ СВОИМЪ КЛИРОМЪ.

(Рисунокъ Отд. I. № 94.)

Это изображеніе, въ старинныхъ рамахъ, писанное на холстѣ, вышиною около трехъ, а шириною около двухъ аршинъ, занимаетъ мѣсто на хорахъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, или новомъ Іерусалимѣ. На немъ представленъ во всемъ святолѣпномъ величіи своего сана, на горнемъ или Святительскомъ мѣстѣ, знаменитый Патріархъ Никонъ, основатель этого монастыря, какъ значится и въ надписи: свтѣйшаго Никона Патріарха Московскаго и всея Росіи. Надъ головою его видѣнъ на стѣнѣ образъ Богоматери; Патріарху предстоитъ клиръ его. Всѣ они въ полномъ облаченіи, какъ должно быть въ соборной службѣ. На Патріархѣ тотъ же самый омофоръ и таже митра, какія хранятся въ Патріаршей ризницѣ; на персяхъ у него панагія и крестъ. Въ лѣвой рукѣ у него посохъ съ рогами; правая положена на раскрытую книгу, которую держитъ предъ нимъ юный поддьякъ Германъ. Ему предстоятъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ его сослужебники: Архимандритъ Воскресенскаго монастыря Герасимъ въ фелони и митрѣ, потомъ духовный отецъ его, Іеромонахъ Леонидъ, Іеромонахъ Іовъ, Архидіаконъ Евфимій, Діаконъ Іосія, поддьяконъ Илиодоръ и наконецъ поддьякъ Серафимъ, держащій въ рукахъ Патріаршія четки и очки. Какъ всѣ сіи лица изъ монашествующихъ, то можно съ достовѣрностію полагать, что живописецъ изобразилъ святительское служеніе, или пропо-

вѣданіе Слова Божія въ монастырѣ Воскресенскомъ. По своему значенію въ первенствующей и отечественныхъ Церквахъ, замѣчателенъ для насъ въ Патріаршемъ клирѣ Архидіаконъ, какъ первенствующій надъ діаконами. Онъ въ монашескомъ клобукѣ, потому что въ Архидіаконы при Патріархахъ, Митрополитахъ и Архіепископахъ поставлялись изъ монашествующихъ. Чинъ этотъ существовалъ въ Россійской Церкви до изданія Духовныхъ штатовъ 1764 года. (1) Наконецъ этотъ самый отрокъ, поддьякъ Серафимъ сопровождалъ Патріарха на соборъ, созванный въ Чудовѣ монастырѣ для низложенія этого Святителя, и тамъ, не смотря на препятствія, предстоялъ ему съ крестомъ.

По содержанію своему и времени, это изображеніе важно не только въ художественномъ, но и въ историческомъ отношеніи, потому что представляетъ намъ не только черты и облаченіе великаго дѣятеля въ отечественной Церкви, но и его клиръ — его сотрудниковъ, сострадальцевъ. (2)

Въ правильныхъ и вмѣстѣ рѣзкихъ чертахъ Патріарха выражается какое то самосознаніе ума, пылкость и стойкость характера, крѣпость воли; не смотря на то, что переступилъ за полвѣка своей жизни, онъ еще сохранилъ бодрость и свѣжесть силъ тѣлесныхъ; умное и одушевленное его лице составляетъ рѣзкую противоположность съ окружающими его лицами. Достойное быть на первомъ планѣ, оно выражаетъ готовность на молитву и подвигъ. По сходству его съ изображеніемъ подъ N 92 и съ другими, можно заключать, что онъ списанъ здѣсь съ натуры. Въ окружающихъ его лицахъ выражено различіе характеровъ, возрастовъ, націй и положеній. Возмите напр. лице духовника Патріаршаго: оно являетъ маститаго старца, опытнаго въ монашеской жизни, украшеннаго сѣдинами, благоразуміемъ и смиреніемъ. Ему противоположны лица Архидіакона и Діаконовъ полныя силы, юныя, свѣжія; мужественныя ихъ черты обѣщаютъ мужественный басистый голосъ, для котораго они избирались Патріархомъ, любителемъ святолѣпности церковнаго служенія. Подобно какъ у другихъ сослужебниковъ, во взорахъ его выражается вниманіе къ словамъ Святителя; между тѣмъ какъ глаза двухъ юныхъ поддіаконовъ устремлены на Патріарха, въ ожиданіи мановенія его — одинъ, чтобы пере-

(1) Историческое разсужденіе о чинахъ Греко-Россійской Церкви, чит. въ собр. Александроневской Академіи Кандидатомъ Богословіи Д. *Малиновскимъ*. Спб. 1805, въ 4.

(2) Начертаніе жизни и дѣяній Никона П. М. соч. *Архимандрита Аполлоса*. М, 1846, въ 8.

вернуть листъ въ книгѣ, другой, чтобы подать ему очки и четки. Судя по лицеочертанію, нѣкоторые изъ клириковъ Никона похожи на Грековъ, Евреевъ, Молдаванъ. И дѣйствительно, окружая себя иностранцами, для перевода и сличенія книгъ съ Греческаго и Латинскаго языковъ, любознательный Архипастырь нерѣдко самъ съ ними занимался. Нѣкоторые изъ этихъ сотрудниковъ и собесѣдниковъ раздѣляли съ нимъ опалу и заточеніе.

Въ сочиненіи картины, художникъ, вѣрный приличію и чинности, пожертвовалъ мѣстности законными условіями перспективы. Стѣсняясь размѣщеніемъ лицъ, онъ принужденъ былъ смѣшать вторый планъ съ третьимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и пропорціи головъ, для того, чтобы выказать въ своемъ свѣтѣ всѣ лица, имѣвшія свое значеніе въ клирѣ Патріаршемъ. Еслибъ поставить ихъ по обѣ стороны Патріарха: то однѣ заслонили бы другихъ. Всѣ же на одной сторонѣ, въ одинъ рядъ, не могли бы размѣститься; для сего онъ поставилъ ихъ въ два ряда; однихъ надъ другими, такъ какъ поступаютъ зоографы въ многолюдныхъ иконахъ. Кромѣ этого, въ картинѣ недостаетъ еще перспективнаго воздуха. Но головы нарисованы правильно и отчетливо, лицамъ дано соотвѣтственное ихъ характеру выраженіе.

Въ цѣломъ замѣтно согласіе и теплота колорита, такъ что это произведеніе можно признать однимъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ портретной живописи XVII столѣтія въ Россіи. Разительную съ нимъ противоположность по стилю и нѣкоторое сходство въ чертахъ лица представляетъ изображеніе Никона на иконѣ св. Царей Константина и Елены, стоящей на Голгоѳѣ въ Воскресенскомъ монастырѣ, Патріархъ съ Царемъ и Царицею въ моленіи припадаетъ къ подножію креста. Тамъ видѣнъ живописецъ—художникъ, здѣсь иконописецъ — подражатель.

По выраженію, картина сія болѣе принадлежитъ къ Фламандской, или Голландской, чѣмъ къ Италіянской или Фряжской школамъ. Послѣдователи первой находились въ числѣ Царскихъ и даже Патріаршихъ зоографовъ, которые при Государевомъ и Святительскомъ дворахъ составляли родъ Академіи художествъ. Между ними были и чужестранные живописцы: изъ Австріи Данило Вухтеръ и Иванъ Детерсъ, изъ Швеціи Дерсонъ, или Детерсонъ, изъ Англіи Иванъ Инглесъ, изъ Польши Станиславъ Лопуцкій, Василій Познанскій и пр. Они перенесли къ намъ стиль школы, тогда господствовавшей въ Европѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ истинное понятіе о портретной живописи. Не показываетъ ли даже самое названіе портретовъ *иконами*, (*εἰκόνος*) *подобіями*, (*ὁμιοώματα*) потомъ

парсунами, *персонами*, (personæ, personne) *лицами*,—что портретное искусство сперва заимствовано Русскими отъ Грековъ, потомъ отъ Италіанцевъ и Нѣмцевъ. Хотя опыты въ немъ извѣстны были Русскимъ еще въ Кіевѣ при В. К. Святославѣ Ярославичѣ (3) и въ Москвѣ при Іоаннѣ III; но въ XVII вѣкѣ оно стало болѣе распространяться, когда художники начали изучать красоту внѣшнихъ линій и вносить въ искусство личность и народность. Тогда, кромѣ св. иконъ, Царскія и Святительскія палаты, боярскіе хоромы и свѣтлицы украшались портретами Государей и Іерарховъ. По свидѣтельству Рейтенфельса, 1670 года: «нѣкоторымъ особамъ позволялось имѣть «въ своемъ домѣ портретъ Царя, въ знакъ особенной милости.» (4) Въ Титулярникѣ 1672 года, помѣщены портреты Царей Михаила и Алексія, Царевича Алексія Алексіевича и Никона Патріарха. Въ переписной книгѣ Оружейной Палаты 1687 года значатся: «Парсуна Великаго Государя Царя «Михаила Θеодоровича на дскѣ длиною 1 аршинъ 10 вершковъ, шириною «1 аршинъ 1½ вершка; Парсуна Великаго Государя Царя Алексія Михай-«ловича писана по полотну, длиною 3 аршина съ 2 вершки, шириною 2 «аршина 1 вершокъ.» (5) Хотя портреты Патріарховъ не ставились надъ гробницами ихъ въ Успенскомъ соборѣ, подобно какъ Царскіе въ Архангельскомъ; но они сохранялись въ Чудовѣ монастырѣ и въ Патріаршей ризницѣ. Когда въ 1632 г. скончался св. Діонисій, Архимандритъ Сергіевой лавры: тогда, по сказанію его жизнеописателя, собрались къ его гробу многіе изографы списывать его лице. (6)

Употребляя науки и художества для своихъ цѣлей, дальновидный Никонъ воспользовался и портретною живописью, чтобы сохранить изображеніе свое и своихъ любимцевъ и сослужебниковъ въ созданномъ имъ новомъ Іерусалимѣ, гдѣ онъ назначилъ себѣ могилу на мѣстѣ погребенія Царя-священника Мельхиседека въ древнемъ Іерусалимѣ.

Къ сожалѣнію, на самой картинѣ, по всей вѣроятности, современной Никону Патріарху, не нашли мы ни имени художника, ни году ея писанія.

(3) Въ Святославовомъ Сборникѣ 1072 г. миніатюрныя изображенія на пергаментѣ Княжескаго семейства.

(4) Очерки *К. Тромонина*, N 22, ст. о изображеніяхъ Царей Михаила Θеодоровича и Алексія Михайловича, соч. *И. Снегирева*.

(5) Журн. Минист. Нар. Просв. Іюль, 1830 года.

(6) Житіе Препод. Діонисія, Архимандрита Троицко-Сергіева монастыря.

Принимая въ соображеніе самую надпись, гдѣ этотъ Святитель названъ только *Патріархомъ Московскимъ* и *всея Россіи*, можно бы предполагать, что изображеніе Никона писано до 1655 г., когда ему, за спасеніе Царскаго семейства отъ моровой язвы, дано Царемъ титло *Великаго Государя*, которое онъ неохотно принялъ. Но если предположить мѣстность въ Воскресенскомъ монастырѣ, коего строеніе начато въ 1656 году: то надобно отнести эту картину къ годинѣ испытанія Никона, когда ему поставили въ вину невольное присвоеніе титла Великаго Государя и когда этотъ вольный изгнанникъ, отрясши прахъ отъ ногъ своихъ въ воротахъ кремлевскихъ, *связанный духомъ,* отошелъ въ свой новый Іерусалимъ. Послѣднее подтверждаетъ изображенный на картинѣ Воскресенскій Архимандритъ Герасимъ, который вступилъ 1658 г. въ управленіе монастыремъ послѣ Стефана, построившаго тамъ первую деревянную церковь въ честь Воскресенія Христова. (7)

Это изображеніе стояло прежде въ соборѣ Воскресенскаго монастыря надъ Патріаршимъ мѣстомъ. Но Императоръ Павелъ I, поклонившійся здѣсь Никону, замѣтивъ, что оно портится отъ сырости, велѣлъ наклеить его на доску и помѣстить на хорахъ у придѣла въ честь Тихвинскія Богоматери, гдѣ находится и донынѣ.

(7) Исторія Росс. Іерархіи. II, 350.

ПАТРІАРШАЯ ХОДИЛЬНАЯ ОДЕЖДА.

(Рисунокъ Отд. I. № 95, 103.)

Вмѣстѣ съ церковными облаченіями Святителей въ Московской Патріаршей ризницѣ уцѣлѣла и повседневная, ходильная ихъ одежда, или ряски, по коимъ можно судить о покроѣ платья, о ростѣ и станѣ Патріарховъ. Такія четыре ряски, однѣ изъ двоеморхаго, а другія изъ гладкаго бархата, вишневаго и таусиннаго цвѣта, подложенныя тафтою и дорогами т. е. шелковою полосатою тканью. Двѣ изъ нихъ, приписанныя Патріарху Никону, длиною 2 арш., съ широкими рукавами; а прочія двѣ длиною 1 арш. 14 вершк., съ узкими рукавами. Первыя застегиваются шелковыми пуговицами отъ шеи по грудь, а другія во всю длину разрѣзныхъ полъ. Шею обхватываетъ въ родѣ воротничка узкій ожерелокъ изъ бархата.

На заглавномъ листѣ книги Шведскаго посла Петрея, бывшаго въ Москвѣ при Самозванцахъ, находимъ изображеніе Московскаго Патріарха въ ряскѣ, сходной съ вышеописанными. (1) Какъ первый Патріархъ Іовъ тогда сосланъ былъ въ заточеніе: то, вѣроятно, у Петрея представленъ лжепатріархъ Игнатій въ его обычномъ костюмѣ. Въ такихъ же рясахъ, застегнутыхъ пуговицами съ верху до низу, изображены Архіереи на картинахъ коронаціи Царя Михаила Ѳеодоровича.

Изъ жизни Никона видимъ, что Царь Алексій Михайловичь пожаловалъ Святителю изъ своей Царевой ризницы множество священныхъ и *внѣш-*

(1) Historie und Bericht von dem Grossfürstenthum Muschkowy.

нихъ одеждъ; посему вѣроятно, и описанныя нами рясы были ничто иное, какъ Царскіе становые кафтаны, обращенные въ рясы. (2) Такіе же кафтаны или платна и кабаты иногда употребляемы были на сакосы.

При сравненіи Патріаршихъ рясокъ съ верхнею ходильною одеждою Цареградскихъ Патріарховъ (3) и съ сутанами (sottana) Римскихъ Папъ, Кардиналовъ и Прелатовъ, (4) открывается разительное сходство, которое намѣкаетъ намъ о первоначальномъ единообразіи въ облаченіяхъ Восточной и Западной Церквахъ.

Но какъ сіи ходильныя одежды Московскихъ Патріарховъ не составляютъ еще всего ихъ наряда (костюма), то, для дополненія его, мы заимствуемъ свѣдѣніе изъ грамотъ, кроильныхъ книгъ и описей Патріаршей домовой казны. Изъ тѣхъ и другихъ видно, что одежда ихъ была *употребительная при священнослуженіи*, и *внѣшняя, повседневная, ходильная* и *ѣздовая*, или *походная*. Не касаясь здѣсь первой, осмотримъ послѣднюю, которая намъ показываетъ внутренній бытъ и образъ жизни Святителей.

Монашеская ходильная одежда Русскихъ, заимствованная отъ Грековъ, сначала не разнилась покроемъ и цвѣтомъ у чернецовъ, властей и Архіереевъ; она была нижняя и верхняя, какъ–то: власяницы, или свиты, рясы и мантіи, по большей части, короткія, и клобуки съ каптыремъ или кукули. Въ Печерскомъ Патерикѣ одежда иноческая, соотвѣтствующая обѣту вольной нищеты, называется *черническими рубами*. Въ уставной грамотѣ Суздальскаго Архіепископа Діонисія, 1382 года, даже воспрещено монахамъ носить нѣмецкія сукна и шубы бараньи съ пухомъ. (5) Нѣкоторыя неважныя въ ней измѣненія произошли отъ ея приспособленія къ климату и образу жизни; посему въ Россіи и различалось монашеское одѣяніе, одно по *Греческому*, а другое по *Русскому обычаямъ*, какъ видно изъ дѣяній Московскаго собора 1666 и 67 годовъ, гдѣ сказано: «одѣяніе монахомъ по «Греческому обычаю благословися; укоряющіе таковое священства извер«гаются.» Іерархи и власти, возвышаясь надъ рядовыми чернецами, отли-

(2) Исторія о всехвальномъ и достоблаженномъ Святѣйшемъ Никонѣ Патріархѣ, рукоп. устас. въ 4, N 174, въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.
(3) Costumes de la cour de Rome. 1845, in-8.
(4) см. Изображеніе Константинопольскаго Патріарха въ D. I. Heineccii Abbildung der alter u. neuen griechischen Kirche. Leipz. 1711, in-4.
(5) Акты Археограф. Експедиціи. I, N 5.

чались не столько покроемъ, цвѣтомъ, сколько богатствомъ и великолѣпіемъ *внѣшней* ходильной своей одежды, такъ равно отличіями сана. По свидѣтельству Гваньини, писателя XVI вѣка, « платье у Епископовъ было черное, подобно прочимъ монахамъ, иногда шелковое. » (6) Но въ послѣдствіи они стали употреблять и цвѣтное изъ разныхъ шелковыхъ и шерстяныхъ тканей, каковы: бархаты гладкіе, золотые, двоеморхіе, камки кизилбашскія, объяри, тафты, дороги, сукна нѣмецкія и троицкія. Первый Патріархъ Московскій въ духовной грамотѣ своей, 1597 г., упоминаетъ о *манатьяхъ, шубахъ* и *рясахъ*, сдѣланныхъ имъ на свой домашній обиходъ. (7) Въ описи домовой казны Патріарха Филарета Никитича, 1630 года, находимъ *шубы нарядныя* и *санныя*, крытыя атласомъ и барбейракомъ багровымъ, *ряски* холодныя и теплыя изъ бархата багроваго и таусиннаго, черныя барбейраковыя, подложенныя тафтою. (8) Сверхъ рясъ, при выходахъ надѣвались Святителями *манатьи*, или мантіи съ источниками, скрижалями и поматами изъ бархата и другихъ шелковыхъ тканей; повседневныя изъ нихъ въ древности были короткія, по колѣна, а праздничныя длинныя. Перемонатка возлагалась сверхъ рясы на персяхъ. Кромѣ рядоваго ходильнаго платья, какъ значится въ описи, было у Патріарховъ особенное ѣздовое или дорожное, къ коему принадлежатъ *мятли* и *кошули*, помѣщенныя въ описи 7138 года. Первыя такъ описаны: « мятель, сукно темно-« синее, подложенъ киндякомъ зеленымъ, пугвицы шелкъ черенъ, » а другія: « кошуля, тафта двоеличная, шелкъ вишневъ, да зеленъ, исподъ черева песцовые бѣльи. »

Мятель, вѣроятно, отъ Нѣмецк. Mantel, составляла родъ верхней одежды, или епанчи, какую издревле нашивали не только Князья, но и слуги княжескіе. (9) Чтожъ касается до *кошули*, то въ Польскомъ языкѣ встрѣчается сходное съ нею koszula, рубаха; но, по ближайшему объясненію Словаря Россійской Академіи, кошуля есть нижняя мужская и женская одежда, по большей части, подбитая какимъ либо мѣхомъ, на подобіе полукафтанья или полушубка. Хранящееся въ Патріаршей ризницѣ портище

(6) De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione. B. D. 1582, in-4.
(7) Древн. Росс. Вивліоѳика. VI, 133.
(8) Опись Патріаршимъ келейнымъ вещамъ 7138 г, N 11, въ Госуд. Архивѣ и опись Патріаршей казны 7159 г, связка 209 въ Придв. Архивѣ
(9) *Карамз.* И. Г. Р. II, пр. 353.

изъ Турецкаго золотнаго атласа по зеленой землѣ, подложенное осиновымъ киндякомъ и подпушенное брусничною камкою, составляетъ спаленное платье, въ родѣ халата. Изъ головныхъ покрововъ въ описи 1630 г. упомянуты: *шапочки* холодныя изъ камки; *клобуки теплые* изъ лисьихъ черевъ, покрытые бѣлымъ рытымъ бархатомъ; *треухъ* соболій подъ объярьми гвоздичными; шляпа перекрестки черны, подложена бархатомъ чернымъ; шляпа Цареградская бархатъ черенъ, подложена камкою лазоревою. Въ Патріаршей ризницѣ уцѣлѣла Патріаршая шляпа изъ лебединаго пуха, присланная изъ Китая; она круглая съ широкими полями; на полусферической ея тульѣ былъ нашитъ изъ позументовъ крестъ, спороты́й въ 1812 г. Французами. Подобныя шляпы (*καπάσια*) носили Цареградскіе Патріархи сверхъ камилавки. (10)

Мѣсто ролдуговъ, или перчатокъ, замѣняли *рукавки* холодные и теплые; первые были изъ вязенаго шелка, а другіе песцовые. Обувь Патріаршую составляли *сапоги*, *калиги* или *сандаліи*. Въ рукахъ Патріархъ носилъ *лѣствицу*, родъ четокъ, съ лапостками. Жезлы и посохи у него были одни воскресные, другіе панихидные и вседневные.

Какъ въ Царскомъ, (11) такъ и въ Патріаршемъ гардеробѣ встрѣчается исподнее платье: въ описи домовой казны Патріарха Филарета Никитича значится: «*штаны*, тафта лазорева, на бѣлыхъ черевахъ.» Наконецъ въ той же описи находимъ свѣденіе о *постелѣ* Патріаршей; ее составлялъ: «войлочекъ обшитъ сафьяномъ лазоревымъ, да шуба одѣвальная баранья.»

Какъ за домовою бѣлою казной Патріарха были особые смотрители, такъ равно строеньемъ ея занимались скатертники, свитошники и портные, которые входили въ составъ Патріаршаго Двора.

(10) D. S. M. Heineccii Abbildung der alten und neuen griechischen Kirche. Leipz. 1711, in-4.
(11) Выходы Государей Царей Михаила, Алексія и Θеодора. изд. *П. Строева*. М. 1844, въ 4.

ДРЕВНѢЙШІЯ ОБЛАЧЕНІЯ

НОВГОРОДСКИХЪ СВЯТИТЕЛЕЙ.

(Рисунокъ Отд. I. № 96, 97, 98, 99, 100.)

Ризница Новгородскаго Софійскаго собора украшается драгоцѣнными, по древности, нетлѣнію и святынѣ, облаченіями и утварями Новгородскихъ Святителей Никиты и Моисея. Св. мощи одного опочиваютъ на вскрытіи въ этомъ соборѣ съ 1107 г., а другаго въ Сковородскомъ монастырѣ съ 1329 года.

Св. Никита, постриженикъ Кіевопечерскаго монастыря, подвижникъ, затворникъ и чудотворецъ, по смерти Новгородскаго Епископа св. Германа, избранъ и поставленъ былъ на святительскій престолъ въ Новгородѣ, 1096 или 97 году; преставился 1107 года, Января 31.

При открытіи св. мощей его, въ 1550 году, найдено на немъ облаченіе, сохранившееся нетлѣннымъ въ могилѣ, гдѣ оно лежало 450 лѣтъ. Все облаченіе состоитъ изъ фелони, эпитрахили, поручей, палицы, штофныхъ коричневаго цвѣта, гаруснаго пояса, омофора изъ бѣлаго люстрина, изъ синей гродетуровой шапочки, опушенной горностаевымъ мѣхомъ; на ней вышиты золотомъ кресты и Серафимы съ словами: « Серафимъ. » Такая шапочка служила митрою. Къ этой Епископской утвари XI вѣка принадлежитъ Архіерейскій посохъ, о коемъ ниже будетъ сказано, и желѣзныя вериги, вѣсомъ въ 20 фунтовъ, найденныя на мощахъ Іерарха. Въ день открытія нетлѣнныхъ его останковъ принесена была Новгородцами ко гро-

бу его желѣзная лампада, хранящаяся въ ризницѣ, съ круговою прорѣзною надписью: Свѣча Великаго Новгорода всѣхъ православныхъ хрестьянъ, поставлена новому чудотворцу Никитѣ въ лѣто ҂ѕѯѕ, Апрѣля въ а҃ день, при Архїепїскопѣ Пименѣ."

Бѣлый клобукъ знаменитаго Архіепископа Новгородскаго Василія представляетъ намъ не только памятникъ церковной древности, возводимый безъотчетнымъ преданіемъ ко временамъ Константина Великаго, но и предметъ притязаній Владыкъ Новгородскихъ на первенство и преній на помѣстныхъ соборахъ. Въ 1352 году наглавіе сіе прислано Цареградскимъ Патріархомъ Филоѳеемъ первому Василію, возведенному на степень Архіепископа изъ бѣлыхъ священниковъ. (1) Василіевъ клобукъ, вязаный изъ бѣлаго крученаго шелку, состоитъ изъ каптыря, или полусферической шапочки, съ длинными отвѣсами, украшенъ крупнымъ жемчугомъ и яхонтами. Долго подобное отличіе было принадлежностью однихъ Владыкъ Новгородскихъ, потомъ присвоено себѣ Всероссійскими Митрополитами и Патріархами. (2)

Святитель Моисей, предъ блаженною кончиною своей, 1329 года, удалившійся въ основанную имъ Сковородскую обитель, оставилъ въ Софійской сокровищницѣ памятники своего служенія и подвижничества: стяжанное имъ Евангеліе, (3) свои желѣзныя вериги и омофоръ, изображенный на рисункѣ N 97. Св. этотъ нарамникъ изъ дымчатой шелковой матеріи съ четвероконечными крестами и вышитыми на краяхъ словами: « Моисеа Архїепископа, молитвами Святыя Софїи. » (4)

(1) Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода. М. 1808, въ 4.
(2) см. ст. о клобукахъ.
(3) Списокъ Русскимъ памятникамъ, *П. Кеппена.* М. 1832, въ 8.
(4) Описаніе Новгородскаго Софійскаго собора въ Новгород. Губ. Вѣдом. 1838 г, N 9. Историческое описаніе святыни Новгородской. Спб. 1848, въ 8.

РИЗА ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ И ЕГО ЛОЖКА.

(Рисунокъ Отд. I. № 101.)

Священническая риза, или *фелонь* св. основателя Троицко–Сергіевой лавры представляетъ въ ризницѣ разительную противоположность своею простотой и скудостію съ драгоцѣннѣйшими облаченіями, кои блестятъ золотомъ и драгоцѣнными камнями. Она сшита изъ грубой ткани, болѣе похожей на крашенину, чѣмъ на бумажную ткань темноорѣховаго цвѣта, съ оплечьемъ изъ такой же матеріи синеватаго цвѣта. Спереди три серебряныя вызолоченыя пуговки, на кои во время священнодѣйствія поднимали петли подола фелони; назади подъ оплечьемъ нашиты маленькій крестикъ и звѣздица или кустодія, знаменующая камень гробный, на коемъ сидѣлъ Ангелъ по Воскресеніи Христовомъ. Риза сія подбита, въ послѣдствіи, шелковою матеріей. Въ ней 1797 г. Апрѣля 23, Митрополитъ Платонъ встрѣтилъ Императора Павла I, прибывшаго въ Троицкую лавру, послѣ своей коронаціи, на поклоненіе св. мощамъ Преподобнаго Сергія; въ ней онъ служивалъ въ день его праздника, какъ преемникъ его настоятельства. При освященіи двухвѣковой деревянной церкви, строенія св. Архимандрита Діонисія, перенесенной изъ села Подсосенья на Корбуху, знаменитый витія Церкви, Митрополитъ Филаретъ 1844 г. Сентября 28 священнодѣйствовалъ въ ризѣ Преподобн. Сергія.

Къ описанію Сергіевой фелони за нужное почитаемъ прибавить, что въ настоящее время сія св. одежда получила измѣненный видъ, потому что передняя часть ея, для удобства въ служеніи, постепенно была укорачи-

ваема, такъ что теперь она покрываетъ половину стана. Въ восточной православной Церкви фелоній, или *фелонь* (φελόνιον и φαιλόνιον) употреблялась, какъ древняя форма и собственно означала верхнюю длинную и широкую одежду, отъ φαίνεται, покрываетъ и ὅλος, весь т. е. одежда, покрывающая все тѣло. Въ прежнія времена ее носили и Архіереи при священнослуженіи. Скрижаль, гл. 28, даетъ ей знаменованіе той хламиды червленной, коею Христосъ облеченъ былъ Іудеями во время своего страданія. По толкованію Симеона Сол. «фелонь означаетъ высшую и свыше подаваемую силу и осіяніе духа, свѣтлость первѣйшихъ горнихъ Чиновъ.» Такою свѣтлостію свыше озаренъ былъ Преподобный Сергій, удостоенный сослуженія Ангеловъ.

Здѣсь на рисункѣ соединенъ съ памятникомъ церковной скудости и остатокъ келейной простоты—деревянная столовая ложка Преподобнаго Сергія, какъ кажется, изъ дикой яблони. Она хранится въ шкафѣ при св. его мощахъ вмѣстѣ съ монашескою его мантіей, парамандомъ, поручами и домашнею утварью.

НОЖЪ, НОЖНЫ СЪ КОШЕЛЬКОМЪ

И СТАРИННАЯ ДЕРЕВЯННАЯ ЧАША ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 102.)

Ножикъ съ черенкомъ изъ дерева, по видимому, яблоннаго и съ костяною оправой на концѣ; суконныя ножны его показываютъ, что св. старецъ носилъ его съ собою въ дорогѣ при поясѣ, что и донынѣ дѣлаютъ поселяне. Но *прославится ли сѣкира безъ сѣкущаго ею?* (1) Сей великій подвижникъ, соединяя трудъ съ молитвою, плотничалъ топоромъ, чтобы выработать себѣ кусокъ черстваго хлѣба у собрата; вѣроятно, и ножъ свой употреблялъ онъ не только на раздѣленіе своего хлѣба нищимъ, но и на вырѣзываніе ложекъ и другой столовой утвари, и тѣмъ самымъ подалъ примѣръ трудолюбія, какому слѣдовали старцы Троицкіе. Въ 1619 г. они поднесли деревянныя братины, ставки и ковши своего издѣлія Патріарху Цареградскому Ѳеофану, а въ 1676 г. Патріархамъ Александрійскому Паисію и Антіохійскому Макарію, посѣтившимъ святую обитель Преп. Сергія. Подобныя утвари посылали они Царямъ и Царицамъ. Монастырское издѣліе, перешедшее въ посадъ дало начало промышленности деревянною посудой, которую покупали богомольцы. Изъ столовой утвари особенно тамъ славились каповыя ложки и чашки, кои вырѣзывались изъ березовой болоны, или выплывка.

Къ такимъ келейнымъ издѣліямъ принадлежитъ изображенный здѣсь деревянный ставецъ или чашка, похожая на братину; за трапезой у всякаго старца былъ свой ставецъ: *что старецъ, то ставецъ.*

(1) *Исаія Прор.* X, 15.

Въ одной изъ проповѣдей своихъ Митрополитъ Платонъ, обращаясь къ симъ памятникамъ св. Сергія, говоритъ: « сіи ризы, въ коихъ онъ священнодѣйствовалъ, сія лжица, сей ножичекъ, послужившіе его потребамъ « тѣлеснымъ, сей посошокъ, подкрѣплявшій его старость и слабость, по « наружности своей, ничего не имѣютъ драгоцѣннаго, или лестнаго; но, « по внутренности, всякихъ бисеровъ и многоцѣнныхъ камней драгоцѣн- « нѣе: — они освящены его пòтомъ и озлащены его добродѣтелей подви- « гами. А потому они, яко одушевленныя, всѣ громогласно вопіютъ: Христіане! не въ златѣ и сребрѣ, но въ добродѣтели и благочестіи поставляйте свое богатство. » (2)

(2) Поучительныя слова Митрополита Платона, XVI, 140 и 146.

КЛОБУКЪ, ТРОСТЬ, ЧЕТКИ, ШЛЯПА, САПОГЪ, САНДАЛІИ И БРУСОКЪ

НИКОНА ПАТРІАРХА.

(Рисунокъ Отд. I. № 103.)

Это памятники труженической, келейной жизни Патріарха Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, или Новомъ Іерусалимѣ, гдѣ онъ съ иноками ходилъ на службу въ церковь, а съ работниками дѣлилъ труды при сооруженіи дивнаго храма въ честь Воскресенія Христова, по образцу Іерусалимскаго.

Въ монастырской церкви онъ украшалъ себя уже не бѣлымъ, но чернымъ клобукомъ, какой изображенъ на рисункѣ. Клобукъ этотъ разнится отъ обыкновеннаго монашескаго только вышитымъ на его челѣ Херувимомъ. На работу онъ ходилъ въ пуховой шляпѣ; на ней уже нѣтъ такого креста, какой нашитъ на Патріаршей шляпѣ, хранящейся въ Патріаршей ризницѣ. Четки его костяныя съ шелковою кистью. Трость его не съ рогами, или перечиною и не съ яблоками, или шипками, но съ набалдашникомъ, составляла для него не отличіе сана, но опору въ ходьбѣ. Кожаный сапогъ съ желѣзной подковкой показываетъ намъ форму обуви, мѣру его ноги, такъ какъ и кожаныя сандаліи, или босовики, съ желѣзными подковками. Наконецъ брусокъ, въ серебряной оправѣ съ драгоцѣнными каменьями, свидѣтельствуетъ, что руки Никона, воздѣваемыя на молитву и благословленія, не чужды были работы.

АРХІЕРЕЙСКІЙ ПОСОХЪ И ЦАРСКАЯ ЧАРОЧКА.

(Рисунокъ Отд. I. № 104.)

Ризница Смоленскаго Успенскаго собора хранитъ въ себѣ два памятника усердія Царей Михаила Ѳеодоровича и Алексія Михайловича: Архіерейскій посохъ и ковшичекъ для вливанія теплоты. Одинъ окованъ серебромъ съ чеканными вызолоченными яблоками и съ крестомъ на верху перечины. Другой серебряный, съ надписью, означающею имя вѣнценоснаго вкладчика; на днѣ его вырѣзанъ двуглавый орелъ съ двумя коронами на головахъ, а на другой сторонѣ слова: *вес м золотниковъ*.

ПОСОХЪ СВ. ЕПИСКОПА НИКИТЫ И СВЯТИТЕЛЬСКАЯ ПАНАГІЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 105.)

Въ числѣ священныхъ древностей и драгоцѣнностей, ризница Новгородскаго Софійскаго собора заключаетъ въ себѣ Архіерейскій посохъ Новгородскаго Святителя Никиты, преставившагося 1107 или 108 года, а по Слѣдованной Псалтири, 1101 года. По видимому, въ ознаменованіе Животворящей Троицы, этотъ посохъ составленъ изъ трехъ жимолостныхъ тросточекъ съ костяными рѣзными яблоками или шипками; рога, или поперечины его, и подъ ними первое поле, обложены моржовой костью, по коей вырѣзаны разные Святые. Изображенія нѣкоторыхъ изъ нихъ выпали; но изъ надписей видно, что на поперечинѣ были лики Спасителя съ Богоматерію и Предтечей, Архангеловъ Гавріила и Михаила, Апостоловъ Петра и Павла, Вселенскихъ Святителей, далѣе на первомъ полѣ Московскаго Святителя Петра и Ростовскаго Леонтія, благовѣрныхъ Князей, Владимира перваго въ зубчатой коронѣ, Бориса и Глѣба, въ княжескихъ шапкахъ, съ крестами въ рукахъ, Препод. Ѳеодосія и Антонія Печерскихъ, Сергія Радонежскаго, св. Евѳимія, св. Онуфрія и Макарія Египетскаго и пр. Выборъ Святыхъ для изображенія на св. утваряхъ, какъ мы не однократно замѣчали выше, бывалъ не случайный, но съ какою нибудь мыслію. Удивительно, что между ими нѣтъ Святаго, тезоименитаго Святителю Никитѣ.

Обронная рѣзьба, стилемъ своимъ сходствуя съ подобными произведеніями ваянія, чеканнаго и литейнаго художества въ XV и XVI вѣкахъ, свидѣтельствуетъ, что рѣзьба на кости издревле была любимымъ и обычнымъ занятіемъ въ Русскомъ народѣ. Въ Новгородѣ же она могла процвѣтать еще и по тому, что промышленность доставляла ему изъ Архангельска моржовую кость для издѣлій.

Согласно съ мѣстнымъ преданіемъ и церковною описью, этотъ посохъ относится къ XI столѣтію. Но преданію и описи противорѣчатъ изображенія на посохѣ Святителя Московскаго Петра и Преподобнаго Сергія, которые принадлежатъ къ XIV вѣку. Празднованіе же памяти ихъ установлено отечественною Церковью еще того позднѣе, такъ что въ Святцахъ XVI вѣка они еще именуются *новоявленными чудотворцами*.

Если жъ принять, что самый жезлъ, т. е. однѣ три тросточки, дѣйствительно принадлежалъ Святителю Никитѣ, а украшенъ рѣзьбою на кости въ послѣдствіи, то тѣмъ можно примирить несогласіе, сблизивъ въ этомъ памятникѣ вѣкъ Московскихъ Святителей съ временемъ Новгородскаго Владыки. Желательно бы еще знать, когда и кѣмъ украшенъ этотъ Святительскій жезлъ? За недостаткомъ положительныхъ данныхъ, надобно прибѣгнуть къ вѣроятностямъ, какія представляетъ изображеніе св. Евѳимія и св. Макарія рядомъ съ св. Онуфріемъ, между тѣмъ какъ послѣдній обыкновенно изображается на иконахъ и празднуется Церковію вмѣстѣ съ св. Петромъ Аѳонскимъ. Въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія были въ Великомъ Новгородѣ два духовные Владыки, ревнители церковнаго благолѣпія и покровители художествъ: Архіепископы Евѳимій II, правившій паствою съ 1429 по 1458 годъ, и Макарій, съ 1526 по 1540 годъ, потомъ Митрополитъ Всероссійскій, наименованный отъ современниковъ *чуднымъ*, *предивнымъ* и *святымъ*; памятниками его любви къ знанію и искусству остались великія Четьи-Минеи, Степенныя книги и св. иконы, имъ изображенныя или поправленныя. Статься можетъ, что тотъ или другой, украсивъ рѣзьбою на кости пастырскій жезлъ своего святаго предшественника, ознаменовалъ память свою изображеніемъ на немъ тезоименитыхъ себѣ св. Евѳимія Великаго и Макарія Египетскаго. Такъ не рѣдко вкладчики, строители и художники на св. утваряхъ, иконахъ и другихъ памятникахъ, посвященныхъ Церкви, вмѣсто своего имени, выставляли тезоименитыхъ себѣ Святыхъ, какъ своихъ предстателей.

Наконецъ, принимая въ соображеніе внѣшнюю форму, знаменованіе и употребленіе посоховъ, кстати замѣтимъ, что такій посохъ, жезлъ, (*δικανίκιον*) иногда называемый *патерицею*, составлялъ знаменіе и отличіе Святителей, какъ пастырей словеснаго стада Христова. Въ древности онъ имѣлъ подобіе буквы Т, такъ какъ и Новгородскій св. Никиты, (1) иногда съ крестомъ, не рѣдко полумѣсяцъ, то вверхъ, то внизъ обращенный. По объясненію Симеона Θессалонійскаго, de sacram: « Посохъ имѣетъ по-« перечину, загнутую назадъ наподобіе острога, чтобы прогонять ожесто-« ченныхъ и зловредныхъ и наконецъ, чтобы знаменовать крестъ Христовъ.» Съ Никона Патріарха появляются жезлы съ двумя зміями на поперечинѣ, напоминающіе намъ превращеніе жезла Моисеева въ змію. Какъ издревле такое изображеніе было символомъ мира, посему и присвоено Архипастырями, благовѣстниками мира. Пастырская утварь сія называется « жезломъ « правленія и утвержденія. » Иногда поперечина его украшается изображеніемъ распустившихся цвѣтовъ въ память того, что Аароново Архіерейство утвердилось жезлопрозябеніемъ. (2) При хиротонисаніи Митрополитовъ онъ вручаемъ былъ имъ Великими Князьями и Царями, какъ напр. при поставленіи Всероссійскаго Митрополита Іоасафа 1539 г. « и подалъ « Князь Великій Святителю жезлъ въ десную руку съ слѣд. словами: « Все-« святая и Живоначальная Троица, дарующія тебѣ сей Святительскій пре-« столъ великія Митрополія всея Русьскія земля, да наставитъ и укрѣпитъ « святительство твое, во еже сохранити и соблюсти нашу вѣру всего пра-« вославнаго Христіанства неподвижно и безмятежно и все еже о Христѣ « порученное тебѣ стадо упасти и направити на путь истинный во много-« лѣтствѣ и здравіи твоемъ. » (3) При этомъ обыкновенно вручаемъ былъ жезлъ Первосвятителя Московскаго Петра, донынѣ хранящійся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Первому Патріарху Московскому Іову на поставленіи также Царь Θеодоръ Іоанновичь подалъ этотъ жезлъ, своими руками возложилъ на него драгоцѣнный крестъ съ животворящимъ древомъ, бархатную мантію и бѣлый клобукъ. (4) Но при поставленіи Патріаршескомъ Филарета Никитича, 1619 г. уже Іерусалимскій Патріархъ Θеофанъ

(1) *Goar*, Euchologion, s. rituale graecorum.
(2) Жезлъ, Москва. 1666, въ л.
(3) Акты Археограф. Экспедиціи. I, N 184.
(4) *Карамз.* И. Г. Р. X, 121.

вручилъ ему посохъ великаго чудотворца Петра Митрополита, а Царь далъ ему панагію злату, украшену драгимъ каменіемъ и бисеромъ, мантію бархатну со источники и клобукъ бѣлъ шелковый. (5)

Неизвѣстно, какому лицу и времени принадлежала изображенная здѣсь старинная Святительская панагія, украшенная финифтяными узорами и драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Этотъ ненадписанный памятникъ также находится въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора.

(5) Древняя Россійск. Вивліоѳика. VI, 156.

ЯНТАРНЫЙ ПОСОХЪ

ПАТРІАРХА ФИЛАРЕТА НИКИТИЧА.

(Рисунокъ Отд. I. № 106.)

Между Великокняжескими и Царскими посохами въ Оружейной Палатѣ находится янтарный посохъ Патріарха Филарета Никитича, присланный къ нему въ 1632 году Курляндскимъ Герцогомъ Іаковомъ. Этотъ знакъ уваженія Герцога къ Патріарху относится къ тому времени, когда Курляндія вошла въ сношенія съ Россіею. Послѣ кончины Патріарха Филарета, посохъ этотъ поступилъ въ число Царскихъ сокровищь.

Посохъ этотъ, составленный изъ янтарныхъ штучекъ, украшенъ искусною рѣзьбою въ Нѣмецкомъ вкусѣ.

ПАРАМАНДЪ,

ПОЯСЪ И ЧАШЕЧКИ,

НАЙДЕННЫЯ ВЪ ГРОБѢ ВЪ ЦЕРКВИ СПАСА НА БОРУ.

(Рисунокъ Отд. I. № 107.)

Въ притворѣ Кремлевской дворцовой церкви Спасъ на Бору, гдѣ съ XIV по XV вѣкъ былъ монастырь, открыты въ 1836 г. при передѣлкѣ стѣнокъ, подъ каменнымъ помостомъ два каменные гроба, покрытые такою же плитою; одинъ у южной, другой у сѣверной стѣны со входа. Въ первомъ найдено еще неистлѣвшее тѣло въ широкомъ шелковомъ платьѣ съ широкими рукавами, палеваго цвѣта; голова его, сохранившая кожу и волосы, покрыта шелковымъ убрусомъ. Въ ногахъ у него лежала берцовая кость и чашечка глиняная, муравленая. Въ другомъ гробѣ открытъ полуистлѣвшій оставъ, судя по краткости бедренныхъ костей и тазовому выгибу позвоночнаго столба, женскій. Кости сохранили свое естественное положеніе до того, что руки остались сложенными, только голова, отдѣлившаяся отъ туловища, лежала поодаль, вѣроятно, отъ того, что истлѣло изголовье, на коемъ она покоилась. На груди у него былъ кожаный парамандъ, съ ремешками; чресла его обнималъ такой же поясъ. Въ ногахъ лежала глиняная чашечка, какъ и у другаго, муравленая, и остатки кожаныхъ сандалій.

Безъ сомнѣнія, тѣла сіи погребены тогда, когда еще Спасопреображенскій Княжескій монастырь служилъ усыпальницею не только своихъ настоятелей и монаховъ, но, какъ увидимъ далѣе, Князей и Княгинь, ко-

гда они въ немъ принимали предсмертное постриженіе, а нѣкоторые изъ нихъ проводили здѣсь остатокъ жизни въ келейномъ уединеніи.

Каменные гробы окладомъ своимъ похожи на открытые въ Кіевѣ, старой Рязани и другихъ мѣстахъ Россіи. Подобно Египетскимъ, они обхватываютъ голову, туловище и ноги человѣка, какъ бы влагалища. Впрочемъ окладъ, или форма гробовъ былъ въ древней Руси не всегда одинаковъ; потому что находили каменные гробы, высѣченные изъ цѣльнаго бѣлаго камня, на подобіе ящика, или трапеціи, какъ напр. гробъ В. К. Андрея Боголюбскаго во Владимирѣ. По указанію лѣтописей, въ каменныя раки не рѣдко вкладывались деревянные гробы, или *колоды, ковчеги, корсты, буды.* (1) Случалось, что въ гробъ отца клали дѣтей. Тѣло Владимира Васильковича философа, 1287 г. «положиша въ отнѣ гробѣ.» (2) Хотя, по принятому обычаю, въ древности у Русскихъ погребали усопшихъ въ самый день ихъ кончины, до захожденія солнца: [« то бо послѣднее солнце « видятъ до общаго Воскресенія; »] но, если не готова была каменная рака, то погребеніе отлагали до другаго дни, какъ то случилось-было съ тѣломъ Князя Давида Святославича. (3) Такой гробъ замазывали. (4) Надъ могилами Князей и Княгинь въ церквахъ обыкновенно ставили каменныя гробницы, или надгробницы съ покровами и выносными образами, предъ коими горѣла неугасимая свѣча, чтобы « память родителей не угасала.» (5) Это называлось, говоритъ лѣтопись, « послѣднюю службу сотворить родителямъ «своимъ.» Поминовеніе считалось священною обязанностью въ день кончины и тезоименитства усопшихъ, и въ родительскія субботы. Тогда ставили на гробъ ихъ кутью, служили панихиды и заупокойныя обѣдни; со дворца давали на братію колачи, рыбу и квасы—и у Спаса на Бору, гдѣ Іоаннъ Калита кормилъ и одѣвалъ убогихъ, раздавали нищимъ милостыню по душѣ поминаемыхъ—и въ притворѣ храма надъ Княжескими гробами или въ боковой трапезѣ творилось заупокойное учрежденіе для иноковъ. Гробы родительскіе для дѣтей были жертвенниками обѣтовъ; *у отня гроба* они заключали союзы, *утверждались между собою* клятвою, какъ будто предъ живымъ *послухомъ;* на сырной недѣлѣ

(1) *Карамз.* И. Г. Р. III, пр. 23. Евхологіонъ, албо молитвословъ, или Требникъ, напеч. въ Кіевѣ Митрополитомъ Петромъ Могилою. 1646 г. въ десть.
(2) *Ипатьевская лѣтоп.* подъ 1285 годомъ.
(3) *Карамз.* И. Г. Р. IV, пр. 265.
(4) тамъ же И. Г. Р. II, пр. 228.
(5) см. ст. о вощаницахъ.

и отправляясь въ походъ, они приходили прощаться, въ первый день Пасхи—христосоваться. Такова была святыня гробовъ родительскихъ, ввѣренная не внутренности храма Преображенскаго, гдѣ опочиваютъ св. мощи Святителя Пермскаго Стефана, но притвору его. Издревле, притворъ церковный, какъ въ Царьградѣ, такъ и на Руси служилъ усыпальницею Княжеской; потому что на Востокѣ, отъ первыхъ вѣковъ, не дозволялось никого погребать во внутренности храма. Св. Іоаннъ Златоустъ свидѣтельствуетъ намъ, что « сынъ « Константина Великаго вмѣнилъ за особенную честь, что отца его похо- « ронили при входѣ въ храмъ. Что дверники въ Царскомъ дворцѣ, говоритъ « онъ, то Цари во гробѣ у храма. » На такомъ основаніи, притворъ Преображенской церкви опредѣленъ былъ для погребенія Московскихъ Князей и Княгинь, которыхъ гробы лежатъ въ землѣ подъ каменнымъ помостомъ. Но надъ ними давно уже нѣтъ надгробницъ. Вѣроятно, онѣ разрушены, или самые гробы опущены въ землю тогда, когда Поляки, занимавшіе Кремль около 19 мѣсяцевъ, по словамъ Авраміа Палицына, искали въ могилахъ сокровищъ.

Къ сожалѣнію, на самыхъ гробахъ и на утваряхъ нѣтъ надписанія именъ, кои могли бы для насъ разоблачить тайну могилы. Древніе Сvнодики, куда вносились для поминовенія имена здѣсь погребенныхъ, истлѣли въ пожарахъ. Однѣ безгласныя кости, одни безъимянные знаки ихъ сана не скажутъ намъ, кому и когда они принадлежали. Но, къ счастію, лѣтописи сохранили намъ имена Великихъ Князей и Княгинь, погребенныхъ въ притворѣ этого храма. Въ 1393 году, здѣсь положенъ юный сынъ В. К. Димитрія Донскаго Іоаннъ, въ иночествѣ, Іоасафъ подлѣ гроба бабы своей, Княгини Александры Княжь Ивановны, вдовы В. К. Іоанна Іоанновича, скончавшейся 1364 года. Здѣсь гробы Великой Княгини, инокини Елены, ум. 1332 г. первой супруги В. К. Симеона гордаго, Маріи, и второй его супруги Анастасіи Литовской, ум. 1345 г. В. К. Марія, разведенная съ супругомъ своимъ, принявъ ангельскій образъ съ именемъ Ѳеотиніи, пребывала въ этомъ монастырѣ до блаженной кончины своей, которая постигла ее, спустя 46 лѣтъ послѣ супруга ея. Тѣло ея положено въ монастырѣ у Спаса на Москвѣ 1399 г. Марта 31; но, 1473 г. вѣроятно, при возобновленіи церкви, « обрѣтена въ тѣлѣ невребжена ни чѣмъ, только ряса истлѣла. » (6) Великій Князь Іоаннъ III, призвавъ благочестивую Игуменью Алексѣевскую Уліану, повелѣлъ ей облечь мощи прабабки своей « во всѣ новыя ризы монашескія. »

(6) Софійскій временникъ. I, 423. II, 140,

И такъ, если это не останки юнаго инока Іоасафа, сына Донскаго, то должны быть мощи Өеотиніи, сохранившія на себѣ невредимо священные знаки иноческаго сана,—парамандъ и поясъ, такъ равно свидѣтельство елеосвященія—скудельный сосудецъ.

По своему отношенію къ церковной Археологіи, сіи древнія св. утвари заслуживаютъ особенное вниманіе.

Извѣстно, что парамандъ, *παραμάνδυ*, или *аналавъ*, возлагается при постриженіи въ монашество; обыкновенно, его прикрѣпляютъ крестообразно шнуромъ между раменами. Симъ священнымъ убрусомъ закрывали лице усопшему иноку. У Гоара такъ описанъ сей знакъ монашескаго образа: «парамандъ « есть четвероконечный лоскутъ, длиною въ одну пядень, который посред- « ствомъ длинныхъ шнуровъ прикрѣпляется къ рукамъ и плечамъ. На немъ « обыкновенно изображаются знаменія страстей Спасителя, крестъ большой « съ четырьмя меньшими по сторонамъ и съ словами: IC XP NK, т. е. Іисусъ « Христосъ побѣдилъ.» Таковы параманды, донынѣ употребляемые иноками и устроиваемые обыкновенно изъ бумажной, шерстяной или шелковой ткани. Но изображенный на эстампѣ парамандъ, какъ мы замѣтили, кожаный, хорошо сохранившійся, длиною $4\frac{3}{4}$, а шириною 3 вершка. Изъ кожи они дѣлались согласно съ толкованіемъ Симеона Өессалонійскаго, который говоритъ: что « Аналавъ изъ кожъ животныхъ за мірскихъ умерщвленіе, отъ раменъ спреди « крестовидно и созади знаменіе креста имущій, паче же самый изобразующій « крестъ. » (8) Вмѣсто креста, вытиснутые XII господскихъ праздниковъ съ надписями представлены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Благовѣщенье, Преображенье, Рожьтво Хсво, Распятье Хсво, Встрѣнье Хсво, Вскресенье Хсво, Крещенье Хсво, Взнесенье Гне, Вскресенье Лзрво, Шествие Дха стго, Вхдя к Іерслмъ, Успенье ст Бцї.

Замѣчательно, что въ числѣ праздниковъ, здѣсь изображенныхъ, находятся такіе, какіе не вошли въ составъ господскихъ, донынѣ принимаемыхъ Православною Россійскою Церковію, напр: Распятіе Господне и Лазарево Воскресеніе; за то нѣтъ такихъ, какіе теперь причислены къ двунадесятымъ напр. Воздвиженіе честнаго креста, Введеніе и Рождество Богородицы. Это показываетъ, что въ XIV вѣкѣ отечественная Церковь наша принимала тѣ же господскіе праздники, какіе показаны у Никифора Каллиста, жив-

(7) Euchologion, s, rituale Græcorum, auct. I. *Goar*.
(8) Новая Скрижаль, изд. 4, Москва, 1816, въ 4.

шаго въ томъ же вѣкѣ. Онъ излагаетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Благовѣщеніе, Рождество Христово, Срѣтеніе, Богоявленіе, Преображеніе, Лазарево Воскресеніе, Входъ во Іерусалимъ, Распятіе, Воскресеніе, Вознесеніе, Сошествіе Св. Духа и Успеніе Пресв. Богородицы. (9) Съ росписаніемъ праздниковъ у Каллиста согласно изображеніе ихъ на парамандѣ, найденномъ въ гробѣ у Спаса на Бору.

На кожаномъ поясѣ вытиснуты тѣ же праздники, что и на парамандѣ. Напоминая иноку поясъ *усменный* Предтечи, по словамъ св. Германа, онъ знаменуетъ умерщвленіе плоти и возобновленіе духа, а вмѣстѣ съ тѣмъ готовность на всякое доброе дѣло.

Кромѣ вещества и значенія этой утвари, замѣчателенъ въ ней способъ тисненія. На ней вытиснуты выпукло изображенія и надписи посредствомъ мѣдной доски, на коей онѣ вырѣзаны были вглубь. Такое дѣло походитъ на печатаніе неподвижными буквами; отъ него сдѣланъ переходъ къ оттискамъ гравированныхъ досокъ и къ печатанію подвижными буквами. Въ дѣлахъ о пожарѣ Московскомъ 1737 г. упомянута « старая доска мѣд« ная, что печатаютъ кожи. »

Не оставимъ безъ вниманія и двухъ скудельныхъ сосудовъ, лежавшихъ въ гробахъ. Они не одинакой величины и сдѣланы искусно изъ глины, муравленые; одинъ грановитый, желтоватаго цвѣта, другой гладкой, зеленоватой. Значеніе ихъ такое же въ чинѣ отпѣванія, какое у Грековъ *κανδῆλα τοῦ εὐχελαίου*. (10) Послѣ отпѣванія усопшаго, наполнивъ ихъ оставшимся отъ елеосвященія масломъ съ краснымъ виномъ, изливали его на покойника, а самый сосудецъ клали ему во гробъ.

Описанныя нами утвари осматривалъ Государь Императоръ Николай I, столь внимательный и благоговѣйный къ отечественной древности и святынѣ. Найденныя въ гробахъ бывшимъ придворнымъ Протоіереемъ, а нынѣ Протопресвитеромъ У. С. Василіемъ Иван. Платоновымъ, онѣ хранятся въ алтарѣ у Спаса на Бору.

Наконецъ нельзя не пожелать, чтобы на стѣнахъ притвора выставлены были доски, съ именами погребенныхъ здѣсь Князей и Княгинь.

(9) Дни богослуженія Православной Греко-Россійской Церкви. Спб. 1837, въ 8.
(10) Handbuch der christl. Archæologie, von D. *Augusti*, III, 554.

ПАНАГІЯ ПАТРІАРХА ІОАСАФА.

(Рисунокъ Отд. I. № 108.)

Между Великокняжескими и Царскими регаліями въ Оружейной Палатѣ находится и Патріаршая панагія, прекрасная по работѣ и драгоцѣнная по матеріаламъ. Лицевую ея сторону украшаетъ оправленный въ золото камей изъ большаго хризопраза, на коемъ вырѣзанъ образъ Успенія Богоматери, храмовой Патріархіи. Греческая надпись: ἡ κοίμησις τῆς ὑπεραγίας Θεοῦ, (1) обнаруживаетъ Греческое издѣліе, которое Московскимъ художникомъ вставлено въ панагію, украшено драгоцѣнными камнями и финифтью, ознаменовано Русскими надписями. Съ обратной стороны открывается половинка, на коей наведены черные слѣд. надписи, крестообразно размѣщенныя: и мощи святаго мученика Евстаѳиа, Плакиды, святаго мученика Меркурія, Преподобнаго Александра Свирскаго, Великомученика Пантелеймона. « Въ срединѣ читаете : Лѣта ҂зрод повелѣніемъ Великаго Гсдна Святѣйшаго Іоасафа Патріарха Московскаго і всея Росиі здѣлана сія панагѣя. » Годъ (1671) показываетъ, что она принадлежала седьмому Патріарху Московскому Іоасафу II, хиротонисанному изъ Архимандритовъ Троицко-Сергіевы лавры 1667 года, Декабря 29 и скончавшемуся 1672 года, Февраля 17. Неизвѣстно только, по какому случаю, этотъ знакъ Святительства поступилъ въ Оружейную Палату, вмѣсто Патріаршей ризницы.

(1) т. е. Успенія Пресвятыя Богородицы.

ПАНАГІИ ПАТРІАРШІЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 109, 111.)

Патріаршія панагіи напоминаютъ намъ знаки Святительскаго отличія; по первоначальному своему происхожденію и употребленію, онѣ совершенно имѣли различное знаменованіе и назначеніе. Начало панагіи относится къ Апостольскимъ временамъ. Древнее преданіе, какъ отголосокъ первенствующей Церкви, сообщаетъ намъ слѣдующее: « по вознесеніи І. Христа, Апостолы всегда оставляли за трапезою незанятое мѣсто въ память небеснаго своего Учителя, который въ Св. Писаніи именуется *хлѣбомъ животнымъ*, (1) и на убрусцѣ выше трапезы полагали хлѣбецъ, » иже хотяше « Спасъ снѣсти, егда плотію пребываше. » (2) Предъ окончаніемъ трапезы, они съ благодареніемъ Богу возносили этотъ хлѣбъ, называвшійся *частію Господней*, и славили великое имя Пресвятыя Троицы. Когда же въ Гевсиманіи, по успеніи Богоматери, необрѣтенной во гробѣ, они, по обыкновенію, вознесли съ славословіемъ Пресвятыя Троицы, *часть хлѣба, отложеннаго для Господа*, въ это самое время внезапно явилась на воздухѣ Божія Матерь въ сонмѣ Ангеловъ и привѣтствовала ихъ словами: « радуй- « тесь! Я съ вами есмь во вся дни! » Обрадованные Апостолы единогласно воскликнули: « Пресвятая Богородица, помогай намъ! » (3) Такое от-

(1) *Исходъ*. XVI, 15. *Іоанна Еванг*. VI, 35.

(2) Повѣсть о воздвиженіи Пречистыя Богородицы хлѣба въ полномъ собраніи твореній Максима Грека списокъ съ списка 1765 г. въ л. въ библіот. *И. Н. Царскаго*. N 244.

(3) Чинъ о панагіи, бываемый въ обителяхъ по вся дни. См. *Слѣдов. Псалтырь*. Euchologion, sive rituale Græcorum, opera *Iac. Goar*, ed. II, Venetii, 1730, f.

радное видѣніе и воззваніе послужили для нихъ свидѣтельствомъ о возстаніи изъ гроба и вознесеніи на небо Богоматери, съ тѣмъ вмѣстѣ освященіемъ трапезнаго ихъ воспоминанія. Завѣтное преданіе объ этомъ было основаніемъ къ учрежденію въ нѣкоторыхъ Греческихъ лаврахъ, особливо въ Аѳонской горѣ, а наконецъ, по примѣру ихъ, и въ нашихъ отечественныхъ монастыряхъ, священнаго, знаменательнаго обряда—возношенія за трапезою благословеннаго хлѣба въ честь Богоматери. Отъ Пресвятаго ея имени хлѣбъ сей именовался *панагіею* т. е. пресвятою, а складной ковчежецъ, куда онъ влагался, *παναγιάριον*. Въ послѣдствіи названіе содержимаго дано содержащему, и въ общемъ употребленіи *панагія* принимаема была, вмѣсто панагіара, на коемъ изображался ликъ Богоматери и св. Троицы. Чинъ панагіи обыкновенно совершается въ концѣ трапезы, болѣе въ праздники. По данному знаку колоколомъ или биломъ, всѣ встаютъ и, по молитвословіи, возносятъ сію панагію съ возглашеніемъ: « Пресвятая Богороди-« ца, помогай намъ! » потомъ раздробивъ этотъ хлѣбъ, раздѣляютъ его присутствующимъ. За тѣмъ иногда предлагалась такъ называемая *чаша Богородичная*, или *Пречистыя*. Для сего употребляемы были: чаши, братины, красовули и фіалы, а изъ напитковъ: медъ или красное виноградное вино, растворенное водою.

Впрочемъ не только за монастырскими трапезами, но и за столами Византійскихъ Императоровъ отправлялся чинъ панагіи, какъ видѣли выше изъ приведеннаго сказанія Георгія Кодина, Византійскаго писателя XV в. Комментаторъ его присовокупляетъ, что обрядъ этотъ также совершался народомъ въ церквахъ и домахъ.

По примѣру Византійскаго двора, завѣтный этотъ обрядъ, какъ выше замѣчено, совершался при торжественныхъ столахъ у Московскихъ Государей и Патріарховъ. Такъ за Царскими столами въ золотой Палатѣ 1619 и 1642 годовъ, по случаю поставленія Патріаршаго, Святитель « дѣйствовалъ надъ Богородичнымъ хлѣбомъ. » На праздничные, родильные и именинные столы у Государя, Патріархъ шелъ въ преднесеніи св. иконъ и панагіара; но промежду Патріаршества не износили панагіара. (5) Чинъ панагіи совершаемъ былъ за Патріаршими столами въ праздникъ Пасхи, въ память Первосвятителя Петра, въ памятъ Митрополитовъ и Патріарховъ Московскихъ, въ день Успенія Богоматери, когда

(4) *G. Codini* de offic. Constant. VII, 23.
(5) Древн. Росс. Вивліоѳика. XV, 187.

Царь приглашаемъ былъ Святителемъ « хлѣба кушать въ дому Пречистыя Богородицы, » т. е. въ Патрiаршей столовой палатѣ. За такими столами предлагались чаши съ возношенiемъ имени: *чаша Петра Митрополита*, какъ первопрестольника, *чаша Царская* и *Патрiаршая*. Два столовые панагiара или панагiи, теперь хранятся въ Московской Патрiаршей ризницѣ; одна изъ нихъ значится въ описи 1658 года: « панагеа серебряная, походная на « чѣмъ вынимаютъ хлѣбъ богородиченъ. » (6) Находящiйся въ Новогородскомъ Софiйскомъ соборѣ серебряный панагiаръ, 1436 года, названъ въ церковной описи *панагiею артосною*. (7) Какимъ же образомъ сiя трапезная утварь обратилась въ знакъ Iерарпіескаго сана, Митрополитъ Гаврiилъ Петровъ такъ объясняетъ: « Какъ настоятели обителей возлагали на себя за трапезою ковчежецъ съ богородичнымъ хлѣбомъ; то, по примѣру сихъ панагiарiевъ, Патрiархи и Архiереи стали носить на себѣ иконы тѣхъ Святыхъ, во имя которыхъ освящены престольные ихъ храмы; тѣмъ болѣе, что къ присвоенiю себѣ панагiи Архiереями служило основанiемъ и то, что они были вмѣстѣ настоятелями монастыря въ своей Епархiи.» (8) Такiя наперсныя иконы Епископовъ въ Греческихъ чиновникахъ названы общимъ именемъ *ἐγκόλπια*, *нанѣдрениками*, а въ Россiи особенно *иконами воротными*, *вратными*, т. е. наперсными и *панагiями*. При поставленiи Митрополита Всероссiйскаго, икона вратная золотая возлагалась на него первенствующимъ Архiереемъ, (9) а при поставленiи перваго Патрiарха Московскаго, Царь, по свидѣтельству Арсенiя Елассонскаго, собственными руками возложилъ на него панагiю съ золотою цѣпочкой (elegantissimum encolpion ex aureo pendens funiculo), какъ подтверждаетъ и самая надпись на этой панагiи, хранящейся въ Московской Патрiаршей ризницѣ.

Анастасiй въ комментарiяхъ на дѣянiя VIII собора говоритъ, что « крестъ съ честнымъ (pretioso) древомъ, или съ мощами Святыхъ, носимый на груди, называется *енколпiемъ*, или нанѣдреникомъ. « Въ дѣянiяхъ Святыхъ при св. Папѣ Львѣ III упомянуто о золотомъ нанѣдреникѣ, коего одна сторона изъ кристалла, а на другой литое изображенiе. Крестъ наперсный

(6) Списокъ съ переписной Патрiаршей домовой казны, 7166 г. N 543.

(7) см. выше стр 84—86, Артосная панагiя въ Спискѣ Русскимъ памятникамъ, *П. Кеппена*, М. 1822, въ 8.

(8) О служенiи и чиноположенiяхъ Православ. Греко-Росс. Церкви, М. 1792. Ср. Разсужденiе о началѣ, важности и знаменованiи церковныхъ облаченiй *(М. Евгенiя)*, Спб. 1804. въ 4.

(9) Акты Археограф. Експедицiи, I.

завѣщанный св. Петромъ Митрополитомъ Іоанну Калитѣ и возлагавшійся на Государей Россійскихъ при вступленіи ихъ на престолъ, не представляетъ ли доказательства, что первосвятители тогда носили на себѣ крестъ.

До Московскаго собора 1675 года и по его опредѣленію, Архіепископы и Епископы въ своихъ Епархіяхъ могли надѣвать на себя при служеніи крестъ, или панагію; однимъ только Патріархамъ, или Митрополитамъ предоставлялось право носить на себѣ крестъ и панагію. Но въ послѣдствіи Патріархи Московскіе стали возлагать на себя по двѣ панагіи съ крестомъ. (10)

Такимъ образомъ панагія получила особенное назначеніе въ порядкѣ Іерархическомъ, какъ Архіерейское отличіе, которое потомъ предоставлено было даже Архимандритамъ нѣкоторыхъ ставропигіальныхъ монастырей. Соотвѣтствуя Судному Слову ветхозавѣтной Церкви, она замѣнила наперсное украшеніе, которое состояло изъ убруса съ XII самоцвѣтными каменьями различнаго рода и съ именами XII колѣнъ Израильскихъ. (11) Нѣкоторыя изъ Патріаршихъ панагій, большею частію, состоятъ изъ камней, украшавшихъ Слово Судное, каковы были: сардій, топазій, смарагдъ, анѳраксъ, сапфиръ, іасписъ, лигирій, ахатъ, амеѳистъ, хрисолиѳъ, вириллій и онихій. (12) Подобно какъ Слово Судное, выражающее *истину* и *явленіе*, служило Первосвященнику орудіемъ отвѣтовъ вопрошающимъ о волѣ Божіей: (12) такъ, вѣроятно, и панагія, при избраніи Всероссійскихъ Митрополитовъ и Патріарховъ, назначалась вмѣстилищемъ жребіевъ. Тогда заключивъ въ нее три жребія, ставили ее въ кіотѣ на пеленѣ предъ чудотворною иконой Владимирскія Богоматери въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ молебна, вынявъ одинъ жребій, представляли его Царю. (13) На это употреблялась складная панагія древнихъ Святителей.

Въ панагіяхъ Архіерейскихъ заключались мощи Святыхъ, иногда часть древа Господня и даже онѣ служили дароносицей, или хранилищемъ св. Таинъ. Изъ Твореній Св. Отцевъ и житія Благовѣрнаго Князя Михаила Черниговскаго видно, что въ напутствіе отправлявшимся въ дальное и опасное странствованіе вручаемы были запасные дары, (14) кои, вѣроятно,

(10) Исторія Росс. Іерархіи, I.

(11) Начертаніе Церковно-библейской Исторіи. *М. Филарета*. изд. 4. Спб. 1827, въ 8. *I. Iahni* Archæologia biblica, Viennæ. 1814, въ 4.

(12) *Исхода* XXVIII, 18 и 19.

(13) Древн. Росс. Вивліоѳика, VI, 234—240.

(14) Св. Василія Великаго письмо 289 къ Кесарію и Амвросія Медіол. и Софійск. Врем. I, 294.

заключались въ складныхъ панагіяхъ. (15) Подобную сему путевую панагію Патріарха Никона можно видѣть въ ризницѣ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря.

Въ описяхъ Патріаршей казны панагіи раздѣляются на *столовыя, походныя, путныя* и *вратныя*, или наперсныя; (16) первыя составляли складни, или панагіары, на одной половинѣ ихъ изображалась Пресвятая Троица, а на другой Воплощеніе, или такъ называемое Знаменіе Пресвятой Богородицы, вѣроятно, потому, какъ говоритъ Симеонъ Солунскій, что « чрезъ божественное Рожество мы Троицу познахомъ; » вторыя были глухія съ изображеніемъ то Преображенія Господня, то Благовѣщенія и Успенія Богоматери и другихъ Святыхъ; на панагіи, присвоиваемой св. Петру Митрополиту, видѣнъ ликъ св. Пророка Даніила.

Наконецъ панагіею называемы были и малые образа съ мощами и безъ мощей, коими замѣнялись тѣльные кресты и привѣшивались къ мѣстнымъ и домовымъ иконамъ. Патріархъ Іеремія поднесъ Царю Ѳеодору Іоанновичу панагію золотую съ мощами, а въ ней крестъ отъ животворящаго древа и кровь Христова, да часть ризы Господней и пр. а Царицѣ Иринѣ панагею золоту, а въ ней камень, а на камнѣ образъ св. Марины. (17)

Приложенная здѣсь панагія, золотая, по описи казны Патріаршей, принадлежала Патріарху Филарету Никитичу. На вставленномъ въ срединѣ ея четырехслойномъ агатѣ, или такъ называемомъ перелифти, вырѣзанъ рельефомъ образъ Божіей Матери Воплощеніе. Пресвятая Дѣва, стоящая, съ Превѣчнымъ младенцемъ на лонѣ ея. Вокругъ образа обнизано въ двѣ пряди жемчугомъ, въ возглавіи крупный яхонтъ; на обратной сторонѣ по золоту вырѣзано Богоявленіе Господне. Хотя изъ описи келейной казны Патріарха Филарета видно, что двѣ панагіи съ каменьями привезены ему Турскимъ посломъ Ѳомою Кантакузинымъ; но работа описываемой нами, отчетливая, искусная, по видимому, дѣло не Греческое, а Московское, какое нерѣдко выходило изъ рукъ мастеровъ Царскаго и Патріаршаго двора.

(15) О возношеніи панагіи, егда хощетъ кто на куплю отыти, въ Стратинскомъ Молитвенникѣ или Требникѣ, изъ друкарния Пана Ѳ. Ю. Балабана, 1606, въ 4.

(16) Книга списокъ съ переписной Патріаршей казны, 7166 г. N 543.

(17) *Карамз* И. Г. Р. X, пр. 198.

ПАНАГІЯ ВЪ АРХІЕРЕЙСКОЙ РИЗНИЦѢ

ВЛАДИМІРСКАГО РОЖЕСТВЕНА МОНАСТЫРЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 110.)

Среди св. утварей, изъ разныхъ вѣковъ, въ Архіерейской ризницѣ Владимирскаго Рожествена монастыря находимъ Святительскую серебряную, вызолоченную панагію XVII вѣка. Она достопамятна, сколько богатствомъ украшеній, столько же искусствомъ работы. Въ срединѣ ея вставленъ камей изъ оникса мутно-лиловаго цвѣта съ зеленоватыми полосками, изображающій Спасителя; вокругъ его въ клеймахъ лики XII Апостоловъ, въ томъ числѣ четырехъ Евангелистовъ подъ видомъ Ангела, Орла, Льва и Тельца. На возглавіи вычеканенъ образъ Спаса Нерукотвореннаго. Какъ вокругъ камея, такъ и ободка насажены въ гнѣздахъ винисы, хризопразы, изумруды и жемчужины. На обратной сторонѣ, вокругъ креста идетъ въ четыре ряда слѣдующая надпись, которая указываетъ намъ не только годъ, но и соорудителя этой утвари. Мы ее предложимъ здѣсь по снимку Г. Солнцева: «лѣта ҂зрлд, Ноября въ кѕ день, при державѣ благовѣрнаго Цря і великаго Князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи и при Свтѣйшемъ Патріархѣ Филаретѣ Никитічѣ Московскомъ і всея Русіи по повелѣнію ихъ Гдрскаго богомольца Верейскаго Митрополита Аверкія.» Панагія сія относится къ тому времени, когда Владимиръ съ Лухомъ и Гороховцемъ были городами Патріаршей области. (1) Въ 1624 г. Архіепископомъ Суздальскимъ и Тарусскимъ въ исторіи Іерархіи показанъ Іосифъ, а преемни-

(1) Собраніе Госуд. грамотъ. III, 231

комъ его съ 1634 г. Серапіонъ. Остается между правленіемъ того и другаго десятилѣтіе, никѣмъ не занятое. (2) Чтожъ касается до Митрополита *Верейскаго* Аверкія, то Епархіей его была или *Верія* въ области Константинопольскаго Патріарха, или Сирскій Алепо, въ древности называвшійся *Веріей* и въ послѣдствіи принадлежавшій къ Цареградскому Патріархату. Такъ въ числѣ Митрополитовъ Восточной Церкви, подписавшихъ грамоту на поставленіе перваго Московскаго Патріарха Іова, находился *Варійскій* Митрополитъ Акакій. (3) По этому предполагать можно, что пріѣхавшій изъ Веріи Митрополитъ Аверкій, въ царствованіе Михаила Θеодоровича, устроилъ сію панагію отъ щедротъ Царскихъ и Патріаршихъ. Статься можетъ, что Митрополиту Верійскому Аверкію предоставлена была Патріархомъ Филаретомъ въ управленіе Суздальская Епархія между 1624 и 1634 годами. Примѣръ тому былъ въ 1589 г., когда Владимиръ предлагали въ управленіе Цареградскому Патріарху Іереміи. (4) Ежели это такъ, то панагія оставлена Аверкіемъ на память въ ризницѣ Рожествена монастыря, гдѣ Владимирскіе Іерархи издревле имѣютъ свое мѣстопребываніе.

(2) Исторія Росс. Іерархіи, I.
(3) Древняя Росс. Вивліоѳика. XVI, 129.
(4) *Карамз.* И. Г. Р. X, 119.

ЧЕТКИ, КРЕСЛА И СТОЛЪ

НИКОНА ПАТРІАРХА.

(Рисунокъ Отд. I. № 112.)

Въ пустынѣ, устроенной Никономъ Патріархомъ при Воскресенскомъ монастырѣ, Новомъ Іерусалимѣ, хранится памятникъ его смиренія въ напасти и простоты его келейнаго быта: кресла и осмигранный столъ съ выдвижными ящиками изъ сосноваго дерева; однѣ раскрашенныя по левкасу, а другой некрашеный. По видимому, этотъ столъ былъ письменный и вмѣстѣ трапезный. Вмѣстѣ съ церковными облаченіями и домашнею одеждою въ ризницѣ находятся его четки, выточенныя изъ кости, съ шелковою кистью.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

